

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Владимир Шигин

СИРИЙСКИЙ ЭКСПРЕСС

РОМАН

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Владимир Шигин

Сирийский экспресс

Роман

Москва

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

2022

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)
Ш55

Шигин В. В.

Сирийский экспресс / В. В. Шигин. М. : Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. – 156 с. (Современная военная проза: книжная серия ЦДРА)

Новый приключенческий роман известного российского писателя-мариниста, ведущего редактора военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе Владимира Шигина посвящён событиям нашего времени, которые вполне могли произойти в реальности, – борьбе Вооружённых Сил Российской Федерации с международным терроризмом в Сирийской Арабской Республике.

В центре произведения – коллективный подвиг моряков Черноморского флота и артистов Центрального Дома Российской Армии, спасающих мир от страшной глобальной катастрофы. Это люди, разные по своим привычкам, жизненным планам и увлечениям. Но всех их объединяет любовь к России, преданность флоту и верность воинскому долгу.

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

12+

© Шигин В.В.

© Кабин А.В. – дизайн обложки

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	4
Сирийский экспресс (роман).....	6
Послесловие.....	150
Список терминов и сокращений.....	154

ОБ АВТОРЕ

Владимир Виленович Шигин – современный российский писатель-маринист. Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Родился 12 марта 1958 года в Севастополе, военный моряк в 5-м поколении. В 1975 г. окончил школу в г. Лепая. Трудовую деятельность начал слесарем механосборочных работ на оборонном заводе. В 1976-1977 гг. служил матросом на Балтийском флоте. В 1977 г. поступил, а в 1981 г. окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище.

С 1981 по 1988 г. служил на Балтийском флоте заместителем командира малого противолодочного корабля и заместителем командира дивизиона тральщиков 118-й бригады кораблей ОВР. Участник маневров «Запад-81» и восьми боевых служб.

В 1991 г. окончил научно-педагогический факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина по специализации политическая история. С 1991 по 1996 год заместитель начальника пресс-центра Главнокомандующего ВМФ. С 1996 по 2009 год – редактор отдела литературы журнала Министерства обороны

РФ «Морской сборник». С 2013 года – ведущий редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

В Вооружённых силах СССР и России прослужил 33 календарных года.

Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры РФ. Секретарь Союза писателей России.

Автор более 80 книг по истории России и ВМФ.

Награждён Орденом Почёта, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» 1-й, 2-й степеней, Медалями «Адмирал Кузнецов», «Адмирал Горшков», другими ведомственными наградами.

Лауреат литературных премий:

- Международной литературной премии союза писателей-баталистов и маринистов имени Валентина Пикуля 1994 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России имени Александра Невского 2011 г.
- Всероссийской общественно-литературной премии имени святого праведного воина Федора Ушакова 2012 г.
- Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова 2013 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Имперская культура» 2013 г.
- Литературной премии г. Севастополя имени Л.Н. Толстого 2015 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России и ВПК «Щит и меч Отечества» 2015 г.
- Московской областной губернаторской литературной премии имени Михаила Пришвина 2018 г.

Сирийский экспресс

*Моим друзьям, живым и уже оставившим этот мир,
посвящаю эту книгу
Заходит с тыла седина,
Спешат морщины...
Но если где-то есть война,
Там есть мужчины.*

Владимир Силкин

12 МАРТА 2016 ГОДА.

НОВОРОССИЙСК. ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА

Звонок по «каштану» буквально вырвал Шубина из объятий сна.

– Товарищ командир! Вас на связь оперативный!

Разлепив глаза, глянул на судовые часы. Стрелки показывали половину первого ночи.

Делать нечего, надо было вставать. Шубин застегнул пуговицы рубашки, натянул носки, влез ногами в стоявшие у койки туфли, поелозил, чтобы смятые задники встали на место. Мотнув головой, прогнал остатки сна. Плеснул с умывальника в лицо пригоршню воды. Поднялся на ГКП, взял трубку берегового телефона.

– Михалыч! Как у тебя с топливом и водой? – несколько виновато поинтересовался из трубки хриплый голос оперативного дежурного Новороссийской базы Кости Соборы.

С Соборой Шубин когда-то начинали лейтенантами в одной бригаде, поэтому отношения остались соответствующими.

– Запасы, разумеется, полные! Я же по приходе из Севастополя докладывал! – недолго ответил Шубин, начиная понимать, что и поздний звонок оперативного, и его, на первый взгляд идиотский вопрос имеют и смысл, и взаимосвязь.

От отсутствия смысла, как и от отсутствия взаимосвязи, Шубин не ждал ничего хорошего. Это подсказывал и опыт службы, и старая флотская примета: если звонит оперативный, то он звонит не для того, чтобы справиться о твоём здоровье. «Впрочем, какие могут быть разговоры, – тут же подумал он. – Мы – “сирийский экспресс”, а это значит, что права на отдых у нас нет уже просто по определению».

...Когда началась международная террористическая интервенция в Сирии, российское руководство приняло решение об оказании помощи правительству Асада. На Черноморский флот тогда была возложена задача доставки жизненно необходимых народу Сирии грузов – от продуктов питания и медикаментов до вооружения и стройматериалов. Немудрено, что сирийцы сразу же прозвали непрерывную череду приходящих в Тартус десантных кораблей и гражданских транспортов «дорогой жизни». Сами же моряки обычно говорили, что просто выполняют специальную задачу по перевозке грузов. Затем какой-то журналист, начитавшись Агаты Кристи, окрестил маршрут из Новороссийска в Тартус и обратно «сирийским экспресом». Название прижилось вначале в прессе, затем среди начальства и, в конце концов, стало чуть ли не официальным наименованием всей этой нескончаемой военно-морской операции.

– Тяжкая доля быть гонцом, приносящим плохие вести, но что есть, то есть, – тем временем завздыхал в трубку Собора. – Короче, Вова, старый план похода «вниз» только что поменялся. Двух суток стоянки не будет, с утра приказано начинать погрузку. Да и еще, груз срочный, и погрузиться надо за один день.

Шубин промолчал, что говорить, когда решение уже принято? Они только что вернулись «с низа» (так черноморцы именовали походы в Сирию), пополнили запасы в Севастополе и перешли для приемки груза в Новороссийск, где он рассчитывал все же дать экипажу какой-

никакой отдых. Но, видно, не судьба. Особенно не понравилась Шубину последняя фраза Соборы, что вместо обычных двух дней неторопливой отработанной погрузки надо было грузиться в два раза быстрее.

– Сам понимаешь, – еще раз вздохнула трубка, – я лишь передаточное звено, и решение уже принято. Поливы для тебя заказаны.

– Прогноз?

– Плохой, усиление ветра до 18 метров, ближе к Босфору море совсем горбатое.

– Кто старший от пассажиров?

– Некто майор Почтарев. Ну, бывай! Крайний поход, как последняя любовь.

– И тебе не хворать. Конец связи.

Шубин дернул тангетку.

– Дежурный по кораблю лейтенант Фотиев! – мгновенно отозвался динамик, будто там только и ждали сигнала.

– Вызови на ГКП старпома!

Через пять минут в проем люка просунулась заспанная физиономия старшего помощника Марченко:

– Товарищ командир, что-то случилось?

– Случилось! С утра срочно принимаем технику, причем на прием всего день. Личный состав будить не надо, подними только тех, кого считаешь нужным.

– Ё-мое! – только и нашелся что ответить старпом, после чего тут же рванул по своим старпомовским делам.

Если техника и грузы придут с утра, то к этому времени корабль должен быть полностью готов к их приему. И хотя экипаж отработан до автоматизма, все равно дел у старпома было много. Что касается экипажа, то, несмотря на все дела, Шубин все же решил людей не дергать. Завтра у всех будет напряженный день и экипаж должен быть отдохнувшим, тем более что «Кострома» уже стояла в месте погрузки и переходить никуда было не надо. Штурман все свои предварительные прокладки сделал еще в Севастополе, после чего Шубин их просмотрел и утвердил. Теперь их надо было лишь откорректировать по конкретному времени съемки.

Что касается механика, то он только вечером доложил, что топливо и вода загружены до полных норм. Надо было полнить лишь машинное масло, но заявка в техотдел Новороссийской военно-морской базы уже была отправлена, и завтра ее обещали выполнить.

Спустившись с ГКП в каюту, Шубин решил все же немного поспать. Но заснуть не получилось. Что-то давило сердце, будто кто-то положил тяжеленный гнет. О причинах не хотелось даже думать. В ушах звучала последняя фраза оперативного о «крайнем походе». Впрочем, время для раздумий на эту тему у него еще будет.

После подъема и завтрака старпом Марченко дал команду: «Корабль к приему десанта приготовить!» На БДК открыли ворота, после чего на береговой слип, возле которого был ошвартован корабль, опустили аппарат. Боцманская команда приготовила крепления для техники и груза. Марченко на ГКП принял доклады о готовности боевых частей.

– Боцманская команда к приему десанта готова!

– Есть!

– Боевая часть пять к приему десанта готова!

– Есть!

Позвонил оперативный – техника на подходе.

Шубин направился к трапу, спустился на пирс. Мимо быстрым шагом проследовало несколько матросов во главе с начальником службы снабжения Бочаровым, отправленные в город для закупки необходимой мелочовки – от чая до щеток для «болгарки».

Бочаров почтительно козырнул, Шубин махнул в ответ: мол, поскорее возвращайтесь. Невдалеке уже топтался незнакомый молодежавый майор, скорее всего, тот самый Почтарев. Шубин направился к нему.

– Вы старший на технике?

– Я!

Обменялись рукопожатием.

– Командир корабля Шубин Владимир Михайлович.

– Майор Почтарев Андрей Николаевич.

Рука у майора была сухая, жилистая, да и рукопожатие хорошее, крепкое, мужское.

За плечами у майора были Чечня, Донбасс и Сирия, два ранения и столько же орденов. Он только месяц назад вернулся из Сирии в подмосковную Ситенку, где стоял его саперный батальон, и вот теперь снова командировка.

– Что за техника?

– Машины «скорой помощи» и «Вепри».

– Со «скорыми» понятно, а вепрь, что за зверь?

– Бронированная машина разминирования БМР-3М.

– Сколько весит?

– Сорок восемь тонн штука!

– Тяжел зверюга.

– У вас трюм большой?

– Думаю, хватит. Танковый трюм 95 метров в длину, 4,5 в ширину и в высоту.

– Действительно, хватит! – довольно хмыкнул Почтарев.

– Товарищ командир, мостик докладывает: корабль к погрузке десанта готов! – прокричал дежурный у трапа, перегнувшись через фальшборт.

– Добро! – поднял голову Шубин и посмотрел на Почтарева. – Пора ваших зверей загонять в клетку.

– Приготовиться к приему техники и грузов через кормовое устройство! Проверить кормовое устройство приема десанта и грузоподъемные устройства корабля! Подготовить и разнести на штатные места крепления техники. Старшему боцману корабля провести инструктаж личного состава, участвующего в погрузке.

– Начать погрузку! – последовала команда с ГКП «Костромы».

Правила погрузки определены и незыблемы – вначале грузится боевая техника и только потом весь остальной груз.

... Колонна БМРов медленно вползала на пирс. «Вепри» и вправду выглядели устрашающе: танки были без пушек, но с усиленным бронированием, при этом каждый тачил по здоровенной двойной волокуше, которые Почтарев уважительно именовал минными трапами.

«Вот оно как, Михалыч, а я думал, что лишь у нас, флотских, приоритет на трапы, оказывается, и матушка пехота таковыми обзавелась!» – подумалось Шубину, но спросил о другом:

– А каково в этой консервной банке сидеть, когда волокуши по минам громяют?

– Обыкновенно, – улыбнулся Почтарев. – Наше дело такое – саперное. Кстати, в «Вепрях» имеются биотуалеты, кондиционеры и подогреватели пищи, так что подпрыгиваем на минах с максимальным комфортом.

– Да уж, у вас действительно без биотуалета не обойдешься, – только и нашелся что ответить Шубин.

Первый танк осторожно сдавал задним ходом. Водитель, высунув голову, следил за каждым сигналом командира танка, который лично руководил погрузкой вверенной ему техники:

– Миша, чуть-чуть сдай вправо, еще-еще. Все, стоп! Теперь прямо! Держать прямо! Пошел! Пошел!

Около аппарели стоял Почтарев, контролирующий уже самих командиров танковых экипажей. За погрузку на десантные корабли перевозимой техники отвечает сам десант.

Первый танк аккуратно заехал на опущенную на пирс аппарель. Короткая остановка, и спустя несколько мгновений он уже стоял на своем штатном месте в твиндеке. Матросы, во главе со старшим боцманом, ловко и быстро стальными растяжками с талрепами закрепили стальную машину «по-походному», а по аппарели, фыркающая клубами дыма, уже въезжал следующий бронированный монстр.

Танки заползали задним ходом, рыча и выплевывая клубы вонючего дыма, будто живые существа, которым не нравились тесный твиндек, предстоящее морское путешествие и особенно неизбежное «распятие» на талрепах. За каждым танком отчаянно гремела стальная волокуша.

После «Вепрей» начали грузить машины «скорой помощи». Надписи на их кабинах и по бортам были на русском, но почему-то все перевернуто задом наперед. Такую абракадабру Шубин не раз видел на улицах и раньше, теперь же вдруг весело подумалось, что, может быть, трафареты так набивали специально – этакая наша военная хитрость, чтобы враг не догадался, что «скорые» из России. Ну вот, кажется, и все. Последняя «скорая» исчезла в твиндеке. Теперь на очереди были ящики с различным грузом...

Шубин глянул на часы. По времени вроде бы укладывались. Из Новороссийска лучше всего было выходить ближе к вечеру. На пересечение Черного моря 10–12 узловым ходом у БДК уходило двое суток. Поэтому к Босфору в этом случае корабль подходил как раз ко времени, определенному турками на проход пролива.

Ближе к концу погрузки на берегу неожиданно показался «уазик». Машина остановилась, и оттуда легко выбрался командир Новороссийской военно-морской базы вице-адмирал Андреенков. Увидев начальство, Шубин озадачился. Десантные корабли покидали Новороссийск раз в 3–4 дня, поэтому высокое начальство давно к этому привыкло и не особо докучало командирам своим присутствием.

– Товарищ вице-адмирал! На большом десантном корабле «Кострома» происходит прием техники! Командир корабля капитан 2-го ранга Шубин!

Андреенков, улыбнувшись, пожал Шубину руку:

– Ну что, командир, готов к походу!

– Так точно, товарищ вице-адмирал!

– Ты уж не сердчай, что мы тебя раньше времени вытаскиваем, но ситуация «внизу» непростая – началась наступательная операция, и дополнительно срочно потребовались танки разминирования. У тебя какие-нибудь вопросы еще нерешенными остались?

– Да нет, товарищ адмирал, вроде бы все решили! – твердо доложил Шубин.

– Ну, тогда не буду тебя отвлекать! – снова протянул Шубину руку Андреенков. – Желаю удачи!

Он крепко пожал командиру «Костромы» руку и, уже не оглядываясь, пошел к машине.

Шубин смотрел вслед Андреенкову. Командир Новороссийской ВМБ был одним из последних представителей еще старой советской океанской школы. Почти все время он прослужил на Севере, да не где-нибудь, а в продуваемой насквозь штормовыми ветрами Гремихе (кто хоть немного представляет Север, поймет, о чем речь) и только под закат службы попал на Черное море. «Ефимыча» (так за глаза звали Андреенкова и начальники, и подчиненные) не только уважали, но и любили. Был он мудр и справедлив, а кроме того, внимателен ко всем окружающим, независимо от звания и возраста. Только Ефимыч мог подвезти опаздывающего на подъем флага лейтенанта на своей машине, запросто поговорить «за жизнь» со встречным ветераном-мичманом, держать на постоянном контроле вопросы обеспечения подчиненных жильем и детскими садами, знать пофамильно рабочих в котельных. В то же время только

Ефимыч мог, не повышая голоса, так спросить с нерадивого, что тот помнил это всю оставшуюся жизнь...

«Если я когда-нибудь стану адмиралом, непременно постараюсь руководить так же, как Ефимыч», – почему-то неожиданно признался сам себе Шубин и тут же устыдился своих карьеристских мыслей. Какой, к черту, адмирал, когда ему уже сорок пять, а он еще командир корабля 2-го ранга, причем в силу возраста уже без всякой надежды на академию.

«Уазик», взвизгнув старенькими тормозами, умчал командира базы в спускающиеся сумерки.

Наконец загрузили последний маркированный ящик. Старший помощник сверил все сопутствующие документы. Доложил, что все в норме. Шубин легко взбежал по трапу. По ВПС вышел на связь с оперативным:

– Я «Бугель-217»! Прошу предварительное «добро» на выход!

– Предварительно «добро» дано! – ответила трубка.

Шубин повернулся к старпому:

– Играй приготовление!

Марченко кивнул и трижды сдвоенно нажал тангетку звонка, прокричав в «каштан»:

– Учебная тревога! Корабль к бою и походу приготовить!

В одно мгновение весь корабль пришел в движение. Офицеры и матросы устремились на боевые посты. Дробно простучали по трапам каблучки ботинок. Герметизируя корабль, с лязгом захлопнулись межотсечные двери.

А Марченко уже руководил процессом. Одна за другой следовали команды:

– Проверка синхронизации линий курса и скорости! Проверка встроенных приборов и ручных часов! Проверка линий целеуказания! Проверка освещения!..

Шубин подошел к телеграфу:

– Проверка машин и телеграфа командиром корабля!

Двумя руками перевел ручки телеграфа в положение «вперед полный», потом в положение «назад полный» и, наконец, «стоп». Из ПЭЖа мгновенно отрепетовали поданные команды.

– Окончена проверка машин и телеграфа командиром корабля!

– Машин к даче хода готовы! – доложил командир электромеханической боевой части.

Чтобы не мешать старпому готовить корабль, Шубин спустился в каюту. Иллюминатор был уже задраен и прикрыт броняшкой. Присел за рабочий стол. Взгляд остановился на фотографии жены, прикрепленной к переборке над рабочим столом. Перед выходом в море Шубин всегда улучал минуту, чтобы забежать в каюту и посмотреть в глаза Ладе. Он почему-то верил, что жена на фотографии всегда меняет выражение глаз в зависимости от того, насколько удачно сложится у него поход. В этот раз Лада смотрела весело, и в уголках глаз он не заметил той грустинки, какую видел иногда раньше. Что ж, значит, в этом походе у него действительно все сложится хорошо. Не удержавшись, погладил ладонью фотографию. Потом спрятал ее в верхний ящик стола. Сами же ящики, чтобы не повывлетали на качке, закрыл ключом. Уже уходя, машинально поставил стоявший на столе графин с водой в штормовое гнездо, что поделать – выработанная годами привычка.

Через полчаса оперативный дал окончательное «добро» на выход. На 16-м международном канале Шубин вышел на связь с «Новороссийск-трафик-контролем». Новороссийск – это прежде всего огромный грузовой порт, поэтому все выходы надо согласовывать во избежание столкновений с не слишком дисциплинированными танкерами и сухогрузами. «Трафик-контроль» разрешение дал.

По «Костроме» разнеслись звонки аврала:

– Баковым – на бак, ютовым – на ют! Стоять на аварийном управлении машинами. Источники электроэнергии не переключать. Корабельной вахте заступить по-походному. Корабль к отдаче швартовых изготовить! Трап поднять! Трап завалить!

Шубин перещелкнул тумблер «каштана» в положение «циркуляр»:

– Исполнять приказания основного машинного телеграфа. Назначенный ход – 10 узлов!

Кормовые швартовые отдать!

Вышел на крыло мостика, чтобы самому руководить отходом.

Отдали швартовы, после чего «Кострома» медленно оторвалась от стенки.

– Ну что, милая, поехали! – произнес вполголоса Шубин и уже громко заступившим вахтенным офицерам Марченко: – Обе малый вперед!

По корпусу «Костромы» пробежала нервная дрожь, как у старого боевого скакуна перед боем. Освобожденная от береговых пут, она медленно двинулась на выход из военного аванпорта.

12 МАРТА 2015 ГОДА.

СТОЛИЦА ИГИЛ ГОРОД РАККА

В неприметном с виду старом доме, что неподалеку от больницы Нешнел, встретились два бородатых молчаливых человека в белых одеждах. поприветствовав, по арабскому обычаю дважды прикоснулись к щеке друг друга. Рассевшись на диванах, они молча отпили поднесенный холодный шербет, обменялись несколькими фразами о здоровье друг друга и о погоде и только затем, как это принято на Востоке, перешли к делу.

– Гяуры снова перешли в наступление. Мы теряем в последние дни много техники и людей как в Алеппо, так и в Пальмире, – начал разговор исполнительный помощник халифа муавин-ут-тафвид. – Если так пойдет дальше, то последствия будут самые печальные. В этих условиях тебе, брат, следует предпринять что-нибудь особое, чтобы вздрогнул весь мир!

– О, досточтимый, тебе прекрасно известно, что наши люди, жертвуя собой, почти каждую неделю устраивают акции устрашения и на Востоке, и в Европе! – ответил ему глава совета разведки, не скрывая обиды на услышанные слова.

Помощник халифа вряд ли озвучивал свои мысли. Он лишь озвучивал то, что сам услышал из уст халифа. А это значило, что халиф недоволен своей спецслужбой. Муавин-ут-тафвид, давая собеседнику прочувствовать всю важность сказанного им, выдержал паузу.

– Это все комариные укусы, о которых мир забывает уже через несколько дней, – наконец разлепил он уста, откинувшись на подушки дивана. – Нужно нечто иное, глобальное, чтобы от этого содрогнулся весь мир.

– Увы, но, как вам хорошо известно, мы еще не завладели ни ядерной бомбой, ни мощной ракетой, чтобы обрушить гнев Аллаха на головы «крестоносцев»!

Главный разведчик халифата явно нервничал, что доставляло его собеседнику удовольствие.

– Да, уран гяуры стерегут как собаки, но только ли уран может стать оружием возмездия? – поставил муавин-ут-тафвид на столик пиалу с шербетом.

Главный разведчик напрягся. Судя по всему, у муавин-ут-тафвида была какая-то важная информация для него. Он пристально смотрел на собеседника, но тот не торопился. Он снова медленно взял пиалу и, только отпив из нее, продолжил:

– Повелитель правоверных считает, что есть другой способ. Сейчас «крестоносцы» усиленно вывозят из Сирии химическое оружие на своих судах. А ведь каждое такое судно – это огромная химическая бомба, причем самоходная! Если захватить такой транспорт и подвести его к берегам Европы и взорвать, не надо будет никакой атомной бомбы. Европа просто исчезнет, а с ней сгинут и миллионы неверных.

Главный разведчик вздохнул. Несколько месяцев назад он и сам подумывал о такой диверсии, но наступление солдат Асада и разрушительные бомбежки русских самолетов заставили заниматься более прозаическими вопросами.

– Такая операция очень сложна и затратна как по силам, так и по средствам. Ее надо очень серьезно готовить, а на это нужны люди и деньги, а самое главное – время!

– Все это так. Но игра стоит свеч, тем более что большую часть химического оружия из Сирии уже вывезли, и следует поторопиться. Людей и денег ты получишь столько, сколько потребуется, а вот со временем надо будет поторопиться. Халиф желает, чтобы Европа навсегда исчезла в облаке ядовитых газов, ибо, как сказано Аллахом: «Отсекайте их руки». Обрушь на головы гяуров удар возмездия, и твое имя навсегда останется в золотых скрижалях халифата. Такова воля повелителя правоверных!

– Почту за честь, досточтимый. Кстати, чтобы гяуры не перехватили наши переговоры, необходимо зашифровать операцию. Предлагаю называть ее «Дервиш», – глава совета разведки машинально теребил свою клочковатую рыжую бороду.

Помощник халифа улыбнулся. Он свое дело уже сделал – передал волю халифа. Остальное не его забота.

– Пусть будет по-твоему. Мы, как нищие дервиши – придем к берегам Европы и уже там во весь голос провозгласим начало своей эры, – поднялся муавин-ут-тафвид. – Скоро солнце минует зенит, и тени всего сущего станут длиннее их самих – наступает время Зухры, и следует подготовить сердце и душу для общения с Аллахом! Ты же, брат, ступай и убивай многобожников, которые сражаются против вас, где найдешь их, и изгоняй их оттуда, откуда они изгнали вас!

– Да будут услышаны Аллахом наши молитвы! – поднялся и глава совета разведки, так и оставшийся циником и не слишком любивший наигранную патетику своего руководства.

Глава совета разведки Керим Рабах (по прозвищу Убар Каид – хищник, строящий козни) был человеком весьма и весьма влиятельным. Он отвечал не только за собственно разведку ИГИЛ, но и за организацию терактов по всему миру. Именно в его руках были нити всех подпольных ячеек, финансовые каналы и прочие тайны, которыми окружена вся деятельность ИГИЛ. Керим был из бывших офицеров спецслужбы Саддама Хусейна. Профессионал своего дела, он истово ненавидел американцев, а вместе с ними и всех прочих «крестоносцев», не раз на деле доказав свою преданность идеям халифата, а потому пользовался полным доверием самого халифа, который, помимо всего прочего, именно ему поручил и обеспечение собственной безопасности. Звездным часом Рабаха стала подготовленная им атака 11 сентября 2012 года американской дипмиссии в Бенгази, которую он приурочил к очередной годовщине подрыва нью-йоркских небоскребов-близнецов. Тогда был убит посол США в Ливии Кристофер Стивенс и ряд его помощников. Акция получила нужный резонанс по всему миру, а Рабах – заслуженную ненависть врагов и восхищение соратников. Теперь же ему предстояла акция, в сравнении с которой убийства в Бенгази казались невинной детской шалостью. Уже прощаясь с муавин-ут-тафвидом, Керим знал, кого поставит во главе будущей операции. Этим человеком будет бывший офицер ВМС Сирии по прозвищу Сейфуддин Ямм (Морской меч), вот уже несколько лет сражающийся на стороне ИГИЛ. За плечами Сейфуддина были координация сомалийских пиратов и показательные казни захваченных французских моряков, взрыв шаланды с ливийскими беженцами у побережья Италии и еще несколько показательных морских акций. Но подлинную известность он получил как организатор речных флотилий ИГИЛ на Тигре и Евфрате. «Морской меч» был профессионалом высочайшей пробы, к тому же настоящим воином джихада, не знающим жалости ни к чужим, ни к своим. Лучшего руководителя для операции «Дервиш» было невозможно и пожелать.

12–15 МАРТА 2015 ГОДА. ЧЕРНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Когда огни Новороссийска остались позади, когда миновали внешний рейд с десятками стоявших там в ожидании погрузки океанских танкеров, Шубин приказал перейти на боевую

готовность два. Марченко передал вахту командиру артиллерийской боевой части, но остался в ходовой. Правила многовекового корабельного этикета гласили, что сменяющий на вахте должен принимать ее чуть раньше, чем положено, а сдающий – своего сменщика сразу же не покидать.

Накинув старую потертую канадку, Шубин вышел на крыло мостика и, куря сигарету, прислушивался к убаюкивающему шуму машин. Судя по всему, старушка «Кострома» была вполне довольна происходящим, а потому мурчала своими машинами, словно большая добрая кошка.

Выходя иногда в море на других десантных кораблях бригады, Шубин всегда сразу чувствовал их отличие от своей «Костромы». Нет, эти корабли не были лучше или хуже, они, при всей внешней схожести, просто были совершенно иными. В том, что каждый корабль имеет собственную душу и собственный характер, Шубин был уверен на все «сто». Да и как могло быть иначе! Спросите любого автолюбителя, и он вам на голубом глазу расскажет, что у его «ласточки» (или «цыпочки») особый характер, и если она заупрямится, то тогда пиши пропало, т. к. не поможет ничего, ну а если ее попросить, да еще поцеловать в рулек, тогда его «ласточка» (или «цыпочка») и горы свернет! Что же вы тогда хотите от современного боевого корабля, который в сравнении с примитивной «ласточкой» есть само совершенство человеческой технической мысли! Ему ли не иметь собственные душу и характер!

Непонятно было всегда Шубину и то, почему корабли в русском языке отнесли вдруг к мужскому роду. Это он считал вопиющим кощунством. С гражданскими судами поступили и того хуже, их вообще причислили к некоему среднему роду, тогда как на самом деле (и Шубин об этом знал точно!) все существующие в мире корабли и суда имели не мужскую, а исключительно женскую душу. Да, познать эту душу было весьма непросто, но если твой корабль все же однажды открывал ее тебе, если ты оказывался достоин этого высочайшего доверия, значит, отныне ты составлял со своим кораблем уже единое неразрывное целое. Кроме того, Шубин знал и то, что корабельная душа отвечала на человеческую любовь к кораблю и морю такой ответной преданностью и такой любовью, на которую способна далеко не каждая женщина. А потому, оставаясь в море один на один со своей «Костромой», Шубин часто разговаривал с ней, отечески корил за допущенные промахи, хвалил за успехи, придумывал ласковые прозвища, а порой, под настроение, даже рассказывал анекдоты. Его отношения с кораблем были настолько личными, что о них он никогда не рассказывал никому, даже жене. Наверное, это была его самая сокровенная тайна.

– Товарищ командир, можно по трансляции «нашу» поставить? – запросили из радиорубки.

– Давайте! – отозвался Шубин. – Пока время есть, можно и послушать.

«Нашей» на корабле считали старую-престарую песню Визбора про пароход «Кострома». И хотя та, визборовская, «Кострома» никакого отношения к шубинской не имела, экипаж считал ее своим гимном. Песню любили и матросы, и офицеры, любил ее и сам Шубин, к тому же, как ему думалось, любила эту старую песню и сама «Кострома». Да и кому же не понравится, когда о тебе поют!

Запахнувшись в канадку, Шубин вернулся в ходовую рубку и поудобнее уселся в командирском кресле.

Стоявший вахтенным офицером командир БЧ-2 Витюков, знавший обо всем на свете, толковывал Марченко о преимуществах и рисках биткоинов.

– Ферма, конечно, здорово, но где ты найдешь столько мощных компьютеров, да еще с мощнейшей системой охлаждения!

Шубин прислушался краем уха и ничего не понял. Какие фермы? Какие биоткоины? Будучи по натуре человеком любознательным, ему, конечно, интересно было бы узнать, о чем так увлеченно разговаривают подчиненные офицеры, но чувство субординации не позволило

здать могущий показаться глупым вопрос. Вообще-то, артиллерист должен был наблюдать за обстановкой, а не точить лясы со сменившимся старпомом. Но ситуация была спокойной, и Шубин решил: пусть поболтают.

А из динамика уже звучало:

...То ли снег принесло с земли,
То ли дождь, не пойму сама,
И зовут меня корабли:
«Кострома», кричат, «Кострома».
Лето мне, что зима для вас,
А зимою – опять зима,
Пляшут волны то твист, то вальс,
«Кострома», стучат, «Кострома».
И немало жестоких ран
Написали на мне шторма,
Как рыбацкий глубокий шрам —
«Кострома», уж ты, «Кострома»...

Над морем опустилась ночь. Тяжело переваливаясь в волнах, «Кострома» шла вперед. Шубину не спалось в каюте, и он поднялся в ходовую. Ночью в ходовой рубке темно. Лишь слабо мерцает подсветка приборов да индикатор кругового обзора навигационной станции. Полумрак и ощущение близости моря располагали к раздумьям.

...Его «Кострома» была уже немолода. Три десятка лет для корабля – возраст весьма почтенный. Большие десантные корабли проекта 775, к которым принадлежала «Кострома» строились в 70—80-х годах поляками в Гданьске в рамках Варшавского договора. Говорят, что электрокабели на них укладывал тогдашний электрик «Stocznia Polnosna», а потом лидер «Солидарности» и президент Польши Лех Валенса.

По задумке конструкторов, «семьсот семьдесят пятые» предназначались для действия в океанах и могли высаживать технику с десантом как на оборудованное, так и необорудованное побережье. Внешне корабли 775-го проекта получились весьма симпатичными – стремительные обводы и хищно вытянутый корпус с длинным полубаком и развитой кормовой надстройкой. Вид несколько портил лишь тупой нос, являющийся одновременно и десантными воротами. Когда ворота открывались, взору любопытствующих открывалась выкрашенное грунтовкой нутро трюма, весьма схожее с пастью гигантской рептилии. По этой причине 775-е на флоте шутили именовали «крокодилами». Шубину такое сравнение не нравилось, и он всегда довольно резко одергивал шутивших на эту тему.

Несмотря на относительно небольшое водоизмещение в четыре тысячи тонн, 775-е брали на борт до двух сотен десантников и до 10 единиц техники. При этом размещение десантников было вполне комфортным. Рядовой состав – в просторных кубриках, офицеры – в уютных 2-местных каютах. Артиллерийское вооружение «крокодилов» состояло из спаренной 57-мм артустановки и двух 30-миллиметровых шестиствольных зенитных установок АНА-630. Помимо этого БДК имели РЛС обнаружения воздушных целей и две навигационные станции. Два дизеля разгоняли корабль до 18 узлов, ну а при экономичном ходе БДК мог пройти до 4 тысяч миль. Экипаж 775-х насчитывал 75 человек, из них 8 офицеров.

У «Костромы» была важная особенность – она имела две выдвижные рулевые колонки, позволяющие легко швартоваться при малом ветре. При этом она имела малую парусность и отличную маневренность. Ходовая рубка на «Костроме» была достаточно просторная. Вахтенный офицер стоял обычно слева у машинного телеграфа. Рядом находился столик, на котором он ведет карту обстановки. Тут же был и боевой пост рулевого. В правом углу ходовой рубки

находилось командирское кресло, в котором командир был обязан дневать и ночевать почти все время нахождения корабля в море. Позади ходовой рубки располагался ГКП со штурманской выгородкой. Там стоял автопрокладчик, располагалась аппаратура определения места корабля в море от старой «Декки» до новейших импортного «GPS» и отечественного «ГЛОНАСС», полки с лощиями, навигационными пособиями и астрономическими таблицами. На ящиках под автопрокладчиком – стопка навигационных карт Черного, Средиземного и Эгейского морей, проливной зоны. Там же маленький диванчик, на котором штурман мог иногда немного подремать.

Каюта командира на второй палубе, почти на миделе. От нее по трапу недалеко на ГКП и в ходовую рубку. По меркам военного флота командирская каюта весьма приличная: основной кабинет, небольшая спальня и санузел с дешевой кабинкой. Рядом каюты старшего помощника и заместителя по работе с личным составом. Тут же по правому борту и кают-компания. Кают-компания на «Костроме» просторная и уютная: справа – столы офицеров, слева – мичманов. Сзади – кресла старпома гарсунка. На стенах картины с среднерусскими пейзажами, видами Волги и Костромы, ну и конечно же родного Шубину подмосковного Домодедова, памятные вымпела, планкетки и телевизор. Офицеры и мичмана располагаются в каютах на второй палубе по двое в каюте. Кубрики матросов на первой нижней палубе. Живут по восемь-десять человек. Там же по правому борту камбуз и столовая личного состава. В столовой на переборке еще один телевизор, а также стенды наглядной агитации.

Служба на больших десантных кораблях на флоте никогда не считалась особо престижной. То ли дело подводники, которые уже герои по определению. Не менее почетной всегда считалась и служба на больших ударных кораблях – крейсерах и эсминцах, тут и интересные походы с визитами и заходами в зарубежные государства, и у начальства всегда на виду. Ну а ритуалы, выправка, организация службы – тут с крейсерскими и поставить никого рядом было нельзя. Крейсерская организация – это классика флота! Командиров «линейных кораблей» начальство всегда знало поименно, а потому и двигало их вперед куда активнее, чем всех остальных.

Менее престижной считалась служба на ракетных катерах и МРК, но и там имелись свои плюсы. Как правило, «москитный флот» далеко не ходит, у них, собственно, и задача – выскочить в море, пулнуть ракеты и обратно в базу, к тому же «за нервность» катерникам еще были положены и особые бортпайки (как подводникам вино). Самыми несчастными на флоте традиционно считались оворцы. ОВРа – вечные чернорабочие флота и в каждой бочке затычка. Помимо своих непосредственных задач по поддержанию противолодочной и противоминной обороны в районах базирования на них старались навесить все, что только можно: обеспечение погружений и всевозможных испытаний, слежение в зоне ответственности и вытеснение натовских разведчиков, охрана рыболовства, закрытие районов и т. д. и т. п. Не зря на флоте говорят: кто в ОВРе не служил, тот и флота не видел. На БДК, конечно, оворского аврала не было, и служба выглядела более размеренной. БДК – все же корабли второго ранга, с правом поднятия гюйса, бытовые условия приличные, штатные категории соответствующие. При этом своя специфика имелась. Так, если во время стоянки в базе БДК часто использовали как плавучие гостиницы для всякого рода командировочных офицеров, то на выходах в море зачастую вместо плановой боевой подготовки задействовали в перевозках не только военных, но и сугубо гражданских грузов. Да и в плане продвижения по службе офицеров с десантных кораблей всегда как-то оттирали, полагая, что у них и опыта боевого недостаточно, и военный кругозор не тот. А зря, ведь именно офицеры десантных кораблей, как никто другие, тесно взаимодействовали с морской пехотой, находясь как бы на стыке двух стихий. А любой серьезный ученый всегда скажет, что именно на стыке наук и рождаются сегодня наиболее смелые идеи и настоящие открытия. Но кому до этого на флоте есть дело! Впрочем, если бы можно было повернуть время назад, то он (Шубин это знал точно!) не поменял бы свои десантные

корабли ни на какие коврижки! Он твердо знал, что каждый мужчина рождается не просто так, а для какого-то одного, самого главного дела в своей жизни. Кто-то должен непременно стать летчиком, кто-то командовать подводными атомоходами или ракетными крейсерами, он же, Шубин, родился именно для того, чтобы командовать большим десантным кораблем, не больше, но и не меньше.

Обо всем этом сейчас думалось ему, стоя на крыле мостика. Докурив сигарету, выбросил ее за борт. Холодный ветер бил в лицо, а пенные гребни черных ночных волн доказывали, что баламут Собора действительно накликал если не шторм, то уж хорошую болтанку на подходе к Босфору. Впрочем, у Босфора погода почти всегда была дрянной, то ветер, то туман.

На сигнальном посту, располагавшемся на крыше ходовой рубки, маячила фигура сигнальщика, всматривавшегося в подступавшую к кораблю темноту. Увы, несмотря на все сегодняшние достижения радиолокации, человека, по-прежнему никто и ничто заменить не могло. Поежившись на пронизывающем ветру, Шубин еще с минуту стоял, облокотившись на ограждение мостика. Небосклон стал немного светлеть в преддверии утра, и море приобрело какой-то особый красноватый оттенок.

– Лукашев, как настроение? – задрал голову, обратился он к сигнальщику.

Лукашев, смысленный старшина 2-й статьи из Майкопа, нравился Шубину своей обстоятельностью и серьезностью.

– Нормальное, товарищ командир!

– Не мерзнешь?

– Да нет, мы же опытные, оделись, как снеговики на Новый год.

– Ну, бывай! Смотри и бди у меня в оба глаза! – отдраив кремальеру ходовой рубки, Шубин шагнул в ее манящее тепло.

Вызвав рассыльного, приказал приготовить себе с вахтенным офицером крепкий чай. Подумав, заказал третий стакан для сигнальщика.

Стекло заливало дождем. «Кострома» то тяжело проваливалась вниз, то, наоборот, упорно взбиралась на очередной морской вал. Шубин прислушался, «Кострома» начала слегка поскрипывать.

– Не ругайся, девочка моя! – сказал он ей. – Потерпи немного, мы с тобой еще не такие шторма переживали!

Прислушался. Скрипа вроде бы больше не было. Значит, не обиделась.

– Прошу «добро»! – в ходовую поднялся старпом.

– Михалыч, ты пассажиров по каютам распределил, постельным бельем обеспечил, распорядок довел, галюны показал! – повернул голову к стоявшему у машинного телеграфа старпому.

– Так точно! – бодро отозвался тот. – Все в лучшем виде! И обеспечены, и проинструктированы!

– Штурман доложил, что погода скоро испортится, – добавил он после некоторой паузы.

– Да, обещают усиление ветра. Кстати, пошли боцмана еще раз проверить крепление техники в твиндеке. – Шубин повернулся в сторону вахтенного офицера. – Витюков, объяви о приготовлении корабля к плаванию в штормовых условиях.

– Корабль к плаванию в штормовых условиях приготовить! Отсечные двери, горловины, иллюминаторы задраить. Выход на верхнюю палубу личному составу и пассажирам запрещен! – весело объявил тот по трансляции.

– С чего ты, Игорь Евгеньевич, такой веселый? – удивился Шубин.

– А как же, товарищ командир! – рассмеялся командир артиллерийской боевой части. – Помните старика Макарова: в море – дома, а на берегу – в гостях!

– Действительно, что-то последнее время мы в гостях не засиживаемся. Все время дома и дома!

– Товарищ командир, прошу «добро» обойти корабль, глянуть хозяйским глазом, что и как! – обратился Марченко.

Шубин молча кивнул.

Старпом Марченко Шубину нравился своим всегдашним оптимизмом и той кажущейся легкостью, с которой он служил. Марченко был коренным крымчанином, с детства хотел быть военным моряком, но поступил и окончил училище Нахимова уже при украинской власти, а потому и попал служить в ВМСУ. При этом, как он сам с иронией говорил, что мечтал о настоящей морской службе, а попал в дешевый шапито. Последняя должность Марченко в ВМСУ – старший помощник БДК «Константин Ольшанский».

К «незалежной» Марченко всегда относился с плохо скрытой иронией, доказывая сослуживцам, что материковая Украина – это одно, а Крым – совсем другое. Принципиально отказывался Марченко и от внедрения в корабельную практику украинского языка, за что имел постоянные неприятности от начальства. Когда же на него особенно наседали, он отбивался так:

– Неужели вы не понимаете, что на флоте есть легендарные команды. Вы только послушайте, как звучит: «Медь драить, резину белить, барашки расходить и смазать!» Это же поэзия, а не команда! А теперь та же команда, но на «рідной мове»: «Мідь драїти, гуму білити, баранчики розхитати та змастити!» Почувствовали разницу! Тут уж ни о какой песне нет и речи, какие-то то ли гумы, то ли гумусы, с розхитаченными да змаститенными баранчиками. Не команда, а бред собачий! А когда вместо «электропитание корабля» говорят «электрохарчування»! Ну, не приспособлен украинский язык к морской терминологии, да и к самой морской жизни. Хоть дословно переводы на украинский русские слова, хоть придумывай новые, все равно ни черта не получится, потому как не дал бог Нептун своего благословения Украине на морской язык. Не дал! И никто из смертных изменить это решение не сможет.

Слыша такую ересь, украинские начальники за сердце хватались, как это они раньше не выявили такого «клятого москаля».

Именно поэтому в служебной характеристике Марченко значилось: «Несмотря на отличные профессиональные качества, склонен к демагогии. Украинского языка и истории независимой Украины не знает, изучать язык отказывается и украинцем себя не считает. По этой причине на самостоятельную командную должность назначен быть не может». Так как никакого будущего с такой характеристикой в украинском флоте Марченко не светило, он стал подумывать об увольнении, но тут грянула «русская весна» 2014 года.

В первый день киевского шабаша Марченко, вместе с остальными «ольшанцами» не понимая, что происходит, обвесил леера матрасами и ждал вооруженного захвата корабля. На предложение местных ополченцев решить вопрос миром вместе с другими кричал: «Русские не сдаются!» Но уже через сутки, поняв, что к власти на Майдане прорвались откровенные фашисты, что флот майдановской Украине не нужен, лично пустил ополченцев на борт корабля, а еще через двое суток первым в украинском флоте написал рапорт о переходе под Андреевский флаг, о чем никогда после не жалел.

Первое время бывшие «украинцы», получившие прозвище «интегрированные», на Черноморском флоте держались особняком, вели между собой разговоры, что всех их как чужаков непременно демобилизуют. Но ничего подобного не произошло. Черноморцы отнеслись к новому неожиданному пополнению вполне дружески и с пониманием. Лед недоверия быстро растаял, и теперь все стало на свои места.

Что касается Марченко, то его сразу же отправили учиться в Питер на командирские классы. Вернулся он оттуда уже другим человеком. Шубину было смешно, когда Марченко с мальчишеским восторгом рассказывал о том, как их возили на ознакомительную экскурсию на Северный флот и какие он увидел там огромные корабли и преогромные атомные подводные лодки.

– Вот это мощь, вот это сила! – говорил он и снова начинал бесконечный рассказ об огромных кораблях. – А я думал, что весь российский флот – это ЧФ!

По возвращении с классов Марченко и назначили к Шубину, так сказать, отдали на воспитание и обучение.

На корабле Марченко был всего ничего – меньше года, но за это время показал себя толковым и расторопным, быстро сдал все зачеты, а затем и на допуск к управлению кораблем. Марченко даже не скрывал, что мечтает встать к ручкам телеграфа. После поездки на Северный флот Марченко заболел северными просторами. Сейчас помощник с замиранием сердца ждал ответа на рапорт о переводе на Северный флот. Шубин знал, что рапорту старшего помощника дали ход, и с сожалением думал, что ему уже не придется передавать «Кострому» в руки своего воспитанника.

– Ну, а ты что хотел! Поставил на крыло, так дай простор! Такова уж наша командирская доля! – сказал ему командир «Новомосковска» Сережа Комаров, которому он недавно пожаловался, что придется закатывать рукава и готовить нового преемника.

Шубин вообще искренне любил свой экипаж, который не один год создавал и пестовал, а потому каждый из его подчиненных уже давно являлся частью его самого. Все они были настоящими профессионалами своего дела. Шубин знал сильные и слабые стороны каждого, гордился их увлечениями и талантами.

Заместитель командира «Костромы» по работе с личным составом капитан 3-го ранга Алексей Ильич Матюшкин славился особой способностью общаться с высоким начальством, а также умением организовывать шумные застолья, куда он добровольно-принудительно созывал всех друзей с их чадами и домочадцами.

– Ты знаешь, – звонил он очередному другу. – Все уже собрались и ждут только тебя! Так и говорят: пока ты не приедешь, мы ни есть, ни пить не будем!

Многие велись на эту нехитрую уловку, хватали такси и мчались в гости, полагая, что они действительно столь популярны. Впрочем, столы у Матюшкина всегда ломились, компании были веселыми, и никто никогда не жалел о его нехитрых уловках.

За глаза и на корабле, и в бригаде Матюшкина звали просто «наш Ильич». Он о своем прозвище знал и гордился им.

– В нашей истории было два Ильича, я третий! И, заметьте, все люди достойные! – говорил Матюшкин каждому, кто интересовался происхождением его звучного отчества.

Штурман корабля капитан-лейтенант Дима Наумов был потомственным моряком и коренным бакинцем, гордившимся своими густыми черными усами и неподражаемым баиловским диалектом, хотя был увезен из Баку еще в детстве. На «экспрессе» он слыл признанным знатоком восточной кухни. Никто не мог лучше Наумова приготовить не только традиционные пашлык с пловом, но и экзотические «тайские супчики», которыми он не раз выручал страждущих с похмелья товарищей. К своей профессии Наумов относился творчески. За немалые деньги купил телескоп и иногда звездными ночами часами всматривался в небо, что-то пометая в своей особой «звездной» тетрадке. В последнее время Наумов был серьезно озадачен проблемой электронных навигационных карт стандарта «S-57». Дело в том, что в отделе гидрографии базы пустили слух, будто они вот-вот появятся на каждом корабле.

– Вообще будем балдеть, свесив ножки! – просветил Наумова продвинутый гидрометеоролог. – Их даже корректировать не надо. Представляешь, каждую неделю тебе по электронке приходят новые варианты. Стукнул по клавише, и она уже перед тобой, родимая!

Теперь все свободное время штурман проводил с описанием обеспечивающей программы «Chart Assistant». В описании все выходило красиво и безмятежно. Но на душе штурмана было тревожно. Именно так на заре нулевых, с появлением космической связи на торговом флоте, все начиналось для радистов, а потом их просто разогнали за ненужностью. Что, если и штурманов ждет такая же участь? За себя лично Наумов не беспокоился, школьные

одноклассники-бакинцы, давно и крепко осевшие в нефтяном бизнесе, его не бросят. Но за державу и профессию душа болела, а потому Наумова не радовали ни «тайские супчики», ни любимый коньяк «Амирани».

Командир БЧ-2 капитан-лейтенант Игорь Витюков имел репутацию ниспровергателя всех авторитетов и был рьяным спорщиком на всевозможные темы – от теории всемирного заговора до практики выведения кроликов. При этом Витюков помнил наизусть массу старых приказов и директив, цитируя которые мог поставить в неловкое положение любого проверяющего. Поэтому проверяющие, натолкнувшись на строптивость Витюкова, «закусывали удила» и отрывались на строптивце по полной. Витюков после таких проверок неизменно попадал в приказы, долго страдал, каждый раз клялся, что отныне не будет лезть на рожон. Но, как только появлялись очередные проверяющие, все повторялось. Спасал Витюкова только его высочайший профессионализм, о котором все знали и который все ценили. А еще у командира БЧ-2 была тайная страсть... по ночам он писал стихи. Игорь записывал их в заветную тетрадку, которую прятал под подушку. Увы, на корабле, как в общей бане, все знают и видят все. Поэтому за глаза артиллериста в экипаже именовали не иначе, как «наш славный пиит». Особой популярностью пользовалось при этом стихотворение про «Зайку»:

Зайку бросила хозяйка,
Обманула, сука, Зайку.
Поигралась и забыла,
Сердце Зайкино разбила!
Зайка спился, опустился,
Но с обидой не смирился.
Отомстил он ей жестоко —
Порубил ее в капусту...
Потому что надо было
Уважать чужие чувства!

Для более изысканного слушателя у Витюкова имелось еще одно более лиричное:

Своих привычек вредных не стыдись.
Курение, вино, порывы страсти,
Конечно, укорачивают жизнь —
Но могут продлевать мгновенья счастья!

Командир боевой части связи капитан-лейтенант Даниил Морозов. Флот любит с юности. Родители мечтали сделать из сына второго Паганини, но Даниил выбросил скрипку и бежал в Нахимовское училище. Впрочем, любовь к прекрасному в нем осталась навсегда. К скрипке он так и не вернулся, зато в свободное время теперь вместе с женой любит попеть в кафе караоке.

Командир электромеханической боевой части капитан 3-го ранга Коля Каланов был ровесником Шубина, поэтому свою механическую кличку «дед» носил вполне обоснованно. В машине Каланов появлялся нечасто, но руку на пульсе держал и все обо всем знал. Когда было надо, он засучивал рукава и вместе с подчиненными сутки напролет крутил гайки. Каланов никогда не кричал, не повышал голоса, но авторитет «деда» был непререкаем. Достаточно было лишь его взгляда, чтобы провинившийся был готов провалиться сквозь палубу. На Черноморском флоте Каланов был известен как собиратель и рассказчик флотских баек и легенд. Экипаж гордился, что в журнале ВМФ «Морской сборник» была опубликована его нашумевшая статья «Гносеологические корни “большого загиба” Петра Великого». Если кто не знает, то «большим загибом» именовались матерные выражения моряков русского парусного флота,

выстроенные в определенной последовательности. «Большой загиб» имел до сотни выражений, которые надо было произносить без повторов, с выражением и на одном дыхании. Что касается автора нашумевшей статьи, то он и без «загиба» выражался весьма образно. Так, на приеме у зубного механик говорил, что у него болит «кормовой коренной сверху, который справа по борту». Именно Каланова не без оснований подозревали и в авторстве самой знаменитой легенды «экспресса» о «Летучем сирийце». Была у Каланова и еще одна детская страсть, над которой втихаря подсмеивался весь экипаж. Вся каюта у Каланова была заставлена всевозможными... зелеными божьими коровками. Почему механик коллекционировал именно божьих коровок и почему именно зеленых, не мог объяснить и сам Каланов.

Непосредственный подчиненный Каланова старшина трюмно-котельной команды старший мичман Саша Рубцов попал на корабль еще матросом срочной службы да так на корабле и остался. Рубцов слыл фанатом старой техники. В свободное от службы время он упивался книгами о... старых паровозах, чем вызывал всеобщее недоумение.

На логические вопросы, почему он, правоверный мичман российского флота, любит не пароходы, а паровозы, Рубцов, поправляя очки, пояснял:

– Все дело, господа, в том, что морские паро-ходы – это суть те же паро-возы, а паро-возы – не что иное, как паро-ходы! Вся разница лишь в оконечном устройстве – у одного колеса, у другого винт. Поменяйте их местами, и ничего не изменится.

Спорить с Рубцовым на эту тему никто не решался, и его сразу оставляли наедине с любимыми книжками по устройству паровых котлов.

Во время строевых смотров Шубин всегда старался Рубцова куда-то спрятать. В противном случае последствия были предсказуемы. Всегда взъерошенный, со сползающими на нос очками и ласковой улыбкой солдата Швейка, Рубцов вводил в состояние ступора любых начальников.

– А это что еще тут за интеллигент недоделанный! – обычно кричали они, обретая дар речи.

После этого Рубцова в обязательном порядке изгоняли из строя, а Шубин получал очередной выговор.

– Злые вы все! – вздыхал старший мичман, удаляясь в ПЭЖ, где над креслом вахтенного механика висел групповой портрет братьев Черепановых, а на столе ждал свежий номер журнала «Паровозъ». Там была его стихия, там он был счастлив.

Боцман старший мичман Володя Кулаков, в отличие от сложившегося стереотипа грубого и нахрапистого боцмана, слыл, наоборот, натурой тонкой, влюбленной в море и в свою красавицу жену. Кроме этого боцман фанатично увлекался жонглированием всего, что только попадалось ему под руку. Сослуживцам это нравилось, начальство пугало.

Увидев в первый раз жонглировавшего боцмана, комбриг только покачал головой:

– До чего ты, Шубин, корабль довел, если у остальных приличных командиров на кораблях просто бардак, то у тебя уже цирк!

Кулаков помнит Шубина еще лейтенантом. Они в один год пришли в бригаду. Боцман уже выслужил все сроки, заработал и пенсию, и квартиру. Осенью этого года собирается уволиться, чтобы больше времени уделить прождавшей его полжизни с моря жене.

Фельдшер старший мичман Сергей Теребов был известен тем, что мог легко вывести из запоя самого матерого алкоголика по какой-то своей «теребовской методе». Завистники-медики утверждали, что фельдшер с «Костромы» стаскивает с «иглы» и наркоманов, причем имеет свою постоянную клиентуру. Сам Теребов на все претензии лишь улыбался своей широкой доброй улыбкой:

– Как говорил старик Гиппократ: обращайтесь – поможем!

В целом экипаж «Костромы» был очень дружен, и зачастую офицеры и мичманы даже отдыхали вместе семьями, что вызывало у Шубина всегда неподдельное удивление: «Неужели за время службы еще друг другу не надоели?»

– **Товарищ командир! Телеграмма из штаба флота! – доложила радиорубка.**

– Несите в ходовую! – распорядился Шубин.

В телеграмме, за подписью начальника штаба флота, значилось, что боевики ИГИЛ могут обстрелять наши корабли или организовать диверсионные действия во время прохода через Босфор. В конце телеграммы начальник штаба требовал усилить бдительность и т. д. и т. п.

«Меры-то я приму, только по Босфору все равно идти придется, подставляя свои борта», – раздумывал Шубин, прочитав телеграмму.

Вместе с телеграммой из радиорубки принесли сводку погоды. Как и обещали, вот-вот ожидалось резкое усиление ветра и море до 5 баллов.

Стоявший вахтенным офицером капитан 3-го ранга Матюшкин, вооружившись микрофоном «каштан», объявил:

– В связи со штормовой погодой выход личного состава на верхнюю палубу запрещен! – подумав, добавил: – Обращаю особое внимание личного состава десанта и еще раз повторяю, что выход всего личного состава на верхнюю палубу строжайше запрещен!

Шубин невольно хмыкнул. Уж больно заместитель по работе с личным составом любит поговорить, вот и сейчас не удержался. Впрочем, такой повтор всегда не лишний.

– Прошу «добро» подняться в ходовую! – раздался через некоторое время голос боцмана Кулакова.

– Заходи, тезка! – полуобернулся к нему Шубин.

– Товарищ командир, докладываю, что техника и грузы в твиндеке закреплены по штормовому. Все лично проверил сам со старшим по технике! – доложил боцман.

Шубин кивнул:

– Добро!

Кулаков, стоя рядом, молча вглядывался во тьму ночного моря. Уходить ему явно не хотелось. По возрасту Шубин с Кулаковым были почти ровесниками, и поэтому взаимоотношения между ними наедине были достаточно неформальными.

– А помните, товарищ командир, как нас пытались украинизировать? – вдруг произнес боцман. – Кажется, вчера было, а ведь целая вечность прошла – четверть века!

– Ну да, – усмехнулся Шубин. – Были времена. Чего один Клим Подкова стоил!

Оба понимающе улыбнулись друг другу.

...В бригаде десантных кораблей Черноморского флота в 90-х украинизация проходила весьма своеобразно. Из Львова в окружении журналистов прикатил политкомиссар Клим Подкова (в недавнем прошлом передовой пасечник), который доходчиво объяснил собранным офицерам бригады, что все великие личности в истории человечества были исключительно украинцами. Особенно Шубину запомнился Ной как первый моряк-украинец и Иисус, который, оказывается, родился в Галичине. При этом Подкова не был голословен – он аргументировал:

– Якщо кращі генії людства – українці, значить наш флот найкращий! Україна це ваша матка, а ви її дітки-бджоли!

Присутствующие, слушая рассказы Подковы, чесали затылки, однако записываться в ряды последователей Ноя не торопились.

Подкова меж тем неистовствовал:

– Хто прийме українську присягу, того на небесах чекатимуть райські кущі, а хто залишиться в російському флоті, того чорти будуть смажити на сковорідці!

– А гурии будут? – иронично поинтересовались из задних рядов.

Подкова подвоха не понял. Прищурился, он оценил текущую ситуацию в райских кущах, а затем клятвенно ударил себя кулаком в грудь:

– І гурії будуть і інші всякі різні, тільки підпишіть текст присяги!

После чего, вздохнув, добавил ритуальное:

– Росія – це Мордор, Україна – це Європа!

Вечером Подкова отметился в кабаке «Пир духа» в компании местной певицы Розы Кривошук, по прозвищу Доска почета, т. к. на ней в разное время побывали многие лучшие люди флота. Пела Роза не очень, зато даже очень выделялась большой возбуждающей грудью. Подкова был нетрезв, плясал гопак, кричал о соборности незалежной и, подпрыгивая от нетерпения, отказывался идти в туалет, требуя, чтобы тот немедленно переименовали в «требник». Закончилось все трагически – Роза Подкову кинула, умчавшись в ночь с подвернувшимся лейтенантом, а политкомиссар, проиграв битву за «требник», «рясно обмочився». На этом агитация в военно-морские силы Украины на бригаде, собственно, и закончилась. На следующий день, не попрощавшись, Клим Подкова убыл во Львов.

К следующему утру погода начала быстро свежеть. Море покрывалось уже не отдельными барашками, а мощными пенными гребнями.

– Человек за бортом справа! – раздался внезапно истошный крик.

«Этого еще не хватало! – только и успел подумать Шубин. – Вытащу, самолично убью заразу!»

– Право на борт! Включить прожекторы! Искать упавшего!

О том, что на среднем ходу в открытом море да еще в такую погоду найти и спасти упавшего за борт – это один шанс из ста, он решительно запретил себе и думать.

– Спасательные средства за борт! Расчету БЛ в лодку! БЛ к спуску! – продолжал он командовать чисто автоматически.

К огромному счастью, сигнальщик заметил барахтавшегося вдалеке среди белых водяных гребней.

– Сигнальщик, наблюдать за упавшим! Осветить упавшего прожектором!

Обнаружение утопающего уже было настоящим чудом, учитывая обстановку. Теперь все зависело от того, успеет ли упавший человек продержаться до того времени, пока к нему подоспеет помощь.

Боевую лодку уже готовили к спуску на кран-балке.

Так как выпавший быстро оказался за кормой «Костромы», Шубин с помощью машины левого борта совершил циркуляцию вправо. С приходом корабля на обратный курс привел барахтавшегося в волнах на носовые курсовые углы, после чего застопорил машину и погасил инерцию хода. На все про все ушло несколько минут.

– Как там наш пловец? – не без тревоги спросил сигнальщика.

– Пока держится, товарищ командир! – ответил тот.

Спуск лодки боцман Кулаков произвел с ювелирным мастерством. Едва ее днище коснулось воды, уже затарахтел мотор, и «бээлка» под управлением боцмана сразу же помчалась к борющемуся за жизнь человеку.

Вооружившись биноклем, Шубин безотрывно смотрел то на появляющуюся, то исчезающую среди разводьев пены голову, с замиранием думая, что вдруг в следующее мгновение ее уже не увидит. Тревожило и то, что волны относили упавшего все дальше и дальше от «Костромы». Вот лодка наконец подскочила к плававшему, вот Кулаков подцепил того за шиворот отпорником, потом матросы схватили за руки и втащили в лодку. Развернувшись так, что едва не была накрыта волной, «бээлка» помчалась обратно.

– Приготовиться к подъему лодки! Доктора на правый шкафут!

– Эшафот будем готовить? – мрачно поинтересовался стоявший вахтенным офицером командир БЧ-2 Игорь Витюков. – Или на нее вздернем?

Шубин промолчал.

Упавшего быстро подняли и сразу же, в сопровождении корабельного врача, потащили в медицинскую часть. «Кострома» немедленно легла на старый курс и, наверстывая упущенное время, дала полный ход.

Через минуту заместитель командира по работе с личным составом Алексей Матюшкин доложил:

– Упавший является водителем «скорой помощи», после прибытия на борт был проинструктирован и даже расписался о соблюдении всех корабельных правил, в том числе о запрете появления в штормовую погоду на палубе, но, несмотря на это, решили с еще одним водителем полюбоваться штормовым Черным морем. Хорошо, хоть второй не улетел, а поднял шум.

В ходовую поднялся доктор Рустем Еналеев.

– Как состояние утопленника? – с деланным спокойствием спросил Шубин.

– Охлаждение организма налицо, но мужик здоровый, а потому после растирания и пары стаканов «шила» жить будет. Однако задета не только кора головного мозга, но и, так сказать, сама его древесина!

– После падения? – не понял Шубин.

– После рождения! – со значением ответил Рустем.

– Повезло водиле, не иначе как в рубашке родился. Вручи ему на память о чудесном спасении теплый тельник, пусть нас помнит!

– Ага, товарищ командир, как тельник подарим, так и все остальные водилы разом головой вниз в море и побултыхаются в погоне за легкой наживой! – улыбнулся Рустем.

– А ты скажи, что это у нас последний, остальным только чугунные балясины, чтобы долго не мучились! – в тон ему ответил командир.

Доктор ушел, а Шубин некоторое время приходил в себя от пережитого, смотрел, как по стеклу окна ходовой рубки весело бежали вниз струйки дождя. Вначале их было мало, но вскоре они уже сплошным потоком заливали все стекло.

Вообще-то в обычное время на большие десантные корабли медицинским работником назначали фельдшеров в мичманском звании. Однако на корабли «экспресса» ввиду возможного начала в любой момент боевых действий часто прикомандировывали дипломированных врачей.

Что касается капитана медицинской службы Рустема Еналеева, по кличке Сбитый летчик, был он не только первоклассным хирургом, но и оригиналом. Парень он был боевой. За плечами дока были дизельные и атомные атомоходы, две операции по удалению аппендицита на боевой службе и многое другое. При этом Рустем отличался поразительным упрямством и абсолютным отсутствием чинопочитания. Эти его качества, помноженные на огромную любвеобильность, включавшую помимо множества мимолетных романов три или четыре женитьбы (сколько точно, док сам постоянно путал), поставили жирный крест на его карьере. В интимной жизни Рустем был мужчина достаточно скрытный. О том, что у него случился оргазм, девушки обычно узнавали только по двум полоскам на тесте... Но из-за умения энергично орудовать скальпелем до поры до времени Рустему многое прощалось. Только тогда, когда он обрюхатил дочку одного из североморских адмиралов и наглým образом отказался идти с ней под венец, заявив, что еще не нашел той единственной, которой навсегда отдаст свое медицинское сердце, только тогда был адмиральским пинком выброшен он на заштатную береговую базу под Новороссийск. Тогда-то в припадке меланхолии Рустем и вытатуировал на члене понравившуюся ему в одном американском фильме сакраментальную фразу «Приглашаю на борт!» Татуировка производила магическое впечатление на всех его новых подруг, снискав доку славу первого плейбоя окрестных мест.

Наверное, служебный путь Рустема Еналеева так бы и закончился на забытой богом береговой базе, но началась война в Сирии, раскошегарился «экспресс», понадобились опытные хирурги (которые, как известно, всегда в дефиците), тогда-то и вспомнили о ссыльном враче.

«Кострома» сразу пришлось Рустему по душе, как пришлось по душе и он старым «костромичам». На бербазу Еналеев возвращаться категорически не желал и фактически прижился на «Костроме», став полноправным членом экипажа. Как всякий уважающий себя доктор, Рустем жил непосредственно в лазарете. Там же рядом обитал и его неразлучный друг фельдшер Сергей Теремов.

– Ноги в тапочки всунул и уже на боевом посту! – говорили они не без гордости.

Медблок на «Костроме» был расположен слева по борту на первой нижней палубе. Рядом посредине первой палубы (чтобы меньше качало) располагалась и операционная.

Вскоре опыт и квалификация взяли свое, и Рустем стал неофициальным авторитетом местного военно-медицинского сообщества. Врачи с соседних кораблей валили пошущукаться к нему гурьбой. Кому-то он давал советы, кого-то чему-то учил, с кем-то просто пил и ходил по бабам. Впрочем, все «костромской док» делал одинаково профессионально. Шубин пытался однажды провести с Рустемом воспитательную работу относительно геометрически возрастающего количества женщин в его врачебной судьбе. На что Сбитый летчик, честно глядя в глаза, заявил:

– Вот вы, Владимир Михайлович, нашли ли ту, которой отдали навеки свое сердце?

– Разумеется, нашел, это моя жена!

– Значит, вы везунчик, – развел руками Рустем. – А я, увы, все еще пребываю в решительном поиске!

На этом Шубин воспитательную работу с врачом и завершил, ибо не следует мешать человеку в его творческих исканиях.

Он закрыл глаза. Ах, как бы он хотел оказаться сейчас рядом с женой и детьми в Севастополе, а еще лучше в родном Домодедове, дышать лесным воздухом Подмосковья и слушать пение птиц.

А погода разошлась не на шутку. Качало так, что с вахтенного столика полетели на палубу и карта, и вахтенный журнал с параллельной линейкой.

...«Хорошо, что водитель оказался за бортом на полчаса раньше, а то бы при таком дожде вряд ли его нашли», – думалось Шубину, глядя в заливаемое потоками дождя окно ходовой рубки. Слава богу, что сегодня он не нарушил главного морского закона – сколько людей ушло в море, столько должно и вернуться».

– Вызови ко мне майора Почтарева, водитель как-никак его креатура, – обернулся он к матросу-рассыльному. – И пусть вестовой принесет два «адвоката»!

«Адвокатом» на флоте традиционно именуют крепчайший сладкий чай с лимоном, который хорошо бодрит в ночную и промозглую погоду.

Поднявшийся по трапу в ходовую рубку Почтарев был явно подавлен происшедшим, и проводить с ним какую-либо воспитательную работу Шубину сразу расхотелось. Да и какой от этого толк, если через несколько суток они распрощаются и, скорее всего, уже навсегда.

Некоторое время оба молчали. Первым нарушил молчание Почтарев:

– Огромное спасибо, товарищ капитан 2-го ранга, за спасение водителя! Если бы не ваш опыт и мастерство, он бы наверняка погиб! – начал Почтарев свой оправдательный монолог.

– Если бы вы, майор, лучше контролировали своих людей, не понадобился бы ни мой опыт, ни мастерство! – не слишком тактично оборвал его Шубин.

– Да я все понимаю и своей вины не отрицаю! – еще больше понурился Почтарев.

– Прошу «добро»! – Это поднявшийся по трапу вестовой принес два дымящихся стакана чая в подстаканниках.

– Угощайтесь, наш флотский «адвокат» от всех напастей помогает, в том числе и от моральных! – грустно усмехнулся Шубин.

Из последующего разговора выяснилось, что Почтареву подчинили водителей «скорых» в самый последний момент перед погрузкой, и он даже не успел их толком рассмотреть, выяснилось, что у водителей есть свой старший, но толку от него никакого.

– Честно говоря, я впервые так, накоротке, общаюсь с настоящим сапером. Вот в чем, например, специфика вашей службы?

– Главная черта сапера – это прежде всего дружелюбие, – улыбнувшись, ответил Почтарев. – Сапер – добрый волшебник Вооруженных сил. Он всегда появляется в самый нужный момент, делает свое доброе дело и уходит помогать другим нуждающимся.

– Ну, а почему именно волшебник, а не помощник? – удивился Матюшкин.

– Настоящий сапер обладает тайными знаниями в области выкапывания, закапывания, взрывания и минирования. Если минное поле для танкиста и мотострелка это: «Все, пиз. ц, приехали!», то для сапера шестьсот килограммов тротила это: «Будет чем печку топить!» При этом мы традиционалисты и консерваторы. К современной технике относимся весьма спокойно, полагаясь прежде всего на старые добрые: лопату, топор и взрывчатку, с помощью которых и творим свое волшебство.

– Но ведь настоящие волшебники творят в одиночку, не так ли?

– Именно так, – кивнул головой Почтарев, – поэтому от того же мотострелка сапер отличается полным отсутствием чувства коллективизма, хотя при необходимости можем припахать всех, кого поймаем. Ну и конечно же мы свято чтим технику безопасности, ибо, как всем известно, сапер ошибается только раз в жизни. Ну а что характерно для вас, моряков?

Шубин на минуту задумался, почесал затылок:

– Да так сразу и не скажешь, в нашей большой стае много всякого разного. Пожалуй, что общее для всего флотского люда – повседневная неугомонность. Моряк – это большой ребенок, только дорвавшийся не до игрушки, а до нескончаемого приключения продолжительностью в жизнь. В отличие от вас, саперов, мы, наоборот, законченные коллективисты. Артельно делаем все, ибо такова специфика морской службы. При этом настоящий моряк в душе всегда обожает современную технику и любит ее изучать, но никогда в этом никому не признается, предпочитая свято чтить старые морские традиции, уходящие к романтике парусов, медных пушек и манильских тросов. Так что традиционализм и здоровый консерватизм нас с вами объединяет.

– Были бы на берегу, был бы повод выпить! – несколько нервно рассмеялся Почтарев, который еще до конца не отошел от истории с падением за борт водителя «скорой».

– Ладно, обошлось и то хорошо, проехали! – махнул рукой, понимая состояние майора, Шубин. – Время позднее, идете в каюту, отдыхайте.

– А вы когда отдыхать будете? – участливо спросил Почтарев, ставя пустой стакан на штурманский столик.

– Мне отдыхать не положено по определению. Хватает того, что на еду, да в галльюн помощник подменяет.

– И сколько вы так можете непрерывно торчать здесь? – искренне удивился майор.

– А сколько будем в море, столько и буду. Впрочем, ничего страшного в этом нет, человек, как известно, ко всему привыкает, даже к командирству! – искренне рассмеялся Шубин. – Спокойной ночи, надеюсь, что больше никто из ваших уже не полезет любоваться штормовыми красотоми.

– Спокойной вахты и вам, – вздохнул Почтарев и тенью исчез в проеме люка.

Майор ушел, и Шубин остался наедине со своими мыслями. Сразу вспомнились слова оперативного о последнем походе. Всезнающий Собора, оказывается, уже был в курсе последних новостей...

Позавчера, сразу же по приходе в Новороссийск, к Шубину прибыл полковник-кадровик из штаба Южного округа. Как он заявил, «для серьезного разговора». Начал издали, о том, что Шубину уже тридцать пять, а значит, в академию ему путь уже заказан. Ну, а на заочный факультет командира корабля, да еще с «сирийского экспресса», никто никогда не отпустит.

– Однако, – сказал кадровик, выдержав классическую вахтанговскую паузу, – мы знаем вас, Владимир Михайлович, как опытного и грамотного командира, а потому предлагаем должность заместителя начальника военно-морского отдела в штабе округа. Штатная категория – капитан 1-го ранга, круг обязанностей – организация «экспресса», то есть дело вам знакомое. Одновременно с приказом о назначении пошлем и представление на звание.

Шубин невольно бросил взгляд на висевшую над рабочим столом фотографию жены.

Кадровик был калачом тертым и мгновенно перехватил взгляд.

– Бытовой вопрос также не проблема. В спальном районе Ростова уже освобождена служебная трешка. При этом я вас не тороплю, сходите еще раз в Тартус, все хорошо обдумайте, посоветуйтесь с женой. Впрочем, полагаю, что думать здесь много не надо, второй раз такую должность уже никто никогда не предложит. А потому по возвращении жду вашего решения. Уверен, оно будет положительным.

Да, уходить с корабля Шубину не хотелось, но ведь ничто не может продолжаться бесконечно. Он и так отдал корабельному мостику шесть лет, пора подумать и о будущем. Ну, и, конечно, звание. Как ни крути, а погоны капитана 1-го ранга – достойный итог флотской офицерской карьеры, так неужели он не достоин такого финала!

«Вот ты все жаловался на судьбу и, наконец, эта судьба, в лице кадровика, преподнесла тебе подарок, да еще на блюдечке с белой каемочкой», – думал Шубин, проводив полковника. – Теперь для того, чтобы все сбылось, не надо прилагать уже никаких усилий. Достаточно лишь набрать номер телефона и сказать одно слово: «Согласен!»»

Вспомнился отец. Наверное, будь он жив, то, наверное, одобрил бы его переход в вышестоящий штаб. Отцы должны гордиться карьерой своих сыновей. Вспомнив отца, Шубин вздохнул. Может, это у них, у Шубиных, на роду написано, чтобы обязательно пересекаться по службе с Сирией.

Если вначале шторм достиг силы в три балла, потом раскочегарился, как и ожидалось, до всех пяти. А барометр все продолжал падать...

– Чешем прямо в циклон! – доверительно сообщил за завтраком приунывшей общественности штурман Наумов.

Разумеется, в обычной ситуации никто бы не полез на рожон в область низкого давления, где пронзительный ветер, где немилосердно качает и хлещет дождь. В обычной ситуации следовало отстояться где-нибудь на якоре, переждав непогоду на спокойном рейде. Но «экспресс» есть «экспресс». Заявка на проход проливов уже ушла и подтверждена, а посему выбиться из графика никто не имеет права.

Десантные корабли вообще всегда тяжело переносят штормы. Дело здесь в особенности их конструкции. Если все другие корабли, сидя глубоко в воде, прорезают корпусом волны, то плоскодонный «десантник» фактически скользит по волнам. Поэтому при штормовой погоде он принимает каждую новую волну своим днищем, как мощный удар. При этом корабль как бы подпрыгивает на ней и перескакивает на следующую, не менее крутую волну. В отличие от всех остальных кораблей, на десантных легче переносится не продольная, а бортовая качка. Связано это с конструкцией их корпусов.

Вначале качка была бортовой, то есть относительно терпимой – «Кострома» шла по волне и кренилась поочередно на оба борта. Но затем, со сменой курса, качка стала продольной. Теперь корабль зарывался то носом, то кормой.

Доктор Рустем с фельдшером Тербовым загодя раздали всем желающим таблетки кинедрила, воздействующих на вестибулярный аппарат. Кому-то таблетки помогали, кому-то нет.

«Дворники» остекления ходового мостика с трудом справлялись с дождем и брызгами захлестывавших палубу волн.

В нескольких палубах внизу в твиндеке сейчас стойко переносила качку принайтованная по-штормовому техника. Только натягивавшиеся периодически в струну цепи креплений показывали, как трудно ей дается сохранять эту неподвижность. Не дай бог, если многотонная громада в шторм сорвется с цепей и превратится в гигантский таран... Впрочем, к креплению техники на десантных кораблях российского флота всегда относились с особой тщательностью.

В шторм для корабля главное – не потерять ход. Неудачника волны почти сразу разворачивают лагом (т. е. бортом к волне) и начинают методично уничтожать. Волны и ветер ломают дерево, рвут металл, крушат переборки и шпангоуты, ледяная вода врывается во внутренние помещения. Тут уж впору врубать радио и передавать печально знаменитый «Мэйдэй!»

...В ходовой рубке валяло так, что впору было привязываться. Рулевой Пошевеля, расставив ноги на ширину плеч, расклинился в своем пенале, пытаясь удержаться вертикально. Но внезапными кренами корабля его все равно время от времени уносило вбок. Спасал лишь штурвал, в который Пошевеля вцепился до побелевших костяшек. Сигнальщика Шубин давно убрал с крыши мостика, чтобы ненароком не потерять. Внезапно на ГКП открылась металлическая дверь. Ее начало так немилосердно лупить в переборку, что, казалось, она прошибет весь корабль.

Каждый шторм пожирает на кораблях свою жатву. Как бы ни готовил свою каюту ее обитатель к удару стихии, все напрасно. В шторм каюты представляют жалкое зрелище. По закону подлости обязательно мгновенно ослабевают все защелки на шкафчиках и рундуках, они разом открываются, и содержимое летит вниз. На палубу валится все, что было не закреплено, а что-то обязательно забывают закрепить. Вот и сейчас в каюте у помощника из шкафов вылетели центнеры журналов, инструкций и наставлений, каких-то гроссбухов и бланков. В кают-компани ездила по столу и валилась посуда, вестовой «на карачках» ловил ее по всей палубе. Но труднее всех пришлось коку и его помощнику. Вдвоем они еле удерживали свои лагуны и кандейки на плитах, чтоб те не съехали. Получалось плохо, горячее варево выплескивалось из-под крышек, шипело на раскаленном металле, обдавая коков паром. В довершение ко всему в одной плите что-то замкнуло, и она задымила. Пришлось вызывать электрика. Тот кое-как дополз до камбуза, но о ремонте не могло быть и речи. Плиту просто обесточили, чтобы хотя бы не дымила.

«Кострома» в очередной раз стремительно валится на борт и медленно, слишком медленно, скрипя всем своим шпангоутным скелетом, возвращается на ровный киль, чтобы почти сразу повалиться в другую сторону – и так же трудно, со скрипом и стоном, снова выпрямиться.

Что касается машины, там тоже не сахар – жарко и чадно, отчего тошнота подкатывается к горлу еще быстрее, чем наверху. На посеревших лицах мотористов большие капли пота, все тяжело дышат, сглатывают горькую тошнотную слюну. В проходе закреплено ведро – кому невмоготу, блюют туда, в остальном же все при деле, как и обычно.

По кораблю мечется лишь неутомимый снабженец Вовик Бочаров с вязанками вяленой воблы, которую раздает всем желающим. Следом за ним на карачках пробирается баталер с сухарями. Для кого-то вобла – лучшее средство от укачивания, для кого-то сухари. Вручая рыбу, Бочаров сам себя подхваливал:

– Вот он добрый какой, старший лейтенант Бочаров, кто о вас еще позаботится!

В ответ ему были только благодарные взгляды. На слова ни у кого уже не осталось сил...

Качавшемуся в командирском кресле в ходовой Шубину вдруг вспомнился отец, рассказывавший о том, как однажды в Индийском океане их корабль попал в «глаз тайфуна».

Вообще в последнее время он часто вспоминал уже ушедшего из жизни отца, его советы. Вспоминал то, что с Сирией морская династия Шубиных связана уже давным-давно.

ОКТАБРЬ 1982 ГОДА. МОСКВА, БОЛЬШОЙ КОЗЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

...В конце октября 1982 года капитан 1-го ранга Михаил Шубин был неожиданно вызван в Москву. Все его попытки узнать о причинах вызова ни к чему не привели, и на станцию метро «Лермонтовская», где располагался Главный штаб ВМФ, он прибыл в полном неведении. На КПП его уже встречал офицер отдела военно-технического сотрудничества.

– Через десять минут вас примет начальник Главного штаба ВМФ адмирал флота Сергеев! – сказал он. – Прибавьте шагу, опаздывать нельзя.

Адмирал флота Сергеев, невысокий грузный дядька с тяжелым лицом и мешками под глазами, встречая Шубина, вышел из-за стола и обменялся рукопожатием. Большие начальники так поступали нечасто, и Шубин сразу проникся к адмиралу уважением.

– Сразу о деле! – сказал Сергеев, жестом пригласив его садиться на стул у совещательного стола. – Сегодня в мире возник новый очаг «пожара»: на Ближнем Востоке вот-вот разразится очередная арабо-израильская война. В ее орбиту уже втянуты Египет, Сирия, Ирак и Иордания с Ливаном. В этих условиях руководство Сирии попросило нас прислать им военных советников, как говорится, «для поддержания штанов». Командование ВМФ считает, что вы, по своим знаниям и опыту службы, подходите для выполнения данной задачи. Готовы?

– Так точно, товарищ адмирал флота! – встал со своего места Шубин.

– Садитесь! – нетерпеливо махнул рукой Сергеев. – Вы назначаетесь на должность старшего военного советника командующего сирийским флотом. Конечный пункт назначения – Латакия. Кстати, что вы знаете о Сирии?

Шубин напрягся, боясь опозориться:

– Ну, Сирия – страна с древней культурой. Она прошла многовековую путь развития и становления до обретения независимости, – взгляд Шубина упал на огромную карту Мирового океана, занимавшую всю стену в адмиральском кабинете. – Сирия имеет выход к Средиземному морю, граничит с Турцией и Ливаном. Имеет три морских порта: Латания, Баниас и Тартус, – он на мгновение запнулся. – Большинство сирийцев – мусульмане, но есть и христиане.

Сергеев внимательно смотрел на Шубина поверх очков:

– Что ж, для начала очень даже неплохо. Желаю удачи! – адмирал вышел из-за стола и снова пожал Шубину руку, прощаясь.

Затем был визит на Старую площадь в административный отдел ЦК КПСС. Там новоиспеченный советник получил короткое напутствие и пожелание успехов в работе.

– Будьте осмотрительны, особой активности не проявляйте и в то же время поддерживайте связь с нашим посольством, – проинструктировал его строгий дядечка в строгом костюме. – Одна из ваших задач – сглаживать возможные противоречия между сирийской стороной и аппаратом главного военного советника. В данном случае вы ответственный за последствия, поэтому выбирайте золотую середину и действуйте по обстановке.

Во второй половине ноября 1982 года капитан 1-го ранга Шубин вылетел рейсовым самолетом в Дамаск. Жена должна была присоединиться после получения квартиры в Латакии, а одиннадцатилетний сын Вовка оставался на попечение бабушки и дедушки в подмосковном Домодедово.

15 МАРТА 2016 ГОДА. СТОЛИЦА ИГИЛ ГОРОД РАККА

Найти Сейфуддина главе разведки ИГИЛ удалось не сразу. Он в это время находился в Ливии, где готовил группы для диверсий на нефтяных портах. Пока его оповестили о сроч-

ном вызове в Ракку, пока организовали переправку, ушло некоторое время. Но вот наконец главный морской диверсант ИГИЛ предстал перед Рабахом.

Худощавый и подвижный, с тонкими чертами лица и небольшой европейской бородкой, он бы мог вполне сойти за французского аристократа, если бы не арабский ихрам (платок, опоясанный жгутом) на голове. О Сейфуддине было известно, что он происходил из богатой алафитской семьи, окончил морское училище в России, служил офицером в сирийских ВМС, а затем, поняв свое истинное предназначение, принял ваххабизм и ушел в ряды воинов джихада. О бывшей жизни, как и о бывшем имени, никто Сейфуддина никогда не спрашивал. В ИГИЛ это не принято. Зачем напоминать человеку о прошлом, если он от этого прошлого уже сам отсекся?

Впервые Сейфуддин заставил говорить о себе после штурма села Дулуйя, в 80 км севернее Багдада, в июле 2014 года. Тогда он впервые использовал катера, оснащенные пулеметами, а позднее там же уничтожил и контролируемый иракцами мост. В том же 2014 году Сейфуддин налазил доставку на бывшем правительственном катере взрывчатки через Евфрат под Рамади.

За эти подвиги во славу халифата он получил почетный титул амир аль-бахра (повелителя моря). В следующем году на лодках Сейфуддин успешно атаковал курдский городок Гвер, переправившись через реку Заб, устроив настоящую резню в городке. Затем взорвал дамбу под Самаррой, используя начиненную взрывчаткой лодку. В апреле 2015 года ИГИЛ выпустило пропагандистский ролик, где были показаны учения подразделения «морских котиков-джихадистов», которые могли проводить атаки с воды. Говорят, ролик вызвал смех у морских пехотинцев США. Но смеялись американцы зря. Уже в феврале 2015 года «котики» Сейфуддина провели удачную разведку и диверсию на реке под Фаллуджей.

Что касается реки Тигр, то Сейфуддин создал там целую флотилию моторных лодок, вооруженных крупнокалиберными пулеметами. На нескольких баржах он установил орудия, превратив их в мощные плавбатарей. Были оборудованы и особые скоростные шахидские катера, предназначенные для уничтожения плавсредств противника, мостов и причалов.

Флотилия Сейфуддина отличилась и во время боев за Мосул. Именно она осуществляла связь между западной и восточной частями города, содействовала контратакам наземных отрядов ИГИЛ, несколько раз удачно заходила в тыл атакующим американцам и иракцам, нанося по ним сокрушительные удары. И хотя атаки моторных лодок порой были самоубийственными и атаковавшие несли ужасающие потери, руководство это не волновало. У него было в достатке всего – и лодок, и боеприпасов, и шахидов. Особенно удачной была атака начиненными взрывчатками барж понтонных мостов через Тигр, по которым переправлялась наступавшая иракская армия. Тогда количество уничтоженных иранцев и американцев перевалило за несколько сотен.

Когда курды окружили город Табка, то для уплотнения кольца окружения стали перебрасывать на пароме и катерах десант через реку. Тогда Сейфуддин применил тактическую новинку, решив атаковать паромы боевыми беспилотниками. Атака была неожиданной и удачной. И хотя переправу десанта предотвратить не удалось, беспилотники Сейфуддина уничтожили несколько броневиков «Хамви» и три десятка курдов.

Однако с началом действий в Сирии военно-космических сил России былые успехи ИГИЛ обернулись тяжелыми поражениями, померкла слава и Сейфуддина. Крах авторитета амир аль-бахра начался с Дейр-эз-Зора, где армия Сирии при поддержке ВКС России провела спецоперацию и сорвала одну из важных десантных операций ИГИЛ. Тогда 104-я воздушно-десантная бригада республиканской гвардии Сирии уничтожила 7 речных судов ИГИЛ в районе причала Аль-Сабха и у переправы Аль-Марии в столице провинции. Из-за разрушенных мостов, река была единственным путем, связывающим восточную и западную части Дейр-эз-Зора. Здесь ИГИЛ полностью зависело от лодок и катеров, с помощью которых доставлялись запасы, боеприпасы и подкрепления к границе с территориями, подконтрольными пра-

вительственным войскам. В поражении руководство ИГИЛ обвинило Сейфуддина. И хотя он сумел доказать, что предпринимал все возможное для сохранения переправы, включая оборудованные огневые точки, прикрывавшие речные перевозки, миф о непобедимости был развеян. Затем иракцы перетопили лодки ИГИЛ, стремившиеся прорваться в Тикрит, а затем полностью уничтожили флотилию ИГИЛ в провинции Анбар. После этого Сейфуддину была предоставлена возможность реабилитироваться – таранить в Босфоре российский десантный корабль с военным грузом для Сирии. Это должно было не только лишить сирийскую армию партии вооружения, а Россию боевого корабля, но вызвать международный скандал и заставить турок закрыть для русских кораблей с военным грузом свои проливы. Но и эта акция Сейфуддина провалилась. Русский капитан так умело сманеврировал, что шедший на таран сухогруз игиловцев остался у него за кормой. После неудачи в Босфоре амир аль-бахр впал в немилость. Впрочем, другого столь профессионального специалиста в военно-морских вопросах у ИГИЛ все равно не было, и работа для Сейфуддина всегда находилась.

...Вообще-то Сейфуддин являлся подчиненным Рабах, и тот вполне мог ограничиться при встрече традиционным обниманием и касанием щек, но глава разведки решил иначе. Он приветствовал прибывшего троекратным поцелуем в обе щеки, после чего заключил в объятия, как поступают, если встретились давно не видевшиеся близкие друзья. При этом Рабах наблюдал за реакцией Сейфуддина. Тот, опешив на какое-то мгновение, от фамильярности своего шефа, тут же взял себя в руки и, со своей стороны, приобнял Рабах так, словно они и в самом деле закадычные приятели. При этом, обняв начальника, он тут же отступил на шаг и опустил голову в знак покорности. Своим маленьким экспериментом Рабах остался доволен. Он продемонстрировал подчиненному свое особое отношение, а тот показал, что умеет мгновенно реагировать на смену ситуации и в то же время проявил понимание и такт.

По обычаю, после столь эмоциональных приветствий следовало бы перейти к обмену дежурными фразами, расспросам собеседника о его успехах, здоровье, семье. Но Рабах вновь спутал все карты, неожиданно начав с Сейфуддином разговор так, словно видел его первый раз в жизни:

– Ты на самом деле столь сведущ в морском деле, и предан халифату, как о тебе говорят?

– Да, досточтимый, – спокойно, словно он только и ждал столь неуместного вопроса, ответил Сейфуддин, мгновенно приняв правила новой игры своего шефа, словно они действительно встречаются впервые. – В той, другой своей жизни я много плавал на кораблях, а ныне уже пять лет сражаюсь под зеленым знаменем Пророка, не зная жалости к его врагам.

Глава разведки наконец изобразил улыбку углами губ. Он добился того, чего хотел, лишней раз протестировал своего подчиненного на сообразительность и реакцию и теперь мог переходить к самому предмету разговора:

– Сможешь ли ты провести большое судно по Средиземному морю, минуя все опасности?

– Смогу, ведь я специально учился этому целых шесть лет!

– А готов ли ты отдать свою жизнь во имя Аллаха, если это будет нужно?

– Для меня это будет высшей честью!

Рабах буквально впился глазами в лицо своего собеседника, стремясь разглядеть в нем хотя бы тень мгновенного сомнения. Но нет, Сейфуддин был совершенно невозмутим, будто только что не согласился принести себя в жертву.

– Тогда садись! – Рабах жестом показал на небольшую софу подле своей. – Разговор нам предстоит долгий...

Халиф принял Рабах и Сейфуддина после дневной молитвы. На входе оба сняли обувь. Прибывших встречал глава охраны – здоровенный темнокожий магрибец. Осмотрев и наскоро обыскав гостей, коротко кивнул:

– Мархаба (добро пожаловать)! – и ввел внутрь.

Зайдя, гости расселись на коврах. Сейфуддин огляделся. Меджлис халифа, как и подобает жилищу истинного правоверного, не отягощенного земными страстями, был нарочито беден. На изрядно потертых коврах лежали, покрытые овечьими шкурами, верблюжьи седла-шдаад, использовавшиеся как подлокотники. В глубине помещения мерцал очаг для приготовления кофе.

Вошел халиф. Хозяин и гости обменялись приветствиями. Как и положено хозяину, халиф дежурно поинтересовался делами и здоровьем прибывших.

Слуга-мугави подал несладкий, с добавлением кармадона, кофе-гавах в маленьких, размером с куриное яйцо, чашках. Первому подали кофе халифу, затем сидящему справа от него Рабаху, а потом уже Сейфуддину.

Затем халиф процитировал несколько аятов Корана и хадисов. После чего пустился в пространные рассуждения о вере и неверии, начиная с изгнания Адама из рая.

– Сегодня мусульмане всего мира находятся в униженном положении под правлением иудеев и крестоносцев. Они бы уже давно стали их жертвой, если бы не отважные группы муджахидов.

Рабах и Сейфуддин молча внимали наместнику пророка Магомета на земле.

– Исламское государство, – говорил халиф, изучающе глядя в глаза своих собеседников, – это вершина исламской истории, к которой Умма шла долгое время.

Халиф сделал паузу, привычно перебирая холеными пальцами камешки молельных четок-сибхи.

– При нынешней ситуации, когда Асад и Россия захватывают у нас одну провинцию за другой, сложно думать о реальном расширении нашей территории в обозримом будущем! – подал голос Рабах.

Халиф снисходительно взглянул на своего главного разведчика.

– Не стоит уподобляться неверным, которые вечно куда-то торопятся. Читайте сабур (терпеливость) и постоянство перед лицом противоречий! – начал он новый монолог тихим голосом человека, который уверен, что его никто никогда не перебьет. – Да, сегодня наши дела идут не слишком хорошо. Но это лишь еще одно испытание Аллаха на нашу прочность и жертвенность. Главный лозунг – «бакыйя ва татаммадад» («остается и расширяется») никто не отменял. Халифат рано или поздно победит, и все, кто правит не по шариату, падут. При этом никто не должен связывать потерю территорий с тем, находятся там сейчас истинные джихадисты или нет. Война с неверными должна идти везде – в Западной Европе, США и России. Но хватит общих рассуждений. Поговорим о насущном. Итак, что касается международной политики, то я уверен: начало грызни между воюющими с нами странами – лишь вопрос времени. Наша задача – ускорить этот процесс. Мы должны столкнуть лбами крестоносцев всех мастей! Для этого вы и нанесете такой удар, от которого вздрогнет весь мир, а «крестоносцы» навсегда перегрызутся между собой. И хотя финансовые дела сегодня у нас обстоят не так хорошо, как раньше, денег вам будет выделено столько, сколько вы посчитаете нужным, ибо в данном случае экономия неуместна.

Халиф замолчал и некоторое время предавался своим думам. Гости сидели в почтительном молчании, не смея нарушить ход его мыслей. Наконец халиф снова удостоил их словом:

– В древности арабские мореплаватели говорили об удаче на море, что они поймали дуновение Аллаха! Пусть же и твой подвиг тоже станет настоящим дуновением Аллаха!

Уходя, халиф простился традиционным «Фай амаан иллях!», что означает «Да хранит вас Аллах!» Но на этот раз традиционное пожелание прозвучало как-то по-особенному.

**16 МАРТА 2016 ГОДА. ПРОЛИВ БОСФОР.
БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»**

Перед входом в Босфор старший помощник провел обязательное учение по борьбе за живучесть. Босфор – это узкость из узкостей, проход через который всегда, сколько бы ты его ни проходил, выматывает всех – от командира до последнего матроса – как физически, так и морально.

В двадцати милях от пролива Шубин вышел по УКВ на международной чистоте на связь с турецким постом береговым постом:

– Я военный корабль Российской Федерации, бортовой номер 217. Следую в Эгейское море. Скорость – 10 узлов. Приблизительное время входа в пролив – 17 часов 30 минут.

– Вас поняли! Нужен ли лоцман? – отозвались турки.

Вопрос о лоцмане был чисто формальным, так как российские военные корабли их никогда на борт не брали.

– Лоцман не нужен! – скороговоркой ответил Шубин.

– Через десять минут повторите запрос! – передали турки.

За час до входа в Босфор вахтенным офицером заступил заместитель по работе с личным составом Матюшкин. Так полагалось при прохождении пролива. На груди капитана 3-го ранга висел солидный «Никон» для фотографирования военных объектов и кораблей.

Стараясь подражать левитановской дикции, Алексей Ильич зычно скомандовал:

– Корабль к плаванию в узкости приготовить! Расчету прохода узкости по местам!

Проливную зону корабли советского, а потом и российского ВМФ всегда проходят по боевой готовности № 1. При этом усиливается как сигнальная вахта, так и вахта ППДО.

На пелорусах с правого и левого бортов встали начальник службы снабжения и баталер Их задача – по команде штурмана сообщать пеленги на указанные береговые объекты. Гордый возложенными на него чисто морскими обязанностями, Володя Бочаров был предельно серьезен.

– И в каждом его движении сквозит ответственность! – шепнул старпом Матюшкину, кивнув в сторону начальника службы снабжения.

Глянув на надувшегося от важности Бочарова, оба улыбнулись.

На сигнальном мостике сигнальщики крепили к фалам флаги. Желтый с черным кругом посередине – «Индия» («Я изменяю свой курс влево») и сине-красный – «Эхо» («Я изменяю свой курс вправо»). Из-за частого использования именно эти два флага на корабле всегда были самыми истрепанными.

Спустя десять минут Шубин повторил запрос. На этот раз турки назначили «Костроме» время и очередность входа в пролив, а также конкретное судно, за которым надлежало следовать.

Вообще в Босфоре четыре трафик-контроля, которые держат непрерывную связь с проходящими по проливу судами и регулируют их движение.

Как и положено, Шубин увеличил число сигнальщиков, выставил впередсмотрящего и вахту на отдаче якорей, приказал запустить резервные и аварийные устройства корабля. Помимо этого на верхней палубе, для противодействия возможным диверсионным действиям, была расставлена «вахта бдительности» – матросы с автоматами, ведущие наблюдение за водной акваторией вокруг корабля.

...В Босфоре, как всегда, царило настоящее броуновское движение и было тесно от множества снующих во все стороны плавсредств. Навстречу «Костроме» один за другим почти вплотную шли огромные сухогрузы и танкеры. Курс БДК то и дело пересекали всевозможные местные паромы, для которых все статьи МППСС были пустым звуком. Между паромами крутились в полнейшем хаосе рыбацкие лайбы, всевозможные прогулочные катера и яхты, которые, казалось, только и ждали, чтобы подставиться под форштевень «Костромы».

На машинном телеграфе застыл старпом Марченко, мгновенно реагируя на команды командира. Матюшкин вел вахтенный журнал, репетовал команды командира по «каштану»

и занимался фотографированием. За штурвалом опытейший из рулевых – главстаршина контрактной службы Владимир Пошевеля, также готовый к мгновенному выполнению любой вводной. Во главе сигнальщиков самый толковый и глазастый – Сергей Лукашев.

Штурман Дима Наумов, не разгибаясь, корпел над картой. Он то запрашивал пеленги на береговые ориентиры, то уточнял место корабля, непрерывно докладывая командиру о времени изменения и направления курса, точках поворота:

– Товарищ командир. Через минуту время поворота вправо на 15 градусов!

Что касается Шубина, то он все время находился в движении, перемещаясь с одного крыла мостика на другой, давая непрерывные команды на руль и машину, принимая информацию, оценивая мгновенно меняющуюся ситуацию и принимая такие же мгновенные решения.

Босфор – это испытание для всего экипажа, но в первую очередь для командира. Из всех морских проливов в мире Босфор самый узкий (недаром само слово Босфор в переводе означает «коровий брод»), если же к этому добавить что по нему одновременно перемещаются в обе стороны десятки и десятки судов, одновременно, пересекая им курс, с одного берега к другому снует неисчислимое количество паромов, катеров и лодок, можно только представить, какое напряжение испытывают при прохождении Босфора командиры кораблей и капитаны судов!

На пересечку курса «Костроме», вспарывая форштевнем пологую босфорскую волну, как черт из табакерки выскочил турецкий катер с надписью «Сахин гуденлик» – «Береговая охрана».

– Саям алейкум, кэптен! – кричал ему с катера турецкий офицер. – Я даже не успел соскучиться!

В ответ Шубин помахал турку рукой.

– Будет сопровождать до выхода в Мраморное море, а затем повернет обратно. Для турок сопровождение наших кораблей обычная рутина, – пояснил попросившемуся остаться на ГКП Почtareву Матюшкин.

– Откуда он вас знает? – удивился майор.

– Да мы здесь так часто бываем, что уже почти как родственники стали! – усмехнулся заместитель по работе с личным составом.

– Пару таких родственников, и врагов не надо! – встрял в разговор, высунувшийся из штурманской рубки штурман Наумов.

Согласно боевому расписанию по прохождению проливов, было положено через каждые пять минут бросать глубинные гранаты во избежание нападения подводных диверсантов. В Босфоре по договоренности с турками этого не делали. Шубин, да и другие командиры «экспресса» понимали, что отказ от гранатометания создает серьезные риски, но поделаться ничего не могли. Что касается Шубина, то он, в силу своего обостренного чувства справедливости, одно время хотел даже написать по этому поводу рапорт, но потом передумал. Понимал, что все равно рапорт ляжет под сукно. Начальство не любит инициативы снизу, тем более инициативы, которая затрагивает вопросы большой политики. Кого в Москве интересует вопрос, бросают ли с проходящих в проливах кораблей гранаты или нет, тем более что турки однозначно будут категорически против, а лишний раз ссориться с ними в непростой политической ситуации из-за такой «ерунды» в Москве не захотят.

...Миновали первый босфорский мост, носящий имя Ататюрка, что соединяет европейскую и азиатскую части Стамбула.

– Говорят, что его проектировал и строил сын небезызвестного Керенского, – пояснил Почtareву заместитель командира по работе с личным составом.

– Вот ведь жизнь устроена, у никудышного политика вдруг сын – талантливый инженер! – покачал головой Почtareв.

– Посмотрите направо! – обратил внимание гостя Алексей Матюшкин. – Перед вами главная достопримечательность Стамбула – храм Святой Софии – великий памятник раннему христианству, обращенный ныне в мечеть Айя-Софию.

– Где-где? – закутил головой Почтарев. – Эта?

И показал рукой на величественную мечеть.

– Это знаменитая «Голубая мечеть», – с интонацией опытного гида пояснил зам по работе с личным составом. – София правее. Видите огромный розовый массив в окружении минаретов?

Вглядываясь в проплывавшую мимо борта громаду сооружения, Почтарев утвердительно закивал.

– Существует легенда, что, когда в 1798 году в Босфор вошла эскадра адмирала Ушакова, в Софийском соборе внезапно обвалилась штукатурка и на стенах проступили скорбные лики православных святых.

– Эти минареты со своими хищными иглами, как неусыпная стража! – задумчиво высказался Почтарев, провожая взглядом Айя-Софию.

– В принципе так оно и есть. София же строилась, как главный православный храм всей Византийской империи, так что как его ни переделывали и ни переименовывали, суть осталась неизменной, оттого и окружили минаретами. Кстати, вы читали роман Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе»?

– Разумеется, читал!

– Так вот, он написала этот роман, когда гостила в Стамбуле.

– Возможно, «Экспресс» Агаты Кристи и ваш пересеклись именно в Стамбуле не случайно, – подумав, сказал Почтарев.

– Вполне возможно, – кивнул Матюшкин и, сославшись на служебную необходимость, удалился в ходовую рубку.

Над головой проплыл второй босфорский мост имени султана Фатиха.

– Куда-то наш провожатый запропастился! Турки сегодня какие-то квелые! – подал голос старпом Марченко.

Шубин глянул, действительно катер береговой обороны, резко сбавив обороты, остался далеко по корме.

– Слева по пеленгу 208 судно резко меняет курс! – раздался в то же мгновение вскрик сигнальщика Киселева.

– Право 15 градусов! – мгновенно отреагировал Шубин.

Он выскочил на крыло мостика. Огромный контейнеровоз грязно-зеленого цвета под либерийским флагом откровенно выходил из своей полосы встречного движения и целил своим форштевнем прямо в борт БДК.

– Может, рулевое управление заело? – подал голос Матюшкин, будто оправдывая капитана контейнеровоза. – В любом случае ступает в силу правило трех «д» – дай дорогу дураку!

Шубин не ответил. Он неотрывно смотрел на форштевень контейнеровоза, под которым вскипала пенная волна. Судно явно набирало обороты. Сомнений быть не могло – оно целенаправленно шло на таран!

Лоб мгновенно покрылся испариной. Все решали мгновения – пытаться ли изменить курс, стопорить ход или, наоборот, попытаться проскочить мимо киллера-либерийца. Шубин понял, что одним изменением курса от контейнеровоза уже не увернуться.

– ПЭЖ! – схватив микрофон «каштана», крикнул Шубин. – Обе самый полный вперед!

Он рванул ручки машинного телеграфа. Те, жалобно звякнув, застыли красными стрелками на отметке «самый полный вперед».

– Коля! – крикнул он в микрофон командиру БЧ-5 Каланову. – Нас самым наглым образом таранят! Выжимай все, что можно!

– Уже выжимаю! – раздался глуховатый и невозмутимый голос Деда.

«Кострома», задрожав всем корпусом, начала ощутимо прибавлять ход. Каланов выжимал из старой машины все, что было можно.

Помощник Марченко непрерывно кричал по УКВ на международной частоте:

– Вы опасно маневрируете! Я предупреждаю вас обо всех возможных последствиях!

Но толку от этого не было никакого.

Шубин безотрывно следил за либерийцем. Там, очевидно, заметили ускорение БДК и, не сбавляя хода, в свою очередь, подвернули вправо, чтобы не дать уйти от сокрушительного удара. Дистанция между охотником и добычей стремительно сокращалась.

– Лево руля на курс 175 градусов! – скомандовал Шубин, подвернув корму так, чтобы если уж не уйти от тарана, то хотя бы сделать его скользким, а значит, несмертельным.

На сухогрузе в ответ тоже энергично подвернули.

– Вот суки! Сейчас бы врубить из артустановки, чтобы потроха по Босфору пораскидали!

– Давай, давай, родимая! – шептал Шубин кораблю. – Мы с тобой еще не из таких пердряг выбирались!

Грязный, в потеках ржавчины нос контейнеровоза уже почти нависал над бортом.

– Лево на борт! – резко скомандовал Шубин, прикинув, что момент инерции уже не даст сухогрузу отреагировать на его неожиданный маневр, а более компактная и маневренная «Кострома» вполне может вывернуться.

Так и вышло. Корму БДК пронесло буквально в десятке метров от форштевня либерийца. Контейнеровоз проскочил по корме и теперь уже пытался сам уклониться от шедших вслед за БДК из Черного моря судов.

– Право на борт! Курс 280! Обе машины средний вперед! – скомандовал командир «Костромы».

На корме контейнеровоза значилось – «Margaux». Из его рулевой рубки, размещенной в кормовой надстройке, выскочило сразу несколько человек, они что-то кричали и непристойно жестикулировали.

– Кажется, расстроились, что промахнулись! – не упустил возможности снова напомнить о себе Матюшкин.

– Надо было в школе лучше учиться! – добавил штурман Наумов, еще до конца не пришедший в себя от случившегося.

– Хватит веселиться! – не слишком вежливо оборвал обоих Шубин. – Алексей Ильич, запиши в вахтенный журнал, что имела место попытка тарана, координаты и название судна.

Фигура одного из стоящих на крыле ходового мостика показалась Шубину чем-то неуловимо знакомой. Но разглядеть человека толком не удалось, тот предусмотрительно держался за спинами остальных, внимательно рассматривая «Кострому» в бинокль. По спокойному поведению наблюдающего Шубин решил, что именно этот и есть самый главный на контейнеровозе, возможно, даже организатор атаки. Все это пронеслось в голове командира БДК за какие-то секунды, после чего он забыл об увиденном человеке, как ему тогда казалось, уже навсегда.

– Товарищ командир, может, нам по приходе в Тартус «морской протест» подать, ведь этот «Маргаукс» нарушил все возможные положения МППСС, – обратился штурман.

Шубин устало вытер ладонью потный лоб:

– Какой, к черту, протест! «Морской протест» предполагает имущественные претензии, а мы что предъявим – дырку от бублика?

– Тогда может, хоть на УКВ свяжемся? Скажем пару ласковых, душу отведем? – предложил подошедший Матюшкин.

– А смысл? Они же сразу включают дурака – моя твоя не понимай! Это мы уже проходили. Связываться имело бы смысл с теми, кто действительно потерял управление, а не с теми, кто сознательно шел на таран.

– Ну да! – грустно кивнул заместитель по работе с личным составом и вернулся к наблюдению за окружающей обстановкой.

– Товарищ командир, – доложил стоявший на ГКП у радиостанции «Боцман-К» радист, – либерийское судно с позывным «Маргаукс» непрерывно дает в эфир сигнал «Сьерра Виктор-2».

– Ясно! – коротко ответил Шубин.

«СВ-2», согласно международному своду сигналов, означало: «Мне требуется немедленная помощь. Я имею повреждение рулевого устройства».

«Хоть бы что-нибудь новенькое придумали, а то каждый раз одно и то же. Как говорится, сел в лужу, но ведь нарочно, чтоб вас повеселить!» – подумал Шубин и, выйдя на крыло мостика, оглянулся.

Похожий на огромную рептилию, «Маргаукс», гася инерцию хода, пытался вернуться на свой фарватер. При этом контейнеровоз поднял кучу флагов и отчаянно вопил сиреной – изображал из себя жертву технической аварии. Со всех сторон на полном ходу к нему уже спешили турецкие катера.

– Слева по борту приближается встречное судно! – доложил сигнальщик.

– Штурман! Доложить дистанцию расхождения! – распорядился Шубин, устало усаживаясь в командирское кресло.

Навстречу «Костроме» по фарватеру величественно шествовал очередной огромный балкер. За ним в дальней дымке угадывался следующий. Движение на выходе из Босфора в Мраморном море всегда очень интенсивно.

По выходе в Мраморное море, когда обстановка на мостике несколько разрядилась, офицеры корабля рассказали Почтареву, что в апреле 2003 года при проходе проливов большим десантным кораблем «Цезарь Куников» перед мостом Ататюрка путь ему преградил катер турецкой береговой охраны. После чего турки потребовали от БДК застопорить ход и предъявить корабль к осмотру, хотя по всем международным соглашениям проверять военные корабли запрещается. Налицо была явная провокация, и командир БДК капитан 2-го ранга Александр Кельбус отреагировал соответствующе. На палубе залегли с оружием наизготовку наши морпехи, а носовая 57-мм артиллерия взяла катер на прицел. После чего, не меняя курса, «Куников» пошел на таран. Тут нервы у турок не выдержали, и они сбежали, очистив фарватер. Больше никаких претензий к нам турки уже не предъявляли, мы также промолчали.

В конце 2015 года, ввиду обострения отношений между Россией и Турцией после сбитого турками нашего самолета, ситуация при прохождении проливов накалилась до предела. Турки стали вести себя по отношению к кораблям «сирийского экспресса» демонстративно бесцеремонно. Они не только опасно пересекали курс кораблей, но и наводили орудия. То в самый последний момент неожиданно без объявления причины закрывали проливы, и нашим кораблям приходилось долгими часами крутиться у входа в Босфор в ожидании милости от турецких властей. В ответ, при очередном проходе Босфора, командир все того же «Цезаря Куникова» поставил для острастки на верхней палубе матроса с незаряженной трубой ПЗРК. Фотографии этого матроса вызвали волну возмущений в турецкой печати, но после этого провокации как рукой сняло. Попадать под ракету из ПЗРК туркам почему-то расхотелось.

Именно тогда на совещании командования бригады десантных кораблей Шубин и выступил с предложением не поднимать больше турецкого флага при прохождении проливной зоны. Формально придраться к нам за это турки не могли, но на морском языке данный акт являлся выражением предельного презрения принимающей стороне. Предложение Шубина было дружно поддержано всеми командирами «экспресса», а после некоторого раздумья одобрено и большим начальством. Почти целый год весь «экспресс» демонстрировал пустым гафелем полное презрение к туркам за их пиратское нападение на наш Су-24М. Только после официальных извинений Эрдогана, было решено вернуться к былой практике поднятия турецкого

флага. Этот урок турки запомнили хорошо и в настоящее время встречают наши корабли уже более спокойно. Однако провокации так и не прекратились. При этом теперь инициаторами стали уже суда под «дешевыми флагами».

...За Стамбулом, у причалов военно-морской базы Умурьери, были хорошо различимы ряды замерших в готовности ракетных катеров – ударного кулака ВМС Турции. Вид этих катеров всегда наводил на невольные размышления о том, что соотношение военно-морских сил на Черном море еще только начало выравниваться в нашу пользу, как туда сразу зачастили натовские корабли. И хотя все былые надежды заокеанских «партнеров» сделать Черное море внутренним морем НАТО с присоединением Крыма к России и возросшей мощью Черноморского флота канули в небытие, напряженность не только не уменьшалась, а даже усилилась.

После входа в Мраморное море сразу стало легче, напряжение спало. Трудно было поверить, что время прохождения Босфора заняло меньше двух часов. Теперь можно было поберечь машины. Шубин переключил тумблер «каштана» на ПЭЖ:

– Механик, на какой пойдём?

– На левой!

– Хорошо. Снимай самостоятельно. Левую ставлю на полный.

– Есть! – коротко отозвался из ПЭЖа Каланов.

Правую машину начали останавливать, но не сразу, а постепенно, переводя ее со среднего хода на малый. Только после этого Матюшкин перевел рукоятку телеграфа правой машины в положение «стоп».

Над морем опускалась черная южная ночь.

1983–1986 ГОДЫ. СИРИЯ

К моменту прибытия в Сирию Шубина-старшего порт Тартус, используемый по договоренности с Москвой как пункт ремонта и снабжения кораблей 5-й оперативной Средиземноморской эскадры ВМФ СССР, еще не был достроен. Впрочем, в недостроенном порту уже вполне могли швартоваться торговые суда с осадкой до 10–12 метров и осуществляться погрузочно-разгрузочные работы судовыми стрелами. В перспективе к морскому порту планировалось подвести железнодорожную ветку. Ее проектирование и строительство осуществляли советские специалисты. Стратегическое значение Тартуса было огромно. Помимо всего прочего, между ним и Латакией был расположен нефтеналивной терминал Баниас, являвшийся конечным пунктом стратегического иракского нефтепровода.

Военно-морские силы САР в то время состояли из нескольких базовых тральщиков, ракетных и торпедных катеров, а также нескольких береговых батарей на автомобильной тяге. Главная база флота Мина-эль-Бейда располагалась в 15 километрах северо-западнее Латакии. Состояние сирийского флота было удручающим, многое пришлось начинать почти на пустом месте.

В Латакии Шубин познакомился с командующим сирийским флотом бригадным генералом Мустафой Шумани, с которым ему предстояло взаимодействовать согласно обязанностям военно-морского советника. Взаимная симпатия между ними возникла почти сразу. Вскоре Шубин стал частым гостем в доме бригадного генерала. Шумани был не так прост, как могло показаться при поверхностном знакомстве. Он являлся представителем одного из знатнейших и богатейших алавитских семейств, связанных родственными связями с семьей президента Хафеза Асада.

Познакомился и с его супругой Зульфией и сыновьями-близнецами Ахмедом и Махмудом, непоседливыми шкодливыми малышами.

– Киф аль-халь (как дела)? – спрашивал он их, одарив обязательным сладким гостинцем.

– Квэйс (хорошо)! – кричали близнецы и корчили уморительные рожицы.

Близнецы Шумани были одногодками его Вовке, и Шубин, скучая по сыну, всегда с удовольствием возился с мальчиками.

В феврале 1983 года, когда на Латакию обрушился ураган, Шубину пришлось вместе с Шумани спасать стоявшие в порту транспорты. Большую часть судов они успели отправить в море, но два груженных зерном транспорта были выброшены волнами на прибрежные камни. Последующие две недели Шубин с Шумани занимались их спасением. Совместная работа еще больше сблизила двух моряков. Порой Шубина в шутку именовали Шубани, так и говорили: «А вон наши начальники Шумани и Шубани!» Шубин на шутку не обижался, лишь бы дело делалось.

Материальная часть и уход за ней были на сирийском флоте не в лучшем состоянии, в зачаточном состоянии находилась и организация боевой подготовки. О проведении боевых упражнений, практических стрельб и пусков ракет нельзя было и мечтать. А ведь еще не прошло и десяти лет со времени печально знаменитой битвы при Латакии, когда 7 октября 1973 года израильский флот атаковал сирийский и уничтожил пять сирийских ракетных катеров. Казалось бы, что после этого в Дамаске должны были понять, что флотом надо заниматься серьезно. Но увы... Система управления силами сирийского ВМФ, связь и наблюдение на приморском направлении требовали полной реорганизации и фактически создания заново. Противодесантная оборона побережья еще даже не обсуждалась. Больше всего поражало, что ровно в 17.00 все офицеры и матросы дружно покидали штабы и корабли, оставляя в лучшем случае полусонного вахтенного у трапа. Объяснить, что на корабле всегда должна находиться часть команды, сирийцам было невозможно, они этого просто не понимали.

Первым делом Шубин составил план работы, а когда его утвердили, то, засучив рукава, принялся за дело. Начал он с обучения самого командующего и офицеров его штаба. Шумани к предложениям Шубина отнесся с пониманием:

– Еще совсем недавно я командовал танковой бригадой, а потому готов учиться столько, сколько потребуется.

Но арабы, как известно, люди весьма неторопливые и задумчивые, а потому Шубину пришлось немало конфликтовать с местными офицерами, прежде чем те начали служить, как положено в нормальном флоте. Шумани почти всегда в спорах брал сторону своего советника, но наедине выговаривал:

– Вы русские все время куда-то торопитесь, куда-то спешите. Зачем? Обогнать время еще никому не удавалось. Пусть все идет как идет.

Немного разобравшись со штабом, Шубин принялся за корабли. Начал с ракетных катеров. Прибыли с Шумани в бригаду. На причале их встречали комбриг подполковник Абдулла Тархан и советник комбрига капитан 2-го ранга Эмиль Багиров.

– Обратите внимание на скученность катеров! – заявил Багиров после приветствия. – Одной ракеты будет достаточно, чтобы уничтожить всю бригаду

– Вы об этом вопрос ставили? – удивленно спросил Шубин.

– Язык сломал упрашивать, но бесполезно, все как об стенку горохом.

Шубин повернулся к Тархану:

– Почему корабли не рассредоточиваете?

– А зачем? – сразу надулся тот. – Когда все рядом, легче командовать.

– А воевать?

Вместо ответа Тархан пожал плечами.

– В каком состоянии крылатые ракеты?

Тархан закатил глаза и воздел к небу руки: мол, на все воля Аллаха.

– Разумеется, в небоеспособном! – объяснил жест комбрига советник Багиров. – Пытаюсь хотя бы заставить правильно хранить и проводить регламентные работы, но и это удается не всегда.

– Ну что ж, – посмотрел на Шумани Шубин. – Будем засучивать рукава?

– Согласен! – обреченно кивнул тот.

Так постепенно, шаг за шагом плановая работа в штабе флота и соединениях кораблей стала налаживаться. На восточной окраине Латакии Шубин развернул командный пункт, куда стали поступать регулярные донесения от командиров, а также с постов наблюдения и связи на побережье, не без скандалов, но ввел круглосуточное дежурство. Оперативная обстановка наносилась на планшет для ее анализа и доклада по команде. Дивизион базовых тральщиков он перевел в Тартус для постоянного базирования. Туда же, для усиления южного направления, посоветовал направить и звено торпедных катеров, которые отныне несли боевое дежурство в готовности к выходу в море. Спустя некоторое время Шубин освоил только некоторые арабские выражения. Теперь он мог иногда обходиться без переводчика. Это очень нравилось сирийцам, в особенности Шумани, который, в свою очередь так же пытался учить русский.

Шубин очень скучал по семье, оставшейся у его родителей в подмосковном городке Домодедово. Получая письма от жены и сына, он перечитывал их по нескольку раз, да и потом не выбрасывал, а хранил. Порой ему даже не верилось, что где-то в родном Подмосковье сейчас шелестят листвою березы, зеленеет трава, а высоко в утреннем небе над поляной поет жаворонок. Как бы хотелось ему открыть глаза и очутиться там, а не среди палящей пустыни и чахлах пыльных пальм...

В конце 1983 года в штабе сирийского флота совместными усилиями советников и сирийских офицеров было подготовлено и проведено командно-штабное учение на картах. Обстановка соответствовала реальному положению на приморском направлении Сирии. Для сирийских офицеров это был новый вид оперативной подготовки. Он выявил слабые места в боевой готовности сил флота, и были намечены пути их устранения. За учением на картах Шубин настоял на проведении оперативно-тактической летучки на местности в районе сирийско-ливанской границы. Этот участок был наиболее слабым звеном в противодесантной обороне на приморском направлении. К радости Шубина, в ходе летучки командующий флотом Шумани действовал весьма энергично и грамотно реагировал на изменения в обстановке по ходу действий сил флота.

Затем удалось на высшем уровне договориться и о совместном советско-сирийском учении. В один из дней, на рассвете ВМС Сирии были подняты по учебной боевой тревоге. На горизонте южнее Тартуса были обнаружены десантные корабли «вероятного противника». Прошло не более часа. Все корабли и береговые подразделения флота заняли исходные рубежи. Так началось первое в истории совместное сирийско-советское учение по отражению высадки морского десанта на побережье Сирии. Торпедные и ракетные катера выполнили учебные атаки. Подвижной полк береговой артиллерии с ходу занял огневой рубеж и выполнил практическую стрельбу по движущейся мишени. Подразделения сухопутных войск в окопах приготавливались к отражению морского десанта.

Ничего подобного личный состав сирийского флота да и сам командующий Шумани еще не испытывали: с моря к побережью волна за волной приближались плавающие танки и бронетранспортеры батальона морской пехоты. На берегу в развернутом строю и со знаменем в лучах восходящего солнца атаковала морская пехота Черноморского флота. При подходе к определенному рубежу на побережье учению был дан отбой. Личный состав, участвовавший в данном учении, построили для разбора. Руководители учения отметили положительные стороны и недостатки. Всему личному составу была объявлена благодарность.

После короткого отдыха и осмотра техники часть личного состава с техникой была принята с берега на десантные корабли. Другая часть батальона совершила марш-бросок в район порта Тартус и там погружена на большой десантный корабль.

Шумани был потрясен:

– Теперь я вижу, как должен сражаться настоящий флот!

А спустя несколько месяцев Шубин покидал Сирию на зашедшем в Тартус теплоходе «Башкирия». Расставание получилось грустным.

Шумани долго держал Шубина в своих объятиях, повторяя:

– Друг! Друг! Друг!

А когда Шубин сказал, что вместо него скоро прибудет другой советник, Шумани еще больше расстроился:

– Мне не нужен другой! Мне нужен ты! Я буду просить президента, чтобы тебя вернули к нам.

– Что ж, прикажут – вернусь. Мы с тобой, сам понимаешь, люди военные!

Шубин отвернулся, чтобы Шумани не увидел предательски выступивших слез.

Теплоход уже вышел из аванпорта, а Шубин все еще видел на пирсе машущего ему рукой Шумани. Впереди капитана 1-го ранга Шубина ждали Москва и должность старшего преподавателя Академии Генерального штаба.

16–20 МАРТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Уже на входе в Дарданеллы разминулись с БДК «Святослав», который спешил из Тартуса в Новороссийск. И хотя корабли «экспресса» встречались весьма часто, каждая такая встреча была радостной. Как и положено, на обоих кораблях сыграли «Захождение» и «Исполнительный», причем, хотя оба БДК имели одинаковый ранг, но в силу негласных традиций «экспресса», «Святослав» исполнил «Захождение» чуть раньше как знак особого уважения к старшинству командира «Костромы». Все находившиеся в тот момент на верхней палубе кораблей немедленно повернулись лицом к проходящему мимо кораблю, зафиксировали положение «смирно», офицеры и мичманы приложили руку к пилоткам. Затем, опять же по сложившейся традиции, командиры поприветствовали друг друга по УКВ и пожелали друг другу удачи.

Как-то само собой получилось, что со временем «сирийский экспресс» стал почти своеобразным морским орденом. Разумеется, никто об этом вслух не говорил, но в умах флотской общественности, а затем и высокого начальства экипажи кораблей, ходивших по маршруту Новороссийск – Тартус, были выведены за скобки официальной градации, как нечто отдельное и особое.

В «экспрессе», как в каждом закрытом сообществе, знали цену каждому члену данного сообщества, и этот каждый знал цену остальным. Здесь не задерживались искатели орденов и чинов, не уживались подхалимы, негодяи и всевозможные проходимцы. «Экспресс», как чугунный каток, мгновенно стирал их в порошок. Так как в «экспрессе» участвовали корабли не только Черноморского, но Балтийского и Северного флотов, семьи которых находились за тысячи километров от Новороссийска и редко когда могли приехать, отношения среди моряков «экспресса» постепенно стали почти монашескими. Шубин иногда, шутя, говорил, что вскоре, как в каждом уважающем себя монастыре, у них появится собственный институт старчества, а затем и отшельничества, причем за неимением лучшего отшельников определят в канатный ящик.

В целом нравы в «экспрессе» и в самом деле царили самые пуританские. Пьянство и кабацкие загулы здесь презирались. Помимо этого как-то сам собой из обихода исчез мат, и теперь они только морщились, слыша отборную ругань офицеров и мичманов других кораблей. Немудрено, что «экспресс» стал быстро обрастать собственными традициями и легендами, причем порой весьма нехарактерными для остального флота. К примеру, в моду вошли настоящие чайные церемонии. При этом на каждом корабле культивировали собственные сорта чая, который пили не просто так, а из надраенных до золотого блеска самоваров, по-старинному прихлебывая из блюдец с сахаром вприкуску. Чайные церемонии, как известно, не терпят суеты, а потому к ним относились со всей серьезностью. Обычно в кают-компаниях на вечерние чаепития собирались все офицеры и мичманы с командирами во главе. В матросских столовых

также пристрастились к чайным вечерам, хотя и в более упрощенной форме. Никто сейчас уже и не скажет, кто первым поставил в своей кают-компании первый аквариум, но вскоре на каждом корабле «экспресса» в обязательном порядке имелся уже аквариум, а то и не один. При этом никто не желал повторяться. Одни командиры пошли по пути максимализма и делали свои аквариумы из столитровых пластмассовых аккумуляторных емкостей, другие, наоборот, отдавали предпочтения маленьким, но уютным обиталищам для рыб. Если одни украшали аквариумы подводными дворцами и русалками, оснащали всевозможными фильтрами и компрессорами, то другие стремились к аскетизму и поддержанию естественного биологического равновесия. Еще больше разнообразия было в выборе самих рыб. Если на «Минине» командир разводил красивых, но хищных циклид, то на «Пожарском» любили медленных и величавых вуалехвостов. Кто-то вообще откровенно презирал импортных красавиц и разводил местных представителей речной фауны. Что касается Шубина, то он являлся сторонником аквариумного примитивизма, предпочитая исключительно заурядных гуппий и меченосцев.

Удивительно, но когда было принято решение усилить «экспресс» вспомогательными судами с гражданскими экипажами, то, очутившись в среде «машинистов», они очень быстро приняли все условия игры и вскоре уже практически ничем не выделялись среди ветеранов «сирийского экспресса».

Среди множества легенд, ходивших среди моряков «экспресса», самой старой и самой мрачной считалась легенда о «Летучем сирийце». Суть ее была такова. Некий командир БДК по имени Мишка Квакин, устав от непрерывных походов, однажды стал богохульствовать небесам, что будь он даже трижды проклят, но никогда больше не пойдет в этот «гребанный Тартус». Но, едва он произнес свои последние слова, как разверзлись небеса и на Мишку пролился дождь, в небе загрохотал гром, и был Мишка Квакин действительно проклят. После чего сразу и навсегда исчез прямо с ходового мостика, да так быстро, что никто и глазом моргнуть не успел. А вскоре стали моряки «экспресса» частенько лицезреть призрак Квакина на своих кораблях, когда те проходили проливную зону. При этом Мишкин призрак, как правило, выискивал по каютам «шило», которое хлебал прямо из канистры, а нахлебавшись, бегал со страшными воплями по низам и пугал матросов. Кто-то настаивал, что для изгнания Квакина надобно провести экзорцизм, но большинство полагало, что Мишке и так уже досталось, и пусть уж он лучше упьется, чем вообще сгинет неизвестно где.

На подходе к Тартусу «Кострома» перешла в подчинение местному оперативному дежурному. Шубин вышел с ним на связь по УКВ, уточнил время захода.

Встретили тральщик, который и повел за собой БДК.

– Курс 90 градусов! – повернулся Шубин к вахтенному офицеру.

Тот репетовал команду рулевому.

– Вас понял! – И уже рулевому: Курс 90 градусов.

– На румбе 90 градусов! – через минуту доложил тот.

– Так держать!

Миновали проход между волноломами. Поодаль, подрабатывая машинами, держались два рейдовых буксира, готовые в любую минуту, если потребуется, прийти на помощь и прижать к причалу.

Тартус – порт небольшой, инфраструктура тоже оставляет желать пока лучшего. Отличительной особенностью Тартуса является то, что там всегда, даже в штормовую погоду, спокойно. Раньше арендованный клочок суши выполнял весьма скромные задачи пункта материально-технического обеспечения Черноморского флота. Учитывая, что в постсоветское время постоянно наши корабли в Средиземном море не присутствовали, нагрузка на ПМТО была небольшая. Обычно там посменно стояли плавмастерские, да периодически заходили пополнить запасы гидрографы. С началом же международной террористической интервенции в Сирии все сразу изменилось. Но другого пригодного перевалочного порта на территории

нынешней Сирии просто не существует. Сейчас сирийские власти лихорадочно делали все, чтобы хоть как-то расширить возможности порта. А потому теперь в аванпорту днем и ночью противно визжали земснаряды, углубляющие и расширяющие входной фарватер, чтобы порт мог в перспективе принимать крупнотоннажные суда, оборудовались новые причалы, сооружалась береговая составляющая. Но все это будет еще когда-то, а работать предстояло здесь и сейчас.

На баке во главе швартовой команды боцман Кулаков, на юте командир БЧ-2 Витюков. Шубин привычным взглядом окинул акваторию порта. Прямо по курсу стоял пришедший накануне БДК «Кузьма Минин», несколько в стороне разгрузался гражданский сухогруз. Дальше – знакомые силуэты местных должителеей – килектора и плавмастерской. Ближе к волнолому, чтобы иметь возможность мгновенно выскочить в море, был ошвартован дежурный малый ракетный корабль с сине-белым флагом «Рцы» на мачте. На брандвахте сонно покачивался на пологих волнах противодиверсионный катер – «раптор». Все как всегда.

– Корабль к швартовке левым бортом изготовить!

Подшли к слипу у мола «Ц». Сирийские моряки приняли концы. Ошвартовались, как и обычно, с левой стороны причала. «Кострома» устало ткнулась в пневмокранцы и застыла.

– Михаил Михайлович, командуйте отбой аврала и приготовление корабля к выгрузке! – обратился командир к заступившему перед входом вахтенному офицеру Марченко.

– Есть! – коротко отозвался тот и сразу же схватился за микрофон «каштан»:

– Отбой аврала! Мегафон в твиндек! Корабль к выгрузке грузов и техники приготовить! Открыть ворота! Опустить аппарат!

На выезде, справа и слева у аппарели, уже встали сопровождавшие груз с красными флажками в руках, чтобы помогать водителям лучше ориентироваться. Матросы под началом боцмана быстро раскрепили технику. Водители начали прогревать моторы, сразу же от загазованности включилась вытяжная вентиляция. Боцман Кулаков с красными флажками приготовился регулировать выход техники. Рядом с ним и помощник Марченко.

Вскоре в открытые ворота по аппарели в порядке обратном погрузке стала выходить техника. Вначале танки разминирования, потом «скорые помощи». Водитель последней «скорой», выезжая на стенку, неожиданно отчаянно забибикал.

– Что это с ним? – поинтересовался у стоявшего рядом на причале майора Почтарева помощник Марченко.

– Да это наш утопленник за спасение благодарит! – ответил тот.

Ушли танки-минеры, умчались «скорые», выгрузили и перегрузили на грузовики ящики с грузом. Шубин на прощание пожал руку Почтареву: «Удачи тебе, майор! Даст Бог, еще свидимся!»

– А то, – рассмеялся, обнажив ровные белые зубы Почтарев, – земля – она круглая, да и море тоже!

Впереди майора Почтарева ждала вторично отбитая у игиловцев Пальмира, которую предстояло снова разминировать. При этом разминировании Почтарев будет тяжело ранен, но выживет, станет Героем России и уже через каких-то полгода будет снова разминировать сирийские города.

...Связавшись с оперативным Тартусской ВМБ, Шубин поинтересовался своими дальнейшими действиями.

– Как с запасами, до Новороссийска хватит? – спросил его тот.

– Хватит! – ответил без лишних эмоций Шубин.

– Тогда будьте в готовности. Назавтра на 19.00 предварительно «добро» на выход. Пролиты уже заказаны.

– Как погода?

– До Дарданелл почти штиль, ну а за Босфором, возможно, немного поболтает, хотя и не так, как вам уже перепало.

– Ну, нам не привыкать, – хмыкнул в трубку командир «Костромы». – Всего доброго. Конец связи.

Первый раз за время после отхода спустился в каюту, чтобы поспать пару часов. Хотел было уже, не раздеваясь, завалиться в койку, но передумал и нажал кнопку вызова рассыльного.

– Тащ ком-дир! Вызывали? – через полминуты высунулась в дверь вихрастая голова в пилотке на затылке.

– Помощника ко мне?

Тем временем на левом борту ажиотаж – начальник службы снабжения Бочаров таскал «на дурака» одну за другой ставриду. И больше ни у кого ничего! Все корабельные рыбаки сбежались на его борт. В море стало тесно от лески, но ни у кого все равно не клевало. А ушлый Бочаров вытащил уже десятую.

– Кто ловит рыбу, тот ее и варит, а кто рыбу варит, тот ее и ест! – подмигивал начальник службы снабжения обступившим его неудачникам. – Что тут говорить, профессионализм не пропьешь!

Народ места себе не находит, а что поделаешь! Наконец, к всеобщему облегчению, и у Бочарова перестало клевать. После чего все сразу повеселели и разошлись.

Вечером всех ждала традиционная баня, которая, как известно, после морей всегда особенно приятна...

24–30 МАРТА 2016 ГОДА.

ЧЕРНОЕ МОРЕ – НОВОРОССИЙСК. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

На обратном проходе проливов опять пришлось попотеть, но все, как всегда, закончилось хорошо. Зато в Черном море, вопреки всем ожиданиям, погода побаловала. На море был почти штиль, а в бездонном небе слепило южное солнце.

Подремывая в командирском кресле в такт размашистой качке корабля, Шубин думал о том, как отнесется к его решению о новом назначении жена.

С Ладой он познакомился на пляже в Херсонесе, будучи в лейтенантском отпуске. Вначале она обогнала его, шедшего с однокашником по училищу Пашей Ветлицким и его супругой Ольгой. Стройная и стремительная, она почти бежала в легком голубом сарафане по выжженной солнцем тропинке. Уже многим позже Шубин признался сам себе, что совсем не случайно свернул затем именно на те «скалки», где разглядел вдаль ее сарафан. Фактически же их познакомила тогда Пашкина супруга. Пока Шубин с Пашкой осуществляли традиционный «флагманский заплыв», она накоротке разговорилась с Ладой, и к моменту, когда друзья вернулись, девчонки уже всю болтали о всяких пустяках. Ольга же пригласила Ладу вечером составить компанию в летней кафешке на берегу Артиллерийской бухты.

Для Шубина, который с детства увлекался историей родного города, было приятной неожиданностью, что не так давно переехавшая с Донбасса в Севастополь Лада является выпускницей истфака и всерьез увлечена древним Херсонесом. Уже отправив домой чету Ветлицких, они гуляли по Приморскому бульвару до самого утра, после чего Шубин, как настоящий джентльмен, доставил девушку к ее маме. Учитывая превратности военно-морской службы, их роман с Ладой вначале развивался прежде всего как телефонный. Мобильной связи тогда еще не было, а потому приходилось звонить с ближайшего отделения почты.

Спустя год в следующем отпуске он был представлен строгой маме в маленьком уютном домике на Корабельной стороне. Там, под сенью винограда, Шубин и сделал предложение. Затем были веселая лейтенантская свадьба, рождение сына, потом дочери и еще одного сына, учеба на классах, продвижение по службе и в званиях. Короче, с Шубиным происходило все

то, что происходит в жизни каждого флотского офицера. И всегда рядом с ним была Лада. Как настоящая офицерская жена, она всегда находила себе дело. То работала воспитателем в детсаду, то учителем истории в школе, потом совершенно неожиданно для Шубина занималась торговлей мебелью, а затем, быстро переучившись, стала главным бухгалтером в одной из береговых флотских контор. Занятый службой, Шубин порой и не представлял, что происходит у него дома. Приходя далеко не каждый день, только удивлялся, что дети уже, оказывается, встали на ноги, начали говорить, затем один за другим пошли в школу, что сыновья стали заниматься дзюдо и гитарой, а дочь – балльными танцами. При этом дома Шубина всегда ждали идеальный порядок, ужин, ухоженные дети и пребывающая в неизменном хорошем настроении жена. Удивительно, но Ладе всегда все удавалось делать легко и непринужденно, так же как стремительно взлетала она по несколько раз за день на девятый этаж в их новом доме, где долго не подключали лифт. При этом Шубин понимал, что, несмотря на кажущуюся легкость решения всех легших на ее плечи забот, на самом деле жена, как и все жены моряков, мечтала о том дне, когда ее муж переведется на береговую должность. И они заживут с ним той обычной семейной жизнью, какой живут миллионы других семей. Впрочем, он знал и то, что Лада, как настоящая жена, примет любое его решение.

То, что Лада будет бесконечно рада его новому назначению на престижную береговую должность, Шубин не сомневался, как не сомневался тому, что она устроит и перевод детей в ростовскую школу, приведет служебную квартиру в идеальный порядок, обустроит на новом месте их быт и найдет себе работу. Он не сомневался в том, что Лада сделает все, только чтобы он был рядом с ней каждый вечер.

Уже на подходе к Новороссийску заместитель по работе с личным составом капитан 3-го ранга Матюшкин вместе с матросами торжественно водрузил на переборку стенд «Флаг Родины – Средиземноморье». Основа газеты – патриотическая статья самого Матюшкина и фотографии «Костромы». Вот БДК отходит от причала в Новороссийске, вот проходит Босфор, вот минует Дарданеллы, а вот и в Тартусе. На отдельном фото весь экипаж во главе с командиром. Матюшкин отошел и посмотрел на дело рук своих, поцокал языком. Стенд ему понравился.

– Мостик радиорубке! Прошу командира! – раздался в «каштане» голос Матюшкина.

– Слушаю! – отозвался Шубин.

– Товарищ командир, давайте «нашу» поставим? Пусть народ порадует, ведь домой идем!

– Давай! – отозвался Шубин. – Почему бы и нет!

«Вот и Новороссийск уже стали называть “домом”, как раньше Севастополь, что поделять, “экспресс” диктует свои правила» – почему-то подумалось ему.

Впереди по курсу в фиолетовой предутренней дымке виднелись кавказские горы. До Новороссийска оставалось какая-то пара часов хода.

...Но и в центре полярных вьюг,
Что, казалось, сойдешь с ума,
Я на север шла и на юг:
«Кострома», вперед, «Кострома».
Привезу я ваших ребят
И два дня отдохну сама.
Вот товарищи мне трубят:
«Кострома» пришла, «Кострома».

Неожиданно на сердце Шубина стало необыкновенно легко. Вначале он даже удивился: с чего бы это? Потом сам себе улыбнулся. Ведь, слушая любимую песню, он только что при-

нял, возможно, одно из самых важных решений в своей жизни и, приняв, сразу же перестал мучиться бесконечными терзаниями и сомнениями. Теперь все, как и до звонка кадровика, вновь было ясно и понятно.

...После швартовки и доклада начальству о выполнении задачи Шубин позвонил в Севастополь жене. Лада долго не подходила. Потом услышал в трубку ее запыхавшийся родной голос:

– Извини, была на кухне, готовила твои любимые голубцы. Как поход?

– Да как обычно. Все нормально, – выдохнул он в телефон. – Как сама, как дети?

– У ребят все как всегда, оценки хорошие, мальчишки ходят на свои секции, Катя выиграла танцевальный турнир. Все очень скучают по тебе, – голос на мгновение запнулся: – И я тоже...

В этом «я тоже» слышался немой вопрос о том, когда же они наконец увидятся.

– Думаю, скоро выберусь на побывку! – успокоил он жену, а заодно и себя.

– Это точно? – с недоверием спросила она.

– Надеюсь! – ответил он, и сердце захлестнула огромная жалость к ней, обреченной на вечное ожидание, к детям, которые растут без его отцовского внимания, к себе, вечному морскому страннику, лишенному обычных семейных радостей.

– Ладно, – примирительно сказала жена. – Я же все понимаю. Главное, чтобы ты знал: мы тебя очень любим и всегда ждем.

– Спасибо, дорогая! – только и смог ответить Шубин.

Весь следующий день экипаж занимался кораблем, старший помощник, вернувшись из штаба базы, вывалил на командирский стол стопку новых директив и приказов, которые надлежало прочитать, осмыслить и, разумеется, неукоснительно исполнить. К бумажной работе Шубин относился как к неизбежному злу, как говорится, не нами началось, не нами и кончится. Вздохнув, взял в руки первый документ.

– Товарищ командир! Оперативный на связи!

– Соединяй!

– Как у тебя с топливом и водой? – раздался из трубки голос оперативного дежурного Новороссийской базы.

– Запасы пополнил до установленных норм, – ответил он, с чувством облегчения отодвигая от себя бумаги. – Когда под погрузку?

Оперативный что-то говорил еще, но Шубин его уже не слышал. Он смотрел в открытый иллюминатор. Над пенными барашками волн отчаянно кружила одинокая чайка.

1987 ГОД. ПОДМОСКОВЬЕ.

ГОРОД ДОМОДЕДОВО

В конце июля 1987 года в доме контр-адмирала в отставке Шубина, что на краю подмосковного Домодедова, раздался междугородний звонок. Телефонистка звонким веселым голосом объявила:

– Сейчас с вами будут говорить из Дамаска!

– Алло! Алло! Это Михаил? Это Шумани! Ты меня еще помнишь, мой старый друг Шубани!

– Конечно, Мустафа! Конечно, помню! Неужели ты надумал посетить Россию в столь беспокойное у нас время?

– Увы, нет. Последнее время начал что-то прибалывать и теперь больше времени нахожусь дома. Но звоню я тебе не затем, чтобы поведать о болячках. У меня к тебе большая просьба.

– Всегда готов помочь, чем могу!

– Я отправляю к вам на учебу своих сыновей. Ты их еще помнишь?

– Конечно, разве забудешь твоих озорных карапузов!
– Время идет, карапузам уже по семнадцать лет, и оба хотят продолжать морскую династию.

– Так в чем просьба?

– Они едут учиться в Ленинград в военно-морское училище имени Фрунзе. Год будут изучать русский язык, а затем еще пять лет учиться на морских офицеров. Если будет возможность, не мог бы ты взять над ними шефство. Сам понимаешь, мальчишки впервые едут в чужую страну. А в России у меня лишь один друг – ты.

Шубин усмехнулся, почесал свою уже порядком облысевшую голову – надо же, какие бывают совпадения в жизни!

– Да о чем разговор! Но дело в том, что в этом году и мой Вовка тоже сдает экзамены в училище имени Фрунзе. Так что придется присматривать за всеми тремя сразу!

– О!!! – раздалось восторженное в телефонной трубке. – Я даже не мог представить, что все так хорошо получится. Я благословляю своих сыновей на дружбу с твоим сыном. Пусть они станут такими же верными товарищами, как их отцы.

– Ну, это уже не от нас зависит, хотя, конечно, это было бы хорошо!

– На все воля Аллаха! До свидания, дорогой! Если не возражаешь, я буду тебе иногда звонить, узнавать, что и как у моих мальчишек.

– Ма ассальяма, дружище! Поклон от меня твоей Зульфие.

1 АПРЕЛЯ 2016 ГОДА.

СТОЛИЦА ИГИЛ ГОРОД РАККА

...Минули уже две недели, а Керим Рабах вместе с Сейфуддином все еще работали над планом захвата судна с химическим оружием. Общий вес последней партии отправляемого груза составлял почти полторы тысячи тонн высокотоксичных отравляющих веществ, достаточных для того, чтобы уничтожить большую часть населения Западной Европы. Среди отравляющих веществ преобладали классические: зарин, зоман, иприт, табун и VX. Но хватало и другой дряни, например, серной горчицы, обладающей нарывным действием. Только ее должны были загрузить более 20 тонн.

Не попытаться воспользоваться столь уникальной возможностью было просто невозможно. Однако данная партия была последней, а это значило, что Али и его люди права на ошибку не имели. Информаторы у ИГИЛ были почти во всех европейских структурах, а потому вскоре Али уже знал все детали намечаемой операции по вывозу химического оружия.

Попытку захвата отравляющих веществ на первом этапе в порту Латакия он отверг сразу. Там всем руководили русские, а с ними связываться было смертельно опасно. В Латакии контейнеры и цилиндры с отравляющими веществами должны были грузиться на датское судно «Арк Футура», которое в море должен был сопровождать солидный военно-морской конвой из кораблей Дании и Норвегии. Возможность абордажа в такой ситуации так же исключалась. Натовские фрегаты перестреляли бы атакующие катера еще на линии горизонта. Конвой должен был доставить свой смертельный груз в итальянский порт Джойя-Тауро.

Там его должны были еще раз перегрузить на американский военно-транспортный корабль «Кейп Рэй», на котором было установлено специальное оборудование для переработки отравляющих веществ. По имеющейся информации, мобильная гидролизная установка (FDHS) была способна перерабатывать большие количества боевых химических веществ в соединения, не имеющие оружейного применения с эффективностью в 99,9 процента. «Кейп Рэй» уже в ближайший вторник должен был покинуть Портсмут и взять курс на Джойя-Тауро. Команда «Кейп Рэя» состоит из 35 моряков, около 64 специалистов-химиков из Эджвудского химико-биологического центра Вооруженных сил США, группы охраны и представителей Европейского командования Вооруженных Сил США.

После того как груз будет перегружен на «Кейп Рэй», он выйдет в нейтральные воды. Именно здесь появлялся шанс на захват судна. Информаторы сообщали, что по какой-то непонятной причине «Кейп Рэй» должен будет сопровождать всего один французский фрегат. При этом европейцы настояли, чтобы переработка происходила в Эгейское море, где «Кейп Рэй» смог бы затеряться среди многочисленных островов. Переработка отравляющих веществ на «Кейп Рэе» должна была растянуться до 60 суток. Особо токсичные вещества закачают в специальную титановую цистерну для последующей утилизации в международных водах. Захватывать «Кейп Рэй» следовало сразу, пока химическое оружие было в полной боевой готовности к применению. Координаты бухты, где бросит якорь «Кейп Рэй» (т. н. точка «Х»), были, разумеется, засекречены, но информаторам Рабаха удалось узнать и это. Что касается французского фрегата, то на нем удалось завербовать несколько матросов арабского происхождения. Эти матросы должны были на подходе к точке «Х» вывести фрегат из строя. Пока натовцы вышлют замену, пройдут сутки, а может, и больше. Этого времени вполне должно было хватить на то, чтобы захватить «Кейп Рэй», заминировать смертоносный груз и взять курс к берегам Франции. Идти следовало как можно ближе к берегу, чтобы в случае попытки атаки на судно взорвать его с максимальным уроном Европе. Таков был план Морского Али, одобренный руководством ИГИЛ. Остальное (подбор людей, закупка катеров, провозка оружия и т. д.) было уже делом техники.

Некоторая проблема заключалась в том, что если в ИГИЛ было полным-полно опытных минеров, то грамотных штурманов практически не имелось. По этой причине Морской Али мог рассчитывать исключительно на себя. Впрочем, Керим Рабах в руководителе операции был уверен. В конце концов, не такая уж сложная головоломка для профессионального моряка довести судно из пункта «А» в пункт «В».

Идея атаковать корабли начиненными взрывчаткой катерами была ненова. В октябре 2000 года в Аденском порту два смертника из «Аль-Каиды» на обычной моторной лодке с 300 килограммами тротила таранили американский эсминец УРО «Коул». Эсминец на плаву остался, но корабль был серьезно поврежден, погибло по меньшей мере 17 человек, еще 40 были ранены. Но то были какие-то триста килограммов. Теперь же речь шла о тысячах и тысячах тонн самых ядовитых веществ, которые только смог придумать человек. Задача, поставленная Робани и Сейфуддину халифом, была на самом деле грандиозная и по уровню организации, и по привлекаемым силам средствам, и конечно же по выделяемым финансам. Сейфуддину за кратчайшие сроки надо было проделать колоссальный объем работы: набрать подрывников, моряков, спецназовцев и химиков. Причем набрать настоящих мотивированных профессионалов, обеспечить каждого не только собственной легендой, но и четким алгоритмом действий. Кроме подбора людей Сейфуддину надо было провести если уж не полноценное обучение, то хоть какое-то начальное натаскивание и слаживание набранной команды. Помимо этого надо было закупить десяток хороших скоростных катеров, достать и доставить к ним взрывчатку, причем не каких-то пару десятков килограммов, а почти три тонны, обеспечить всех оружием. И все это, соблюдая строжайшую конспирацию! Ведь все побережье Эгейского моря уже было отбито у ИГИЛ, и спецслужбы Асада, Ливана и Турции не сидели сложа руки. Сейфуддину надо было, чтобы его люди незаметно собрались в одном месте на побережье, ждали условленного сигнала и в час «Ч» на начиненных взрывчаткой катерах устремились на захват добычи. При этом следовало распределить роли. Одни должны были, жертвуя собой, взорвать сопровождавшие «Кейп Рэй» американские корабли, причем взорвать не в порту, а на ходу, в открытом море. Задача наитруднейшая, которую еще никто никогда не решал. Другие моджахеды должны были взять на абордаж сам «Кейп Рэй», перебить или пленить команду. Наконец, третьи должны были, высадившись на захваченном «Кейп Рэе» и заминировав его, довести судно до точки «Х», где осуществить подрыв.

Особняком стоял вопрос получения информации о времени и курсе следования «Кейп Рэя», его курсе, координатах основной и запасной точек стоянки и других, не менее важных вещах. Для этого надо было активизировать работу ценнейших агентов как в штабе 6-го флота, так и в Пентагоне. Все составные части сложнейшего плана предстояло сложить воедино и, просчитав возможные варианты, выбрать самый оптимальный. При этом права на ошибку Сейфуддин просто не имел. Надо ли говорить, что те несколько месяцев подготовки, которые были отведены на подготовку операции, прошли для него, как в каком-то наркотическом угаре. Сейфуддин почти не спал, все время кого-то инструктировал, составлял инструкции, проводил тренировки, что-то покупал и что-то переправлял. Он сотни раз просчитывал каждый ход своей шахматной партии, чтобы предусмотреть и устранить все узкие моменты. Он готовил идеальную по замыслу и небывалую по масштабу террористическую акцию, понимая, что это и есть звездный час его жизни.

Надо отдать должное и Рабаху, который взял на себя поставку мотивированных шахидов. Помимо этого он, как истинный джихадист, в интересах Сейфуддина и его людей поднял на ноги всю свою нелегальную агентуру, привлек даже тех сверхсекретных агентов, которых берег на самый «черный день». Рабах понимал, что сейчас наступал настоящий момент истины, когда должна была решиться судьба халифата, и во имя успеха надлежало было бросить в топку без всякой жалости все те силы, которые он копил и лелеял много лет.

1987 ГОД. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ М.В.ФРУНЗЕ

Володя Шубин, хоть и был сыном военного моряка, вырос далеко от моря, в подмосковном Домодедове. Это вообще было достаточно странно – маленький подмосковный город с авиационными традициями и морская династия! Но чего в жизни не бывает. Частая смена места службы и длительные заграничные командировки отца привели к тому, что Володя вместе с мамой подолгу жил в доме родителей отца – простых сельских тружеников. Маленький домик на краю Домодедова так и остался для него на всю жизнь символом малой Родины.

Как и все домодедовские мальчишки, в детстве Вовка Шубин бегал купаться к санаторию на речку Рожайку, там, где плотина, лазил в заброшенных каменоломнях над Пахрой. Ради озорства несколько раз и в чужие сады забирались, причем не столько за зелеными яблоками, сколько затем, чтобы проверить собственную смелость.

Мальчишки в их классе поголовно мечтали стать летчиками «Аэрофлота», а девчонки – стюардессами. А о чем еще могли мечтать мальчишки и девчонки в Домодедове? Маленький же Шубин грезил далекими морями.

После окончания школы из всех российских военно-морских училищ младший Шубин выбрал овеянное романтикой и морской славой питомцев высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе, занимавшее целый квартал на Васильевском острове.

Поступил в училище он достаточно легко. Отцу даже не пришлось подключать свои связи. Экзамены Владимир Шубин сдал на «отлично», набрав максимальное количество баллов. Без проблем прошел и медкомиссию, а вот на физподготовке пришлось хорошо попотеть на трехкилометровом кроссе, но и здесь все же уложился в норматив. Мандатная комиссия была уже формальностью. На этом его отрочество закончилось, и началась, как тогда говорили, «юность с золотыми якорями». Отец хотел, чтобы сын пошел на гидрографический факультет, как наиболее престижный и перспективный. Но Вовка решил по-своему и написал рапорт на штурманский. С детства он мечтал о боевых кораблях, а не о белых гидрографических судах с гражданскими командами.

И вот настал волнующий момент, когда перед ним распахнулись знаменитые Гаражные ворота на 12-й линии и «система» на долгих пять лет приняла его с сокурсниками в свои объятия.

В сентябре первокурсники приняли присягу на Марсовом поле. Отец с матерью конечно же приехали из Москвы, чтобы присутствовать в момент, когда их чадо превратится в полноценного защитника Родины. В еще не подогнанной «сидящей колом» форме № 3, с древним, помнящим не одно поколение курсантов АК-47, он стоял в общем строю, ожидая своей очереди зачитать волнующие слова клятвы на верность России. Что бы ни говорили, а принятие присяги в жизни курсанта момент особый. Затем строй распустили, и вчерашние мальчишки смогли пообщаться с родными, похвастаться черными лентами на бескозырках с золотой надписью: «ВВМУ им. Фрунзе», сфотографироваться на память.

Затем к Шубиным подошли два смуглых юноши в зарубежной морской форме.

– Это сыновья моего давнего друга из Сирии Мустафы Шумани. Я о нем тебе не раз говорил, – сказал отец. – Они, так же как и ты, только что поступили в училище Фрунзе. Я очень бы хотел, чтобы ты с ними подружился так, как мы дружим с их отцом. Познакомьтесь!

Вовка не без интереса рассматривал молодых сирийцев.

– Владимир! – протянул он руку стоявшему ближе высокому и подтянутому сирийцу.

– Ахмед! – представился тот, приняв рукопожатие.

После этого Вовка обменялся пожатием руки и со вторым, более широкоплечим и степенным братом, который назвался Махмудом.

Сирийцы еще совсем не говорили по-русски, поэтому во время обеда в кафешке, куда всех пригласил отец Владимира, говорил в основном он, расспрашивая сирийцев и переводя Вовке с матерью их рассказы. Впрочем, говорил в основном шустрый и смешливый Ахмед. Что касается Махмуда, то он больше слушал и помалкивал.

Уже потом от отца Владимир узнал, что Мустафа Шумани, уволившись из вооруженных сил Сирии, весьма удачно занялся бизнесом, быстро пошел в гору, став одним из богатейших людей в Дамаске.

... Рассвет над Невой. Легкий туман накрыл дома, аллеи, набережную. Сквозь вату тумана слышен тихий перезвон утреннего трамвая. Команда «подъем!», отброшены на спинки коек одеяла, позевывая и громко топя тяжеленными «прогарами», курсанты поротно выбегают строиться на 12-ю линию Васильевского острова. После зарядки роты втягиваются в чрево «системы». Теперь у каждого из курсантов задача первым захватить место у умывальника. Умывшись, курсанты выстраиваются на завтрак. Училищное меню изысками не блистало, но было калорийным. Уютные столики на четверых, белоснежные скатерти, вестовой (из своих). Затем приборка и развод по аудиториям на занятия. Не сразу первокурсники выучили паутину анфилад залов и коридоров. Чтобы не опаздывать на занятия, Шубин даже вычертил схему переходов.

Лекции и практические занятия по кораблевождению проходили рядом с Компасным залом, центром которого являлась знаменитая картушка морского компаса, набранного из разноцветного паркета. Помимо учебы началась и настоящая служба. Дневальство по роте, пожарные дозоры, камбузные наряды и караулы... Страну сотрясали политические катаклизмы, но курсанты жили по большей части своей внутренней жизнью, своими маленькими делами и проблемами.

Такая нагрузка была непривычна, поэтому в первое время Шубин даже не помышлял об увольнении. Но затем все постепенно наладилось.

С арабами-двойняшками он почти не виделся. Курсанты-иностранцы жили и учились отдельно от остальных. Лишь иногда они сталкивались с Ахмедом и Махмудом в перерывах между занятиями. При этом по большей части обменивались рукопожатиями и не более, сказывался языковой барьер. Братья на первом курсе только учили русский язык. Через некоторое время они уже немного начали говорить. Шустрый Ахмед получше, молчаливый Махмуд похуже. В первый зимний отпуск отец Вовки пригласил братьев погостить к отцу в подмосковное Домодедово. Не сказать, что родители Вовки были в восторге от этого решения, но

и печали не было. Отец с матерью сделали все от них зависящее, чтобы сыновья их друзей почувствовали себя в семье Шубиных, как у себя дома. Мама все время хлопотала на кухне, готовя все новые и новые вкусности. Отец же вечерами за чаем рассказывал им о своей службе на флоте и в особенности в Сирии, вспоминал совместную службу с отцом братьев. Каждый день друзья подолгу катались на лыжах с крутой горы, что за военкоматом у старой церкви. Собственно, катался в основном Вовка, а Махмуд с Ахмедом учились. Впрочем, братья-арабы оказались неплохими учениками. При этом если поначалу они не могли сделать на лыжах и двух шагов, то к концу отпуска уже сносно скатывались с небольших гор. При более тесном общении Ахмед с Махмудом оказались вполне нормальными ребятами. Они смешно лопотали на псевдорусском, были хорошо воспитаны, вежливы и предупредительны. Молча признали верховенство Вовки и безропотно слушали его во время прогулок по Москве. Никакой особой набожности у братьев Вовка не усмотрел. Те лишь формально несколько раз в день изображали молитву. При этом Махмуд объяснил, что они вполне светские современные люди, а молитвы – это не больше чем дань традиции.

На летних каникулах Ахмед и Махмуд уже улетели к себе на родину. На втором курсе общение Вовки с братьями стало более близким, т. к. они уже сносно знали русский. В свою очередь, Вовка выучил несколько десятков фраз по-арабски, что еще больше придало ему авторитета у братьев. По характеру и отношению к жизни Вовке больше пришелся по душе веселый Ахмед, и спустя какое-то время между ним и Ахмедом началась даже дружба.

ИЮЛЬ 2016 ГОДА. США. ШТАТ ВИРДЖИНИЯ. ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА НОРФОЛК

Вернувшись с очередного совещания, капитан «Кейп Рэй» командер Брайс Бенсон с удовольствием потягивал холодную «колу», откинувшись в кресле в своей каюте. За последние дни на борту судна царили просто содом и гоморра: непрерывно догружали какую-то новую аппаратуру, принимали дополнительные запасы продуктов и топлива, вовсю шло и окончательное тестирование оборудования, кроме этого его просто извели всевозможными инструктажами, но конец всему безобразию был уже близок. Не далее как завтра «Кейп Рэй» наконец-то покидает Норфолк. Был уже поздний вечер, и никаких дел уже не предвиделось.

«Кейп Рэй» являлась старым ролкером 1977 года постройки со встроенной рампой. Изначально ролкер был построен в Японии на верфи «Кавасаки» для Саудовской Аравии, но в 1993 году приобретен США в 1993 году. Свое имя «Кейп Рэй», т. е. «Мыс Рэй» судно получило в честь одноименного мыса, расположенного в юго-западной оконечности острова Ньюфаундленд.

Ранее «Кейп Рэй» принадлежал министерству транспорта США и входил в резерв судов, предназначенных для переброски грузов в интересах американских вооруженных сил. Теперь же для проведения миссии его временно передали ВМФ США. Длина судна составляла 220 метров, ширина – 32 при водоизмещении в 35 500 тонн. Главный двигатель мощностью 26 270 кВт разгонял ролкер до 22 узлов. Для ликвидации химического оружия на судне были смонтированы две системы гидролиза полевого развертывания, разработанные Пентагоном. Уникальность данных систем состояла в том, что для их работы были необходимы только расходные материалы: вода, реагенты и топливо. Третья установка была погружена в разобранном виде для возможной замены запчастей.

Если в обычное время экипаж «Кейп Рэй» составлял всего 35 моряков, то сейчас он был увеличен до сотни за счет технических специалистов, лиц вспомогательного персонала и сотрудников служб безопасности. Стоимость всей миссии предварительно оценивалась более чем в 60 миллионов долларов, куда были заложены и солидные премии всем участникам операции, включая и самого капитана. Внешне «Кейп Рэй» из-за многочисленных модульных кают для размещения дополнительного экипажа, громоздких аппаратов для гидролиза и уничтоже-

ния химикатов и вентиляционных труб выглядела достаточно нелепо, за что сразу же получила у норфолковских остряков прозвище «ядовитая каракатица».

Всего на борту «Кейп Рэя» предстояло уничтожить более 7000 тонн химических веществ. Опасные химикаты планировалось смешивать с водой и другими веществами, а также нагревать и выдерживать в реакторе. Данный метод был уже хорошо апробирован при уничтожении химоружия. Новшеством являлось лишь то, что впервые данную операцию предстояло произвести в море. Что касается отходов бывшего химического оружия, то впоследствии их предполагалось передать компаниям-субподрядчикам для дальнейшей переработки.

На настоящий момент судно уже прошло все необходимые испытания, в том числе и зачетные выходы в море, опробованы были системы гидролиза. Теперь оставалось лишь устранить кое-какие недочеты и ждать приказа на переход через Атлантику к месту будущей миссии.

... Бенсон уже собрался было поспать, как по внутривнутрипереговорному устройству «секвойя» позвонил дежурный офицер:

– Сэр! Прибыли специалисты с новым химическим оборудованием и просят его принять лично вас!

– Примите все сами. Я уже сплю!

– О'кей!

Буквально через минуту снова противно загудела «секвойя»:

– Извините, сэр! Но специалисты утверждают, что аппаратура настолько ценная, что принять ее должны только вы!

Конечно, Бенсон мог послать ко всем чертям и идиотов-химиков, и своего дежурного и завалиться спать. Утром его бы немного поругали сверху и заставили принять очередную секретную кастрюлю с патрубками. Но ложиться спать, не сделав всей работы, Бенсон не привык, а поэтому, сунув ноги в шлепанцы, отправился к прибывшим.

Вначале «яйцеголовые» (так он называл про себя всех представителей науки и промышленности, вне зависимости от их специализации) попросили его осмотреть на предмет целостности очередной деревянный ящик и наличие на нем пломб. Затем, позевывая в кулак, Бенсон ждал, когда сорвут пломбы и упаковку. Он ничуть не удивился, что доставленный аппарат оказался именно очередным здоровенным ведром с многочисленными патрубками и манометрами. Ну а что еще могли придумать «яйцеголовые»? Затем главный из химиков попросил его осмотреть агрегат, в котором он все равно ничего не понимал, и расписаться в получении. На все про все ушло больше часа. Когда же Бенсон, с чувством исполненного долга, вернулся в каюту, неожиданно позвонил дежурный по базе и сообщил, что из министерства интересовались, хорошо ли обстоят дела на «Кейп Рэе», на что он сказал, что дела обстоят хорошо. Выдержав паузу, дежурный поинтересовался, правильно ли он сказал.

– Правильно! – вздохнул в трубку Бенсон. – Что еще?

– Больше ничего, сэр!

– Спокойной ночи!

– Спокойного дежурства!

На этом разговор закончился. Конечно, дежурный – очевидный идиот, но дело было даже не в нем. Само присутствие «Кейп Рэя» в Норфолке вызывало у местного начальства какую-то мистическую нервозность, хотя никаких химических веществ на судне еще не было и в помине. Все только и мечтали, чтобы странное судно как можно скорее покинуло военно-морскую базу, и лучше всего навсегда. Вообще-то с первого дня своего внезапного назначения капитаном «Кейп Рэя» и сам Бенсон не испытывал особого восторга от новой должности. Будучи боевым командиром с хорошим послужным списком, он не слишком разбирался во всех тонкостях транспортировки, хранения и, главное, безопасного уничтожения химического оружия, причем в столь огромных количествах. Как профессионала, это незнание его и смущало, и огорчало. За месяцы командования «Кейп Рэем» он кое-чему научился, но все равно оставался

уверенным, что концентрировать такое огромное количество столь смертельного боезапаса не только не разумно, но и смертельно опасно. Будучи человеком опытным, он подстраховался несколькими письменными рапортами, которые высшее начальство тут же упрятало под сукно. Конечно, если что-то пойдет не так, как запланировано, голову с него все равно снимут, и написанные бумажки будут стоять не более фигового листа, но свою совесть Бенсон хоть немного успокоил.

На предподходовой пресс-конференции, которую устроили вчера в штабе базы и куда затасили упирившегося Бенсона, заместитель Госсекретаря США по вопросам обороны Франк Кэндалл, осуществляющий надзор за химическим, биологическим и ядерным оружием в мире, торжественно объявил:

– Мы будем конвертировать материалы химического оружия или его прекурсоры. Мы химически изменим состав арсенала, превратив его в соединения, более непригодные для военных целей, – продолжил он, подчеркнув, что это позволит нам избежать размещения данных материалов на чьей-то территории, вызвав политические и экологические проблемы, ассоциированные с этим вопросом по местному законодательству.

Затем слова взял глава исследовательской группы «Arms Control Association» Дэрил Кэмбэлл:

– Уничтожение химического оружия непосредственно на борту специального судна вдали от населенных пунктов является наиболее оптимальным вариантом. Технология уничтожения хорошо опробована как у нас в США, так и в России.

– Мистер Кэмбэлл, насколько безопасен процесс переработки? – протиснулся вперед вспотевший корреспондент «Вашингтон пост».

– Химические реакции будут осуществлены под специальным навесом в грузовом отсеке корабля. Потенциально этот участок может стать самым опасным, самым «горячим» для нас. Однако применяемый нами процесс не связан с взрывчатыми веществами или каким-либо процессом горения, поэтому он относительно безопасен. Кроме того, мы примем все меры, чтобы в море не попало ни грамма токсичных отходов.

– Предстоящая миссия является чисто американской или же международной? – уже лез с вопросом следующий журналист.

– Согласно планам, суда для транспортировки сирийского химического оружия предоставят ВМС Дании и Норвегии. Обеспечением безопасности операции займутся Россия на территории Сирии, в том числе в порту Латакия, и в территориальных водах Сирии займутся Россия и Финляндия. Не исключается участие в эскорте кораблей ВМС Китая. Но это только теоретически. На самом деле мы никого к вашему судну не подпустим и на пушечный выстрел. Химическое оружие будет перегружено в итальянском порту для последующего уничтожения на судне «Кэйп Рэй». Опаснейшую часть химического арсенала решено ликвидировать до конца текущего года.

Дэрил Кэмбэлл был в ударе, он расточал улыбки и был явно счастлив, оказавшись в центре всеобщего внимания.

Что касается Бенсона, то он, наоборот, испытывал неловкость под вспышками рапидов, поэтому на вопрос о его отношении к выполнению предстоящей исторической миссии ответил кратко:

– Старик «Кэйп Рэй» и его команда сделают все возможное для выполнения задачи. Как моряку, Бенсону было обидно, что всех интересует лишь сенсация предстоящего мероприятия, но никого не интересует ни само судно, ни его экипаж.

Не далее как пару дней до пресс-конференции очередной проверяющий из объединенного комитета начальников штабов США доверительно сообщил Бенсону, что после выполнения своей миссии его посуда будет сразу же затоплена от греха подальше. И хотя Бенсон был назначен капитаном «Кэйп Рэя» всего несколько месяцев назад и знал, что назначен капитаном

лишь до конца миссии, такое циничное отношение к своему судну он посчитал кощунственным. С этого момента в глубине души у него поселилась непреходящая жалость к нелепому «Кейп Рэю», судьба которого уже была предрешена, – за спасение человечества она расплачивалась собственной жизнью. И он, Брайс Бенсон, человек, которому было доверено судно, не в силах был что-либо для него изменить.

Экипаж на «Кейп Рэй» он набрал сам, и, как ему казалось, собрал неплохую команду. Для выполнения особой миссии назначались лишь добровольцы, причем с опытом службы и хорошей аттестацией. Своего первого помощника лейтенанта-командера Уильяма Кистлера он знал еще раньше по службе в 7-м флоте как отличного и перспективного офицера. Достойными были первый механик лейтенант-командер Барни Сиглаф, лейтенанты Келли Рэндалл, Джон Кимберли и боцман Арчи Кэйбл, да и все остальные тоже.

Если первый помощник Уильям Кистлер был стопроцентным голливудским мачо: высокий, атлетически сложенный блондин с обаятельной белозубой улыбкой и манерами ковбоя с Дикого Запада, то первый механик Барни Сиглаф напоминал Бенсону классического «ботаника». Он был небольшого роста, рыхл и округл. Образ дополняли большие роговые очки, которые у механика всегда почему-то съезжали на нос и которые он все время поправлял. При этом и тот и другой были настоящими профессионалами своего дела и ответственными людьми. Лейтенанты Келли Рэндалл и Джон Кимберли были тоже славными ребятами, разговоры которых, в силу их возраста, велись прежде всего о женщинах, выпивке и веселых приключениях на берегу. Зато боцман Арчи являл собой совершеннейшую невозмутимость. Кейбл был старше всех по возрасту и поэтому относился ко всем на судне, не исключая командира, с отцовской покровительственностью. Дома Кейбла ждали любимая жена, дети и маленькая внучка, а так же не менее любимый лабрадор. Любимой темой разговоров Кейбла была покупка домика в Калифорнии, куда он собирался перебраться по истечении последнего года контракта.

Команду химиков возглавил Дэрил Кэмбэлл из международной Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО), важный и надутый, как индеек, а также химик-технолог профессор Джозеф Петерсон с козлиной профессорской бородкой и манерами закоренелого пуританина.

Провожать судно прибыли представитель вооружения ВМС США вице-адмирал Кристофер Джонсон и командир Норфолкской военно-морской базы контр-адмирал Грег Томас. Когда адмиралы жали ему руки, Бенсон почувствовал, как их обоих буквально переполняет радость от того, что они, возможно, навсегда прощаются с «Кейп Рэем».

Согласно плану Организации по запрещению химического оружия, «Кейп Рэй» должен был пересечь Атлантический океан, прибыть в Средиземное море в итальянский порт Джоя-Тауро. В акватории этого порта на его борт должны будут перегрузить вывозимое из Сирии датским и норвежским грузовыми судами химоружие. Затем «Кейп Рэй», в сопровождении нескольких кораблей 6-го флота США должен взять курс в нейтральные воды Эгейского моря, после чего – затеряться среди многочисленных островов архипелага, в особой секретной точке «G» (какой шутник в Пентагоне назвал засекреченное место проведения операции «точкой джи», Бенсон не знал, но чувство юмора оператора оценил) и там произвести уничтожение отравляющих веществ с помощью двух гидролизных установок.

На стоявших у причалов кораблях подняли флажные сигналы желающие, по старому морскому обычаю, счастливого плавания. На выходе из бухты Хэмптон-Родс «Кейп Рэй» лег на генеральный курс и дал полный ход.

Стоявшие до этого времени в отдалении Дэрил Кэмбэлл и Джозеф Петерсон подошли к нему.

– Не правда ли, мистер Бенсон, что хорошая погода – верный признак того, что наша миссия будет удачной! – обратился к Бенсону велеречивый Кэмбэлл, картинно показав рукой на почти штилевой океан.

– Тихие воды имеют порой глубокое течение! – хмуро ответил Бенсон и удалился в ходовую рубку.

Кэптен не любил слишком восторженных людей, считая их просто позерами.

В рубке пахло еще свежей краской недавнего ремонта. На задней переборке во всю стену красовалась надпись нового девиза «Кейп Рэй»: «Cleanliness is next to godliness!» В переводе с английского это означало: «Чистота следует за набожностью».

Из сообщений американской прессы: «Оснащенный двухпольными боеготовыми системами гидролиза (FDHS), “Кейп Рэй” может устранить около 7000 метрических тонн боевого химического оружия из Сирии. Объемы жидких запасов горчичного газа и составляющие зарина будут транспортироваться на борту норвежских и датских кораблей к стороне для обмена в Средиземном море, возможно, в Италии, где “Кейп Рэй”, как ожидается, возьмет на себя отгрузку химикатов для нейтрализации. Представитель Пентагона Ф. Сэндэлл сказал, что детали транспортировки по-прежнему определяются и обмен будет “довольно короткой двухдневной операцией”. Чиновники ожидают, что химические вещества будут переданы для перевозки на “Кейп Рэй” примерно в 400 стандартных контейнерах-цистернах ISO, каждый мощностью 6600 галлонов (24 983 литров). Команда США ожидает, что нейтрализуются химикаты в течение 90 дней, сообщили чиновники. “На самом деле, реальное время по данной операции составляет около 45 дней, но мы допускаем, что это может быть и за 90 дней, потому что мы не в состоянии работать все время”, – сказал Ф. Сэндэлл».

ИЮЛЬ – АВГУСТ 2016 ГОДА.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ 6-го ФЛОТА США

Изначально планировалось, что принимать химические вещества «Кейп Рэй» будет прямо в сирийском порту Латакия. Однако потом этот вариант был исключен по соображениям безопасности. ИГИЛ есть ИГИЛ, и от нее в Латакии можно ожидать всякого. Затем планировалось, что «Кейп Рэй» примет свой смертоносный груз на военно-морской базе Рота в Испании, но затем отвергли и этот вариант. В конце концов остановились на варианте, когда «Кейп Рэй» прибудет в итальянский порт, где его будет уже ждать датское судно «Арк Футура», доставившее химические вещества непосредственно из Латакии. Разумеется, что постоянное изменение места загрузки «Кейп Рэй» вызывало нервозность во всех командных инстанциях, однако это имело и свой плюс. По мнению сотрудников спецслужб США, если бы сирийские террористы даже попытались бы что-то предпринять против «Кейп Рэй», то постоянные изменения плана операции не дали им ни малейшего счастья даже пытаться подумать о теракте.

Из сообщений прессы: «Американский корабль “Кейп Рэй”, на котором предстоит уничтожить сирийское химическое оружие, в четверг стал на якорь около военно-морской базы в Роте (Испания), – сообщает командование вооруженных сил США в Европе. – Ранее представитель министерства обороны США Стив Уоррен сообщил, что корабль будет ждать на базе в Роте на Атлантике, пока из Сирии не вывезут все наиболее опасные химические вещества. “Мы планируем, что корабль останется в Роте до тех пор, пока он не сможет принять на борт все химическое оружие, которое на нем должно быть уничтожено”, – сказал он».

В Роте «Кейп Рэй» пришлось постоять больше двух недель, после чего последовала команда следовать дальше по плану. В соответствии с ним «Кейп Рэй» совершил переход к берегам Италии, где стояли главные силы 6-го флота США.

Прибыв на штабной корабль 6-го флота «Маунт Уитни», стоявший на внешнем рейде калабрийского порта Джойя-Тауро, Бенсон доложил командующему флотом вице-адмиралу Джеймсу Фогго о состоянии судна и запасах.

– Я рад, что у вас все хорошо, надеюсь, что и дальнейшее ваше присутствие в зоне ответственности моего флота не доставит нам никаких хлопот! – дежурно улыбнулся ему вице-адмирал после доклада. – Хорошо, что вы прибыли вовремя. Тут их мэр, толстый увалень Беллофьоре, изнасиловал меня вопросами, почему именно в его городе будут перегружать химическое оружие!

– Мэр боится химического оружия? – удивился Бенсон. – Оно же в специальных контейнерах и относительно безопасно.

– Мэр боится, что горожане «поднимут его на вилы». Наше правительство пообещало Риму, что ни один контейнер не коснется суши, а перегрузка будет идти с борта на борт.

– Есть ли у вас ко мне какие-нибудь пожелания?

– Особых нет, сэр. Единственное, что я никак не могу понять, зачем тащить «Кейп Рэй» перерабатывать химическое оружие в Эгейское море. Там же и до Сирии недалеко. Не лучше ли было уйти в Атлантику и там все решить? Мы поистине «возим уголь в Ньюкасл». И еще. Мне на борту не помешал хотя бы взвод морских пехотинцев. Места у нас предостаточно!

Улыбка мгновенно исчезла с лица Фогго.

– Вы что думаете, Бенсон, я испытываю большое счастье видеть вашу ядовитую каракатицу в своих владениях? Будь моя воля, я отправил бы вас в Антарктиду! Но в Пентагоне, видимо, все решают согласно поговорке, что хорошо рыбачить в беспокойных водах. Ну, что касается вашей охраны, то, думаю, вы вполне обойдетесь без «червей». КМП уже влезло в сирийскую войну, и у них на счету каждый боевой штык. Так что обойдетесь как-нибудь сами. Можете идти!

Для сопровождения и охраны «Кейп Рэя» вице-адмирал Фогго выделил эсминец УРО типа «Арли Берк» «Хиггинс» и фрегат «Элрод». Вначале корабли, выделенные для охраны и обороны «Кейп Рэя», хотели довооружить 25-миллиметровыми пушками «Бушмайстер МК-38», которые хорошо подходили для отражения атак малоразмерных целей, но что-то не сложилось. После этого решался вопрос, чтобы поставить на эсминец с фрегатом хотя бы 12,7-миллиметровые пулеметы «Браунинг М-2», но в штабе флота в конце концов замотали и этот вопрос. Операция по переработке химоружия не являлась приоритетной задачей для 6-го флота. За нее отвечал непосредственно Пентагон, а посему на «Маунт Уитни» фактически проигнорировали довооружение кораблей охраны. Что касается морских пехотинцев, то, как оказалось, у Фогго были напряженные отношения с командиром корпуса морской пехоты, и он не желал лишний раз у того что-то просить. Отсутствие пехотного подразделения на борту «Кейп Рэя» было прямым нарушением Вашингтонских распоряжений. Но в столице все всегда видится несколько иначе, чем на местах, а потому командующие флотами довольно часто позволяли себе менять планы пентагоновских мечтателей на более реальные. Иногда их за это наказывали, иногда хвалили, а чаще просто закрывали глаза.

– Нам приказали выделить два корабля, мы их выделили, а остальным пусть занимаются арлингтонские умники! – заявил вице-адмирал Фогго.

На этом вопрос был исчерпан.

Флагманом нового соединения был определен фрегат «Элрод», на котором немедленно поднял свой брейд-вымпел заместитель начальника штаба флота Джек Китон. У Бенсона с Китоном отношения с самого начала не сложились. Не имея никаких представлений о технологии предстоящей операции, тот сразу же попытался поучать капитана «Кейп Рэя», но получил от ворот поворот. Китон немедленно накатал бумагу о своеволии Бенсона. Разгоравшийся скандал замаял вице-адмирал Фогго, который несколько приструнил своего не в меру ретивого

подчиненного, приказав заниматься охраной объекта и не лезть во внутренние дела «Кейп Рэя».

Вновь образованный отряд кораблей получил наименование – 65-я оперативная группа. Однако, когда «Кейп Рэй» в сопровождении кораблей охраны уже вышел в Тирренское море и взял курс в точку «G», командующий 6-м флотом передумал и отозвал ракетный эсминец. На попытку Бенсона возмутиться последовал окрик, что сейчас 6-й флот выполняет боевую миссию у берегов Сирии и кораблей катастрофически не хватает, а если Бенсон не уверен в успешном выполнении своей задачи, то вице-адмирал Фогго будет ходатайствовать о его замене. Делать нечего, Бенсону пришлось закрыть рот. «В конечном счете в Пентагоне полно умников, которые пусть и решают проблемы охраны его судна», – так думал Бенсон, видя, как эсминец «Арли Берк», покинув походный ордер, скрывается в легкой дымке утреннего тумана. Впрочем, расстраиваться было особо не о чем, т. к. оставшийся при «Кейп Рэе» ракетный фрегат «Элрод» был разработан именно как эскортный корабль, способный осуществлять противолодочную и противовоздушную оборону транспортных конвоев и идеально подходил для стоящей сейчас перед ним задачи. Вооружение фрегата: четыре ракеты «Гарпун», 76,2-миллиметровая артиллерийская установка, два трехтрубных торпедных аппарата, зенитные ракетный и артиллерийский комплексы, а также два вертолета – внушали заслуженное уважение.

Из сообщений прессы: «В итальянском порту Джоя-Тауро завершилась погрузка части сирийского арсенала химического оружия на специальное американское судно “Кейп Рэй”. В Италию из Сирии на датском судне доставили чрезвычайно опасные химикаты – иприт, компоненты зарина и нервнопаралитического газа VX, – доставил датский корабль. По заявлениям итальянских властей, “операция прошла при максимальной безопасности для окружающей среды”. В акватории порта были введены меры повышенной предосторожности: запрещен допуск посторонних, временно закрыто воздушное пространство. Район патрулировали вертолет и фрегат ВМС Италии. В ближайшее время “Кейп Рэй” направится в международные воды, где приступит к ликвидации химического оружия. Менее опасные вещества будут уничтожаться на специальных предприятиях в Финляндии и США.

Американское судно “Кейп Рэй” покинуло итальянский порт Джоя-Тауро для уничтожения сирийского химического оружия, которое находится на его борту, передает агентство “Ассошиэйтед Пресс”.

Судно “Кейп Рэй” вышло из порта Джоя-Тауро после 12-часовой операции по перегрузке химического оружия с датского корабля “Арк Футура”, сообщает агентство Франс Пресс со ссылкой на официального представителя Пентагона контр-адмирала Джона Кирби. Американское военное ведомство подтвердило, что погрузка контейнеров с химическим оружием на американский корабль была завершена в среду. Корабль “Кейп Рэй” покинул порт во второй половине дня и вышел в воды Средиземного моря, где вскоре начнется операция по уничтожению (химического арсенала), заявил Кирби».

На завтраке в кают-компании «Кейп Рэя» Бенсон стал свидетелем спора между представителем международной Организации по запрещению химического оружия Дэрилом Кэмбэллом и технологом Джозефом Петерсоном. Спор вообще-то был ни о чем. Просто два химика пикировались знаниями и информированностью.

– Израильские ученые высказывают серьезные опасения по поводу того, что процесс утилизации химического оружия в Средиземном море может представлять собой серьезную угрозу для региона, если отходы, которые станут результатом переработки отравляющих веществ, будут слиты в воду, – выговаривал коллеге Дэрил Кэмбэлл.

– Неужели вы не знаете, что мы всех давным-давно поставили в известность, что ничего сливать в море не будем? – накинулся на него Петерсон.

– Может быть, и ставили! – ударил себя по толстым ляжкам обеими руками Кэмбэлл. – Но, скажите, положив руку на сердце, кто может дать абсолютную гарантию!

– Наши гидролизные агрегаты типа DHS позволяют осуществить плазмохимическую утилизацию отравляющих веществ, – начал вещать, как с университетской кафедры, Петерсон. – Упрощенно процесс уничтожения химического оружия представляет собой смешивание опасных химикатов с водой и другими химикатами, их нагрев и разложение в плазмотроне и выдержку в реакторе. Одновременно с утилизируемым продуктом в камеру смешения плазмотрона подают титан. Дополнительно титан подают и в реактор. Процесс плазмохимического разложения проводят в инертной по отношению к титану среде при высокой температуре. Подача в плазмохимический реактор порошкообразного титана позволяет разделить необратимо молекулу исходного вещества и тем самым фактически произвести уничтожение химического оружия.

Закончив свой монолог, Джозеф Петерсон обернулся к сидящему за соседним капитанским столиком Бенсону:

– Ну а вы, капитан, что скажете по этому поводу?

От этой научной зауми у Бенсона пропал аппетит, и, отодвинув тарелку с недоеденным омлетом, он довольно грубо ответил:

– Есть время говорить и есть время молчать. Во время приема еды я предпочитаю последнее!

После чего поспешил покинуть ученых собеседников, которые, ничуть не обидевшись, продолжили свои нескончаемые заумные разговоры.

«Господи! И когда же закончится вся эта свистопляска с химическим оружием и он получит нормальное назначение на нормальный корабль и в кают-компаниях его будут, наконец окружать нормальные люди, а не “яйцеголовые”», – мрачно думал Бенсон, поднимаясь в ходовую рубку.

– Сэр! Вас вызывает на связь «gander»!

«Gander», т. е. «гусак», – позывной штаба 6-го флота. Опять им что-то приспичило!

Бенсон машинально взглянул на монитор перед командирским креслом, чтобы вспомнить свой новый позывной.

– «Gander»! Я «КАФИ». У аппарата капитан!

– «КАФИ»! «КАФИ»! – взорвался эфир. – Вы не прислали вовремя установленную таблицу расхода топлива и масла за истекшие сутки. Последний раз напоминаю, в следующий раз буду жаловаться адмиралу!

– Сейчас перешлем! Конец связи!

Бенсон со злостью переключил «секвойю» на главный пост энергетики и живучести:

– Первого механика!

– У аппарата!

– Барни, неужели так сложно каждые сутки в 8.00 составить таблицу расхода топлива и передать радистам! Или тебе приятно, когда об твоего капитана вытирают ноги? Нет! Так изволь делать все в срок.

– Сэр, я вас понял. Сейчас все будет сделано, – извиняющимся голосом отозвался лейтенант-командер Сиглаф. – Ничего подобного больше не повторится.

– О'кей! – Бенсон с силой отжал тангетку «секвойи».

Впереди перед форштевнем судна расстилалась зелено-голубое море, над волнами грациозно парили чайки, высоко в небе ослепительно светило солнце. Глядя на все это великолепие, хотелось радоваться жизни. И было просто непостижимо, что совсем рядом, в трюме «Кейп Рэя», затаилась страшная, способная уничтожить целые народы смерть...

**10 АВГУСТА 2016 ГОДА.
ПРОВИНЦИЯ АЛЕППО.
СЕКРЕТНАЯ БАЗА ИГИЛ**

Видавший виды джип притормозил у низкого обшарпанного глинобитного дома. Прибывшей легко соскочил на землю и огляделся. Грязная заброшенная окраина маленького городка. Безлюдная улица. Из-за забора показались фигуры с автоматами. Водитель джипа и люди с автоматами обменялись паролями. После чего прибывшего впустили в открывшуюся калитку. Маленький грязный двор. Такая же низкая и облезлая комната. На продавленном топчане сидел спиной человек.

– Он здесь, достойнейший! – объявил сопровождавший прибывшего и слегка подтолкнул вперед. Сидевший на топчане обернулся.

– А-а, Сейфуддин! Прошу разделить мою скромную трапезу. Особо угостить нечем. На войне как на войне. Но чай для дорогого гостя у меня всегда найдется!

Керим Рабах взял в руки фарфоровый чайник с отбитой крышечкой и наполнил две чашки. Первую передал Сейфуддину, вторую поставил перед собой.

– Как драгоценное здоровье? Как добрался?

Только получив дежурные ответы на свои дежурные вопросы, хозяин перешел к делу.

– Насколько ты и твои люди готовы к началу «Дервиша»? – спросил Керим Рабах, глядя, как Сейфуддин отхлебывает обжигающий чай из чашки.

– Катера и люди уже ждут в полной готовности. Тренировки проведены, каждый знает, что ему делать в любой ситуации.

– Может быть, ты в ком-то сомневаешься?

– Таких нет.

– Что ж, – Керим Рабах медленно перебирал в руках жемчужные четки. – Пока все идет по плану. Десятичасовая операция по перегрузке химического оружия в порту Джоя-Тауро с датского судна-контейнеровоза на «Кейп Рэй» прошла по графику и без инцидентов. Эксперты Организации по запрещению химического оружия зафиксировали доставку на борт корабля всех 78 контейнеров с 700 тоннами наиболее опасных химикатов, большая часть которых – это газ зарин. Три часа назад покинул порт Джоя-Тауро и отправился в секретную точку в международных водах Средиземного моря для начала операции по нейтрализации химического оружия. На ликвидацию боевых отравляющих веществ предварительно отведено 60 дней. Но захватывать «Кейп Рэй» надо как можно раньше, ведь с каждым днем запасы яда на борту будут уменьшаться. Точные сроки будут зависеть от погодных условий в месте пребывания судна.

– Мне все ясно! – кивнул Сейфуддин и огладил рукой свою кучую рыжую бородавку.

– Думаю, что после успешного проведения операции Аллах смилуется над тобой и подарит большую и густую бороду! – усмехнулся Керим Рабах.

Сейфуддин вскинул голову, в глазах его промелькнули молнии, которые, впрочем, тут же потухли.

Мало кто знал, что у грозного Сейфуддина имелся комплекс – его борода была редкой и рыжей, что доставляло грозному амир аль-бахру немало огорчений.

Сейчас же умный и проницательный Рабах наглядно продемонстрировал Сейфуддину то, что ему ведомы все самые сокровенные помыслы его подчиненного, а кроме этого лишний раз показал главному морскому диверсанту его место. Шутка была довольно жестокой, а ответить на нее Сейфуддин права не имел.

– Есть ли у тебя вопросы?

– Сейчас меня больше всего волнует, не изменились ли координаты, где будет становиться на якорь «Кейп Рэй»?

– Координаты остались прежними. План операции также. Если внезапно возникнут какие-то изменения, вы сразу о них узнаете. У нас есть свои люди как в Организации по запрещению химического оружия, так и в штабе 6-го флота. Кроме этого наш человек есть и непосредственно на «Кейп Рэе».

– Почему об этом не сказали раньше, это же очень важно?

– Всеу свое время. Сегодня настало время и для этой информации, – Керим Рабах пристально смотрел в глаза собеседнику.

Тот смиренно опустил глаза.

– Как мне опознать нашего агента?

– Очень просто, он сам подойдет к тебе и скажет, что он дервиш.

– Насколько можно ему доверять?

– Как мне. При этом учти, что это один из наших лучших агентов в США. Постарайся не только воспользоваться его советами, но и сохранить его на будущее. Дорога до победы всемирного халифата длинна, и люди во вражеском лагере нам будут еще нужны. Нами проведена огромная работа, стоившая сумасшедших денег, но нам удалось добиться того, чтобы маршрут «Кейп Рэя» прошел недалеко от побережья Турции. Жажущий всегда разобьет нужный кувшин.

– Не волнуйтесь, достопочтенный, я все предусмотрю.

– Начало операции – мой звонок по телефону и фраза «Дервиш приехал», – понизив голос, сказал Керим Рабах. – Напоследок еще раз хочу сказать тебе, Сейфуддин, что ты избран для великой миссии. Исполни волю Аллаха – посеи смерть в стане неверных, и имя твое навеки войдет в историю халифата как величайшего амир аль-бахра!

14 АВГУСТА 2017 ГОДА. МОСКВА.

СУВОРОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Вот уже несколько дней начальник Центрального дома Российской армии полковник Мазуров пребывал в состоянии постоянной внутренней тревоги, скрыть которую ему не всегда удавалось. Подчиненные, выходя от Мазурова, молча пожимали плечами, не понимая, что произошло с их всегда спокойным и выдержанным начальником.

– Что случилось? Проверку, что ли, какую-то злостную ожидает? – спрашивали они секретаршу Александру.

– Сама ничего не понимаю, – вздыхала интеллигентная Александра. – Уже третий день места себе не находит! Кто знает, может, неважно себя чувствует, а может быть, какие-то личные обстоятельства!

На самом деле причина плохого настроения у начальника ЦДРА была совершенно иная. Дело в том, что три дня назад из вышестоящего управления пришло указание о немедленной отправке в Сирию концертной бригады ЦДРА. Вообще-то отправка артистов для выступлений в войсках дело для ЦДРА самое обыденное. За девяносто лет существования «храма военной культуры» это делалось сотни и сотни раз, но в данном случае ситуация была уж очень не простой. Дело в том, что совсем недавно произошла большая трагедия. При вылете из Сочи в Сирию упал в море Ту-154, заполненный артистами военных коллективов, летевший для выступления перед нашими военнослужащими. Погибли десятки и десятки молодых талантливых людей... По этой причине перелеты артистов были до конца расследования категорически прекращены. Но наши ВКС и спецназ по-прежнему продолжали операции против ИГИЛ. Это значило, что сражающиеся с врагом военнослужащие по-прежнему нуждаются в культурном обеспечении. И тогда было принято решение отправить на пробу бригаду артистов не самолетом, а на одном из больших десантных кораблей, курсирующих по маршруту Новороссийск – Тартус. Трудностей такая командировка обещала немало. Еще бы! Если раньше самолет доставлял артистов непосредственно из военного подмосковного аэропорта Голицыно на военную базу Хмеймим, где и проходили концерты, а потом так же обратно, то теперь все выглядело иначе. Вначале артистам предстояло добраться поездом до Новороссийска, там перебраться на большой десантный корабль, после чего совершить серьезный морской переход через все Черное и Эгейское моря, Босфор и Дарданеллы. И это в условиях недружественных,

а зачастую просто откровенно провокационных действий турок и американцев, а у побережья Сирии и в зоне действия ИГИЛ... Из Тартуса артистов предполагалось перевезти в составе конвоя, через территорию, контролируемую террористами (иногда прорываться приходилось с боем!), в Хмеймим, где и должны были состояться несколько концертов. После этого опять автомобильным конвоем в Тартус, затем на десантном корабле до Новороссийска и, наконец, поездом в Москву. Наверху никто, в общем-то, и не скрывал, что командировка будет и долгой, и опасной, но решение было принято, и теперь Мазурову надлежало его выполнить.

Во-первых, начальнику ЦДРА предстояло решить, кого поставить во главе отправляемой артистической бригады. Руководитель должен был быть не только профессионалом в деле организации и проведения концертов, но и способным не растеряться и правильно действовать в сложной и даже критической обстановке, которая могла возникнуть во время командировки. Во-вторых, состав бригады должен быть исключительно добровольным. В-третьих, по возможности надо было обойтись без женщин, так как мужчинам будет легче перенести все предстоящие трудности.

Перебрав все возможные кандидатуры руководителя поездки, Мазуров остановился на работавшем в военно-шефском отделе полковнике в запасе Сивашеве. За плечами у Сивашева была срочная служба в ВДВ в Афганистане, военное училище и две академии, ответственные должности в РВСН. Имел полковник и боевые награды. В ЦДРА Сивашев попал по причине своей любви к гитаре и авторской песне. Мазуров понимал, что, имея боевой и воинский опыт, Сивашев, как никто другой, подходит для выполнения столь трудной задачи.

Как он и предполагал, приглашенный на беседу Сивашев на предложение ответил коротким воинским «есть».

– Станислав Николаевич, я вас не принуждаю, – на всякий случай сделал оговорку начальник. – Я вам просто предлагаю!

– Мне все понятно, Василий Иванович, – широко улыбнулся Сивашев. – Мы люди военные, если надо, значит, надо. Какие еще могут быть разговоры!

– Хорошо! – кивнул Мазуров и облегченно вздохнул.

Итак, первый вопрос был решен, и надо было переходить ко второму – к вопросу комплектации концертной бригады. Выслушав предложения Мазурова, Сивашев ответил так:

– Если вы не возражаете, то я бы предпочел взять с собой только тех, с кем уже не раз бывал в командировках, кого проверил в разных ситуациях и на кого могу положиться как на самого себя!

– Логично! – согласился Мазуров. – Но давайте все же сразу исключим из этого списка женщин. Такая трудная командировка не для них!

– У нас, Василий Иванович, в ЦДРА, как вы сами знаете, есть женщины, которые отважней и надежней любого мужчины, а есть и мужчины, которые куда хуже любой женщины. Поэтому я настаиваю, чтобы главным критерием отбора именно в эту командировку был не половой признак, а личная порядочность и надежность каждого члена бригады. Если вы доверили мне руководство столь непростой поездкой, так доверьте и отбор тех, кого я хочу взять с собой. Я готов нести ответственность только за тех, за кого поручился.

Мазуров внимательно посмотрел на решительное лицо собеседника. Что ж, только что он окончательно утвердился в правильности своего выбора. Именно Сивашев, а никто иной и должен возглавить эту поездку.

– Не могу сказать, Станислав Николаевич, что вы меня полностью убедили, но я верю вам, а потому комплектацию концертной бригады отдаю на ваше усмотрение. – Мазуров сделал паузу, в раздумье постучал ручкой по столу, за которым сидел. – И все же, когда составите список, покажите его мне...

Вернувшись от Мазурова, Сивашев быстро составил примерный список кандидатов в поездку. Затем, приглашая их под разными предлогами (попить чайку, скачать фотографии

старых поездок и т. п.), рассказывал о предстоящей командировке и выяснял, готов ли его собеседник к участию в ней. К радости Сивашева, практически все, с кем он беседовал, его надежды оправдали.

Наконец список членов концертной бригады был готов, и Сивашев представил его начальнику ЦДРА. Пробежавшись глазами по бумаге, Мазуров одобрительно покачал головой. Выбор Сивашева его вполне устраивал.

– В целом нормально, – сказал он ему. – Но у вас в списке две женщины! Вот смотрите, у вас значится певица Татьяна Пахомова. Она же совсем молодая девочка, справится ли?

– Она казачка, а значит, справится! – твердо и уверенно ответил Сивашев.

– Ну ладно, казачка так казачка. Пусть будет так. Но вы включили в список Элеонору Звездинскую! Вы что, не знаете Звездинскую, она же у нас почти Мария-Антуанетта! У нее же каприз на капризе! Зачем вам, Станислав Николаевич, эта головная боль?

– Я не раз ездил со Звездинской в самые отдаленные гарнизоны, и поверьте мне, что за МКАДом все ее капризы разом исчезают. Ну а как она поет, как умеет держать зрителя, не мне вам рассказывать.

– Певица она, конечно, от бога, а в остальном смотрите. Сами выбрали, сами и отвечать будете, – поморщил нос Мазуров и размашисто подписал состав артистической бригады.

– Я от ответственности никогда не уклонялся!

– И последнее, – Мазуров устало встал из-за стола и, подойдя к Сивашеву, пристально посмотрел ему в глаза. – Прошу тебя, Стас, о главном, прошу не как начальник подчиненного, а как офицер офицера: сколько людей с тобой уедет, столько же должно и вернуться. Обещай мне это!

– Обещаю! – твердо ответил Сивашев.

Покинув кабинет начальника, он вышел на улицу. Сивашеву надо было побыть одному и подумать. По Суворовской площади неслись куда-то машины, шли люди, и никому не было дела о далекой Сирии и о тех проблемах, которые он, отставной полковник РВСН, должен был теперь решать, о том, что он мог и должен был заранее предусмотреть, как и о том, что представить и предусмотреть он был просто не в силах...

15–16 АВГУСТА 2016 ГОДА.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ 6-го ФЛОТА США

...Выходя от командующего 6-м флотом вице-адмирала Фогго, Бенсон неожиданно столкнулся нос к носу с Билли Уорреном – своим давним другом и однокашником по военно-морской академии в Аннаполисе. Билли со времени их выпуска практически не изменился, был все такой же пухлощекый и улыбающийся, с взъерошенной копной рыжих волос на голове.

Однокашники обнялись. Что ни говори, а все же чертовски приятно, когда на другом краю света неожиданно встречаешь друга юности.

– Я не знал, что ты на 6-м флоте? – первое, что сказал Бенсон, выпуская Билли из объятий.

– Ну, это недавно! – хмыкнул Билли и, по своему обыкновению, улыбнулся во все свои тридцать два зуба.

– Как ты тут?

– Сегодня не я, а ты у нас главная знаменитость, поэтому с тебя первого и расспросы! – хлопнул Билли по плечу Бенсона. – Сейчас, извини, бегу с бумагами к шефу.

– Кстати, сэр, вы уже видели сегодня летающие тарелки? – сделал строгое лицо, спросил напоследок Бенсон своего друга.

– Это ваш способ предложить мне выпить? – закончил тот их старую шутку. – Принято! Вечером, если не возражаешь, подъеду к тебе на «Кейп Рэй», где не торопясь обо всем и поболтаем.

– О'кей! – подал другу руку Бенсон. – Так будет даже лучше. Я буду тебя ждать, Вождь краснокожих!

– И я не обману твоего ожидания, старик Хэнк! – со смехом отозвался Билли на свое старое курсантское прозвище.

Уоррен, как и обещал, прибыл на «Кейп Рэй» сразу после общего вечернего доклада. По тому, что до судна Бенсона он добрался на личном катере командующего, Бенсон понял, что его однокашник в большом фаворе у адмирала.

К прибытию Уоррена востовой уже накрыл в командирском салоне хороший стол. Бенсон выставил любимый Биллом двенадцатилетний «Chivas Regal», и друзья предались воспоминаниям юности.

– Слушай, ну а как твой Маячник, не прессует?

– Ну, наш Фогго всегда в своем амплуа! – хмыкнул Билли, и оба рассмеялись.

Бенсон напомнил другу о давней истории, происшедшей с Фогго в бытность его командования авианосцем «Авраам Линкольн». Тогда, во время плавания у побережья Испании, он вступил в глупую полемику с испанскими маячниками. Позднее запись переговоров в распечатанном виде широко ходила по всем СМИ мира, вызвав немало веселья у моряков всего мира.

В знаменитой записи переговоры Фогго с испанцами выглядели следующим образом.

Испанцы (помехи на заднем фоне)... говорит А-853, пожалуйста, поверните на 15 градусов на юг во избежание столкновения с нами. Вы движетесь прямо на нас, расстояние 25 морских миль.

Фогго (помехи на заднем фоне)... советуем вам повернуть на 15 градусов на север, чтобы избежать столкновения с нами.

Испанцы: Ответ отрицательный. Повторяем, поверните на 15 градусов на юг во избежание столкновения.

Фогго: С вами говорит командир корабля Соединенных Штатов Америки. Поверните на 15 градусов на север во избежание столкновения.

Испанцы: Мы не считаем ваше предложение ни возможным, ни адекватным, советуем вам повернуть на 15 градусов на юг, чтобы не врезаться в нас.

Фогго (на повышенных тонах): С вами говорит кэптен Джеймс Фогго, командир авианосца «Линкольн» военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, второго по величине военного корабля американского флота. Нас сопровождают два крейсера, шесть истребителей, четыре подводные лодки и многочисленные корабли поддержки. Я вам не советую, я приказываю изменить ваш курс на 15 градусов на север. В противном случае мы будем вынуждены принять необходимые меры для обеспечения безопасности нашего корабля. Пожалуйста, немедленно уберитесь с нашего курса!

Испанцы: С вами говорит Хуан Мануэль Салас Алкантара. Нас двое. Нас сопровождают наш пес, ужин, две бутылки пива и канарейка, которая сейчас спит. Нас поддерживают радиостанция «Cadena Dial de La Coruna» и канал 106 «Экстремальные ситуации в море». Мы не собираемся никуда сворачивать, учитывая, что мы находимся на суше и являемся маяком А-853 пролива Финистерра Галицийского побережья Испании. Мы не имеем ни малейшего понятия, какое место по величине мы занимаем среди испанских маяков. Можете принять все крутые меры, какие вы считаете необходимыми, и сделать все что угодно для обеспечения безопасности вашего корабля, который разобьется вдребезги об скалы. Поэтому еще раз настоятельно рекомендуем вам сделать наиболее осмысленную вещь: изменить ваш курс на 15 градусов на юг во избежание столкновения.

Фогго: О'кей, принято, спасибо.

И хотя, скорее всего, данная запись была, разумеется, значительно утрирована, суть ее, по утверждению очевидцев, была передана в целом верно. Тогда-то за Фогго навсегда и закрепилась кличка Lightkeeper, т. е. Маячник.

Когда все веселые истории были упомянуты, а судьбы однокашников обсуждены, Билли, лениво отхлебывая скотч, сменил тему разговора:

– С твоим приходом у нас началась настоящая истерия. Шеф вообще в бешенстве, рубит головы направо и налево.

– С чего это, ведь и мой приход, и предстоящие задачи плановые?

– Тут русские неожиданно нагнали в наше озеро своих кораблей и всю палат с них крылатыми ракетами по сирийской оппозиции. Пришлось перебрасывать к Сирии дополнительные силы, чтобы следить за ними. Русские же, в свою очередь, пригнали к нам разведывательные корабли и также отслеживают каждый наш вздох.

– А что, русские крылатые ракеты – это так серьезно? – поджал плечами Бенсон. – У нас же есть «Тамагавки»?

– В том-то и дело, что никто не предполагал, что русские создадут такое мощное и точное оружие. Их «Калибры» намного превосходят наши «Тамагавки» и по дальности, и по точности, к тому же практически неуязвимы для РЛС и РЭБ. Еще вчера все весело смеялись над ржавыми русскими лоханками, а сегодня так дружно возопили, что сами мы оказались в заднице! Впрочем, чего ожидать, когда страной руководит тщедушная чернож... обезьяна.

Оба одновременно посмотрели на висевший на переборке салона портрет президента. Вообще-то за такие слова в адрес первого лица Билли мог схлопотать по полной, вплоть до увольнения с флота, но в доверительной беседе с однокашником это было допустимо, тем более что и Бенсон вполне разделял взгляды друга. И все же он решил не развивать эту скользкую тему.

– Какое имеют отношение к моей миссии русские ракеты? – спросил он Билли. – Насколько я знаю, операция по уничтожению химоружия согласована в том числе и с Москвой!

– Дело совсем не в тебе. Просто ты стал дополнительной обузой для шефа. Для тебя же необходимо на целых три месяца закрывать целый район, выделять корабли охраны. А на это сегодня практически нет ни сил, ни средств. Кстати! – Билли хорошо отхлебнул из бокала и расплылся в блаженной улыбке, сделав многозначительную паузу. – Что-то меня уже, кажется, немного зацепило! Может, от духоты?

Глядя на собеседника, Бенсон невольно улыбнулся: с рыжими, взъерошенными волосами, с покрасневшимся и вспотевшим от виски лицом, Билли действительно выглядел, как настоящий «вождь краснокожих».

Он взял пульт и включил кондиционер. Уоррен, кивком одобрив решение хозяина, продолжал держать паузу.

– Ну, говори, если уже начал!

– Боюсь, что я прибыл к тебе гонцом плохой вести, – начал Билли, вытерев вспотевшее лицо салфеткой.

– Я весь во внимании! – Бенсон поставил свой бокал на стол. – Неужели опять какая-то сумасшедшая вводная?

– Увы, но именно так! – развел руками приятель. – Дело в том, что, когда координаты точки твоей миссии стали известны в Брюсселе, там поднялся страшный гвалт. Итальянцы, французы и даже англичане завопили, что не желают видеть твою «ядовитую каракатицу» даже в отдаление от своих берегов. Пентагон сразу ушел на крыло: мол, это зона ответственности 6-го флота, пусть командующий и разгребает. Шеф забился в падучей, орал, орал, а что делать? С итальянцами мы и так почти на ножах из-за перегрузки химоружия в Джоя-Тауро, а ведь у нас главная база в Неаполе! На черта Фогго новые проблемы. С французами и англичанами тоже ругаться себе дороже. Короче, точку миссии тебе поменяли.

– Так в чем проблема? – пожал плечами Бенсон. – Мне, честно говоря, все равно куда идти.

– Это не скажи, – хмыкнул Билли и, взяв бутылку, щедро налил себе в бокал. – Дело в том, что точку миссии сдвинули в восточную часть «озера», конкретнее к берегам Кипра.

– Это же глупость, вначале везти химоружие из Сирии в Италию, а затем снова тащить его для уничтожения на восток к Кипру?

– Это большая политика, дружище! На протесты Кипра и Брюсселю, и Фогтсу глубоко наплевать, а бухта тебе нужна обязательно, т. к. 90 суток в открытом море ты не продержишься хотя бы из-за грядущих штормов.

– Почему же адмирал меня об этом не известил при встрече!

– Т-с-с! – приложил палец к губам Билли. – Так как новая точка располагается близко к Сирии, Ливану и главное, к Израилю, ее координаты засекречены. Все боятся террористов ИГИЛ. Поэтому не далее как завтра ты получишь конверт с приказом, который вскроешь уже по выходе в море. В приказе и будут окончательные координаты района, где будет производиться переработка химоружия.

– Какие, к черту, террористы, когда у меня в охране два современных боевых корабля?

– И тем не менее. – Билли взял в руки бутылку виски, в раздумье покрутил ее в руках, затем, приняв решение, быстро освободил ее от остатков содержимого.

Однокашники расстались далеко за полночь. До катера Бенсон сопровождал перебравшего Билли, ведя под руку. Уоррен снова вызвал себе катер командующего. Бенсон, оценив возможности друга, молча показал ему поднятый большой палец, когда катер отвалил от борта «Кейп Рэя».

Утром на завтраке в кают-компании на вопрос механика о том, насколько перенесен выход в море, Бенсон ответил, что дело уже не в том, насколько перенесен выход, а куда предстоит идти. – Хотел кое-что перебрать в машине, но боюсь, что не успею, – вздохнул тот и уткнулся в свою тарелку.

– А что, внесены какие-то изменения? – поинтересовался сидевший в конце стола лейтенант Келли.

– Внесены, – кивнул Бенсон, допивая кофе. – Но какие, пока не знаю, все держится в секрете.

– Даже от вас, сэр?

– Даже от меня!

– И все же?

– Ладно, – подумав, махнул рукой Билли, – только между нами. Дашь слово?

– Конечно, даю? – сразу напрягся Бенсон.

– Вы пойдете к Кипру. Севернее острова в указанной точке встретите норвежский транспорт с последним химоружием, перегрузите все с него и уже после этого возьмете курс на северо-запад в архипелаг Эгейского моря, чтобы там, затерявшись среди островков, провести операцию по уничтожению химического оружия.

– А сколько тонн доставят норвежцы?

– Около ста тонн!

– Стоит ли рисковать семью тысячами тонн ОВ, доставляя их из Италии к Кипру, т. е. фактически в зону, приближенную к сирийскому конфликту, чтобы потом снова идти в архипелаг? Не лучше ли сразу следовать в архипелаг, а норвежцы и сами туда доберутся.

– Знаешь, планированием у нас все же занимаются не дилетанты, как тебе представляется, – сразу насупился Билли. – Все давным-давно продумано. При этом учтены не только военные, но и политические аспекты. Большого сказать пока просто не могу, извини...

На том друзья и расстались.

Через полтора часа на «Кейп Рэй» прибыл катером фельдъегерь секретной почты и вручил Бенсону конверт, запечатанный красным сургучом, с пометкой «особо важно». Конверт командиру предписывалось, как и предсказал Билли, вскрыть только по выходе в море, а после прочтения уничтожить по акту. Как и всякий флотский офицер, Бенсон ненавидел эти обляпанные печатями секретные конверты, полагая, что это отрыжка старой, но все еще любимой большими начальниками игры в шпионов. Толку от конвертов, как правило, не было никакого – обычная информация, которую можно вполне объяснить и словами. Сами же конверты создавали массу неудобств с их приемом, учетом, хранением, уничтожением и последующим отчетом об уничтожении. Тем более если это был совсекретный конверт с грифом «особой важности».

Расписавшись в получении конверта, положив его в сейф, Бенсон занялся корабельными делами. «Кейп Рэй» должен был пополнить запасы топлива, получить продукты, кроме этого надо было посетить очередное никому не нужное совещание в штабе флота, где обсуждались вопросы, не имеющие к Бенсону никакого прямого отношения, но где он обязан был присутствовать для «знакомства с общей обстановкой в регионе». Кроме всего прочего, время стоянки надо было использовать и для кое-какого ремонта, ведь на уважающем себя судне всегда найдется что чинить!

Уже поздним вечером добравшись до каюты, он открыл сейф и замер. Нет, секретный конверт был на месте, но лежал он совсем не так, как его положил Бенсон, не в углу полочки, а по центру. Ошибиться Бенсон не мог, он никогда не клал документы в центре полки, так как это создавало видимость беспорядка. Несколько секунд он ошарашенно смотрел на конверт, а затем осторожно дрожащей рукой для чего-то потрогал его. Неужели кто-то в его отсутствие зашел в каюту, вскрыл сейф, брал в руки конверт, затем закрыл сейф, опечатал его личной печатью командира и покинул каюту? Этого просто не могло быть! Бенсон даже протер глаза, может, все это ему кажется. Но нет, проклятый конверт лежал именно по центру полки, причем лежал небрежно, так, как будто его кинули в спешке.

Он взял в руки конверт и начал внимательно его рассматривать. Печать была на месте. Однако при внимательном рассмотрении было видно, что она несколько расплылась. Под самой же печатью угадывался едва заметный стес бумаги, видимо, конверт вначале нагрели, острым лезвием аккуратно поддели печать, а затем, ознакомившись с содержимым конверта, вернули печать в исходное состояние. Все было сделано настолько аккуратно, что было ясно: действовал настоящий мастер своего дела. Если бы не ошибка взломщика при возвращении конверта на место, он, Бенсон, никогда бы не обратил внимания на изменения с конвертом и спокойно бы его вскрыл в указанное время.

«Господи, ведь я еще в трезвом рассудке и твердой памяти и отчетливо помню, что положил полученный конверт с левой стороны полки поверх журнала боевой подготовки судна, – с ужасом думал он, сидя в кресле и обхватив голову руками. – Ты спокоен, ты спокоен! Давай будем рассуждать. Итак, пакет был положен с левого края на журнал – это факт? Факт! Ты больше в сейф не заглядывал? Нет! Вечером конверт оказался посреди полки. Это факт? Факт! Мог ли он сползти от качки. Бред! Никакой качки сегодня не было. На море полный штиль. Кто тогда мог это сделать? Разумеется, только реальный человек? Кто же он? На корабле в течение дня не было никого постороннего, поэтому этот человек однозначно является членом команды. Это факт? Факт! – Бенсон с силой потер виски. – Идем дальше. Этот человек должен был иметь при себе два ключа – от каюты капитана и от капитанского сейфа. Сделать их можно было только заранее, а это значит, что он мог контролировать секретную корреспонденцию уже давно. Кроме этого «невидимка» (так про себя окрестил неизвестного Бенсон) должен был твердо знать, что именно данный конверт сегодня окажется в сейфе у капитана. Кроме этого у «невидимки» должен был быть и мотив. Не просто же так он затеял свою опасную операцию. Мотив мог быть только один – узнать содержимое конверта, т. е. узнать координаты точки, где

будет производиться уничтожение химического оружия. Но зачем ему это знать? Простому человеку такая информация совершенно не нужна. Зато она интересна разведслужбам. Англичанам, французам, итальянцам и прочим натовцам это ни к чему, они и так в курсе событий. Стоп! Недаром вчера Билли рассказывал о наглости русских по всему «озеру». Кому, как не русским, могла понадобиться данная информация! Для чего? А хотя бы для того, чтобы еще раз унижить американцев. Мол, мы, русские, все про всех знаем и будем контролировать ход вашей миссии, т. к. желаем все держать под контролем. Если все обстоит именно так, значит, у меня на борту русский шпион! – от последнего вывода у Бенсона вспотел лоб.

Следующая мысль была еще более страшной: «Что же делать дальше?» Если доложить все как есть по команде, последует грандиозный международный скандал. Причем полетят головы не только его, Бенсона, но и многих других. Ну, а если промолчать. Тогда его поведение можно будет квалифицировать как государственную измену. В тягостных раздумьях Бенсон провел всю ночь, а наутро принял решение довериться своему однокашнику и попросить у того совета.

Прибыв для доклада о готовности к выходу на «Маунт Уитни» заранее, он нашел Уоррена и рассказал ему все как есть. Сказать, что тот был ошарашен, значит, не сказать ничего. Несколько секунд Билли стоял в полном оцепенении, а затем, схватив за рукав однокашника, потащил его на верхнюю палубу. Там, найдя безлюдный закуток, он выпустил рукав Бенсона:

– В своем ли ты уме? – понизив голос, буквально зашипел Уоррен на капитана «Кейп Рэя». – Ты хоть понимаешь, что ты мне сейчас сказал?

– К сожалению, понимаю! – опустив голову, отвечал однокашник.

– Не пройдет и пяти минут после твоего доклада, как ты будешь отстранен от должности, через час будет начато следствие, через неделю-другую тебя в лучшем случае с позором выкинут с флота, а в худшем отправят за решетку!

Понурившись, Бенсон молчал. Да и что он мог возразить?

– Что же мне делать? – поднял он глаза на друга, когда тот немного умирил свой пыл.

– А ничего не делать! – Билли от избытка чувств с силой ударил кулаком в переборку, около которой они стояли. – Конверт был запечатан, и ты ничего не заметил, а так называемые твои сомнения отнесем за счет твоей мнительности и перевозбуждения. Все! Тема закрыта!

– Что ж, – вздохнул Бенсон. – Видимо, придется поступить именно так. И все же это как-то неправильно...

– Неправильно! – И без того красное лицо Уоррена стало по настоящему багровым. – Твоя задача – выполнить миссию, выполнишь, все окупится. Ну и не будь теперь таким раззявой, у которого русские шпионы среди бела дня лезут по сейфам. Заодно присмотришься внимательнее к экипажу, может, кого и найдешь.

– Спасибо за совет! – пожал Бенсон руку однокашнику. – Понимаешь, как для меня сейчас важно было поделиться с тобой происшедшим.

– И еще, – Билли сделал многозначительную паузу. – О нашем разговоре никому ни слова. Более того, ты мне никогда ничего не говорил, и я знать не знаю ничего о твоем проклятом конверте. Надеюсь на твою порядочность, что в случае, если это дело когда-нибудь всплывет, я буду категорически отрицать, что был к нему хоть как-то причастен.

– Да я все понимаю, – кивнул Бенсон. – Не беспокойся, я – могила!

– Ну все, я пошел, – торопливо глянул на часы Билли. – Да и тебе к шефу уже пора на доклад. Думаю, что больше нам видаться уже не надо! Желаю удачи! Хэппи воядж!

Даже не пожав Бенсону руки, Билли почти бегом спустился по трапу со спардека и скрылся из глаз.

Командующий 6-м флотом встретил капитана «Кейп Рэя», как и раньше, без особого энтузиазма. Вице-адмирал сидел за рабочим столом, заваленным бумагами. Иллюминаторы

в салоне были настежь открыты, и в них плясали солнечные зайчики. Рядом, скрестив руки, переминался с ноги на ногу мрачный Джек Китон.

– Что-то вид у вас, Бенсон, сегодня неважный, – посмотрев на капитана «Кейп Рэя», покачал головой Маячник. – Наверное, плохо спали. Что ж, таков наш командирский удел! Остались ли еще какие-то нерешенные вопросы?

– Нет, сэр, все в порядке.

– Тогда желаю успешного выполнения миссии. Не забывайте держать мой штаб в курсе ваших дел. В случае каких-либо проблем – немедленный доклад. Да, и самое главное. – Фогго, как старый боевой конь, мотнул своей седой головой. – В связи с обострившейся обстановкой из-за русских в Сирии, мне пришлось поставить перед командиром «Хиггинса» новую задачу. Так что в вашем охранении останется лишь фрегат «Элрод». Впрочем, зная ваш опыт и грамотность, уверен, что и этого вам будет вполне достаточно.

На Бенсона как ведро холодной воды вылили. От услышанного капитан «Кейп Рэя» оцепенел. И было от чего! Он еще не приступил к исполнению миссии, а его вместо спокойного Западного Средиземноморья зачем-то завернули в беспокойное Восточное. А теперь и вовсе отобрали самый мощный корабль охранения. И это на фоне того, что русские, совсем потеряв страх перед дядей Сэмом, нагло закидывают Сирию ракетами, а их шпион свободно разгуливает по его судну...

– Вы меня слышите? – вице-адмирал Фогго перегнулся через стол. – Кэптен Бенсон! Вы меня слышите?

Теперь Бенсону стала понятна и мрачность Китона. Одно дело – командовать тактической группой из двух кораблей и совсем иное дело – иметь под началом один фрегат и быть на нем «свадебным капитаном»...

– Да, сэр! Слышу, сэр! – вскинул Бенсон голову. – Мне все понятно! Разрешите идти?

– Ступайте, и да поможет вам Бог!

На выходе из адмиральского салона Бенсон разминутся с Уорреном. Тот быстро прошел мимо однокашника, как мимо пустого места, делая вид, что куда-то очень торопится. Бенсон с досадой посмотрел ему вслед. На рыжего Билли он нисколько не обижался – каждому своя рубашка ближе к телу. К тому же Уоррен позволил поплакаться в свою жилетку и дал неплохой совет. Как говорится, спасибо и на этом.

Ровно в 15.00 по Гринвичу «Кейп Рэй» в сопровождении фрегата «Элрод» покинул Джойя-Тауро. На фалах штабного «Маунт Уитни» взлетел флажный сигнал «Желаю счастливого плавания».

– Поднимите «Ясно вижу!» – приказал Бенсон.

В миле по левому траверзу дал ход и корабль сопровождения – фрегат «Элрод» под брейд-вымпелом кэптена Джека Китона.

Впереди была миссия, впереди была неизвестность...

18 АВГУСТА 2016 ГОДА.

НОВОРОССИЙСК. ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА

На этот раз доставить в Тартус предстояло несколько БТРов, артиллерийский и стрелковый боезапас. Погрузка еще не началась, когда на пирсе появилась группа гражданских лиц во главе с заместителем командира Новороссийской военно-морской базы по работе с личным составом капитаном 1-го ранга Балакиным. Вахтенный у трапа пять раз нажал на тангетку звонка, как и положено по статусу прибывшего. Шубин встретил главного воспитателя новороссийских моряков уже на верхней палубе. Представился, обменялись рукопожатием.

– Как обстоят дела на корабле, как настроение людей, есть ли проблемы, имеются ли просьбы? – поинтересовался высокий и худой Балакин, которого сутулость и очки делали похожим на жюль-верновского Паганеля.

Первая тирада была сказана Балакиным скороговоркой и тоном, подразумевавшим вполне конкретный и однозначный ответ, что все обстоит хорошо, а проблем и просьб не имеется. Шубин так и ответил.

– У меня к тебе, Владимир Михалыч, будет оно важное поручение, – перешел к делу Балакин.

– Весь во внимании!

– Ты слышал о недавней гибели Ту-154 с артистами военного ансамбля?

– Разумеется, – кивнул головой Шубин, абсолютно не понимая, какое отношение может иметь гибель самолета Минобороны в небе у Сочи к предполагавшемуся поручению.

– Так вот, – сделал многозначительную паузу капитан 1-го ранга, – расследование причин катастрофы еще продолжается, а потому доставка самолетами гражданских лиц в Сирию сокращена до минимума.

– Это мне понятно! – кивнул Шубин, краем глаза наблюдая, как вдалеке показалась колонна бронетехники, идущая на погрузку.

– Но личный состав, находящийся в Хмеймиме и в Тартусе, нуждается в положительных эмоциях, – продолжал воспитатель. – Улавливаешь суть?

Шубин с тоской глянул на Балакина, говорил бы уж скорее о своем поручении, а не тянул вола за хвост. Вот-вот начнется погрузка техники, и ему будет уже некогда выслушивать рассказы о чем-то постороннем. Наверное, нетерпение как-то отразилось на мимике Балакина, потому что он, неожиданно посуровев, сказал:

– Короче, возьмишь на борт шесть артистов ЦДРА и доставишь их в Тартус.

– Какого еще ЦДРА? – не понял Шубин, думавший сейчас совсем о другом.

Балакин сдвинул очки на нос и, глядя поверх их, медленно, по слогам произнес:

– ЦДРА – это Центральный дом Российской армии, теперь понятно?

– Теперь понятно, – кивнул Шубин, хотя так толком ничего и не понял, кроме того, что какую-то группу гражданских лиц, скорее всего, тех, что сейчас сиротливо стояли на корне причала¹, ему и предстоит доставить в Тартус.

Балакин махнул артистам рукой. Те, видимо, наблюдали за ним, потому что сразу двинулись вереницей к трапу, волоча за собой огромные чемоданы на колесиках. Шубин жестом показал вахтенному, чтобы пропустил гражданских на борт. Пока те поднимались, вызвал помощника.

Поднявшись на палубу, артисты с любопытством озирались по сторонам. Прибежал помощник.

– Вот что, – сказал ему Шубин. – Это наши гости, размести их по каютам.

Еще раз глянул на артистов, отметил, что среди них две женщины.

– И постарайся обеспечить женщинам максимальные удобства. Не забудь переписать паспортные данные, а после размещения пригласить в кают-компанию на вечерний чай.

– Понял. Есть, – ответил Марченко, и, уже обратившись к прибывшим: – Прошу за мной!

– Ты, Владимир Михалыч, уж их на столовое довольствие-то поставь, – вздохнул замкомандира базы. – Люди несут как-никак культуру в воинские массы.

Шубин кивнул. Зама по работе с личным составом можно было понять, так как вопрос с питанием действительно был щекотливым. Никаких документов о том, чтобы обеспечить артистов питанием, у него не было, а это значило, что кормить во время перехода их предстояло за счет экипажа. Израсходованные же судодачи никто кораблю не возместит. Однако Балакин знал, что Шубин – командир опытный, да и снабженец у него на своем месте, как-нибудь выкрутятся. Что касается Шубина, то формально он, конечно, мог бы встать в позу:

¹ Корень причала – узкопрофессиональный термин. Обозначает сооружение или конструкцию, к которой прилегают понтоны плавучего причала.

дайте продаттестаты или пусть хотя бы платят наличными, но так поступать на флоте было не принято. Гость на корабле для моряков такое же священное существо, как корова для индуса, а поэтому Балакин не слишком рисковал, хотя соблюдая негласное правило, и обрек указание в форму просьбы.

– Они и концерт тебе устроят, если захочешь! – добавил зам по воспитательной работе, чтобы окончательно расположить командира к навязанным пассажирам.

Шубин недоуменно посмотрел на собеседника:

– Нам бы выспаться по-человечески, а вы – концерт!

– Ну ладно, – сразу заторопился на берег Балакин. – Ты и сам во всем с усам, короче, разберешься! Удачи тебе, командир!

Балакин пожал Шубину руку и сбежал по трапу на пирс. Оттуда еще раз помахал рукой и быстро, уже не оглядываясь, скорым шагом двинул куда-то по своим воспитательным делам.

Рядом с «Костромой» уже притормозил крытый КамАЗ. Из кабины, шелестя накладными, выбрался старший лейтенант Бочаров.

– Товарищ командир! Вот, выбил для общества! – со значимостью заявил он.

...Вовик Бочаров обладал удивительным умением мгновенно обрести нужными связями в любом порту. Наверное, если бы баталера с «Костромы» запустили на Марс, он и там бы в два счета наладил коммерческие контакты с местной цивилизацией. Надо признать, что благодаря Бочарову на «Костроме» всегда кормили отменно, ломилась от запасов и рефкамера. Впрочем, разворотливый снабженец не забывал и о себе. Никто никогда не видел Бочарова без дела. Он всегда был чем-то озадачен, кому-то звонил, с кем-то встречался, решал чьи-то вопросы в зачет каких-то ответных услуг. Когда БДК впервые прибыл в Новороссийск для участия в «экспрессе», он тут же организовал отправку пищевых отходов (не только с «Костромы» но и с других кораблей) местному фермеру. Тот же по осени забивал для экипажей несколько подросших бычков.

Шубина предпринимательские авантюры Бочарова поначалу раздражали, но со временем он к ним привык, тем более что свои обязанности тот перевыполнял.

– Вот доберется до тебя прокуратура! – лишь иногда ворчал он на начальника службы снабжения, когда тот с жаром рассказывал о новых грандиозных планах.

– Да вы что! Никаких проблем у меня быть не может! – смеялся Бочаров, выкладывая все свои пять телефонов. – Толик – мой лучший кореш! Хотите, я ему сейчас позвоню, и он приедет?

– Только этого не хватало! – отмахивался Шубин, понимая, что упомянутый Толик – это как минимум прокурор Новороссийской базы, а то и всего города.

– Удивляюсь я тебе, – говорил Шубин Бочарову в минуты хорошего настроения. – Что ты вообще делаешь у нас на «Костроме»? Тебе бы во всероссийском масштабе дела крутить, а ты у нас прозябаешь!

– Тут вы не правы, товарищ командир! – хитро улыбался в ответ Бочаров. – Дела свои я и так, придет время, прокручу, но на флоте мне интересно, к тому же я, как и вы, люблю море.

Против последнего аргумента у Шубина доводов уже не находилось.

Перед отходом из Севастополя в Новороссийск Бочаров сумел вытрясти из тыловиков все, что только можно.

– Это шоколад, да не какой-нибудь отстойный молочный, а настоящий – горький, фабрики «Рот Фронт», – с гордостью докладывал он Шубину результат проделанной работы. – А вот натуральный кофе, вот соки, а там, в коробках, сервелат и тушенка!

– Молодец, Владимир Николаевич! – отдал должное расторопности баталера Шубин.

– Ох, и непросто было все достать! Ох, и непросто! – набивал себе цену начальник службы снабжения. – Но нет таких крепостей, которые бы не взял старший лейтенант Бочаров!

В Новороссийске помощник по снабжению тоже даром времени не терял и пригнал к причалу машину со свежим, еще горячим хлебом.

– Товарищ командир, оперативный дал «добро» перейти к месту погрузки техники! – доложили с ГКП.

Артистов разместили в свободных каютах на второй палубе. Старпом поставил прибывших на котловое довольствие, провел инструктаж по соблюдению корабельных правил и технике безопасности.

– Оружия и наркотиков, надеюсь, у вас с собой нет? – полушутливо спросил Марченко, когда артисты поставили свои фамилии под документами.

На что неожиданно услышал:

– У меня есть оружие!

К Марченко протиснулась молоденькая певица. Старпом с удивлением воззрился на нее:

– Что у вас, мадемуазель, наркотики?

– У меня шашка и кинжал! – опустив глаза, доложила певица.

– Нехило! – невольно вырвалось у старпома.

– Это для выступления! – немедленно пришел на выручку девушке высокий плотный мужчина в ковбойской рубашке. – У Татьяны просто номер с казачьими песнями!

– Значит, оружие бутафорское! – удовлетворенно кивнул Марченко.

– Нет, настоящее! – почему-то с обидой в голосе ответила певица.

«Ковбой» осуждающе посмотрел на молодую певицу. Мол, и чего ты со своей правдой лезешь, людям и себе проблемы создаешь.

– Откуда у вас настоящее оружие? – посуровел старпом.

– Понимаете, шашка и кинжал принадлежали моему прапрапрадеду. Он с ними на турецкую войну ходил. Потом они перешли от него по наследству к прапрадеду, а потом...

– Линию вашего наследования я уже понял, – хмыкнул Марченко. – Меня интересует, почему пронесли оружие на борт?

– Дело в том, что я всегда раньше ездила с бутафорским оружием, но тогда иначе было нельзя, так как мы везде летаем самолетами. А сейчас поехали поездом, а теперь вот, морем. Никто поэтому нас особенно не проверял. Вот я и решила поехать со своей родовой шашкой и кинжалом. Сколько можно им дома на ковре висеть! Да и выступать мне с ними приятнее, я словно перед своими дедушками выступаю. Вы меня простите?

Непосредственность и искренность девушки впечатлили Марченко. Стараясь сохранять серьезность, он строго взглянул на растерянно хлопавшую глазами певицу:

– На первый раз я вас прощаю и на корабле оставляю, но в следующий...

И погрозил пальцем.

Погрузка прошла быстро. В твиндеке технику раскрепили цепями. После чего старший помощник с боцманом лично проверили надежность крепления. Через два дня «Кострома» вышла в море, взяв привычный курс на Босфор.

Когда корма ушла от причала метров на двадцать, старший лейтенант Бочаров, перекрестившись, швырнул в воду несколько монет.

– Зачем это? – сразу обступили начальника службы снабжения артисты.

– На удачу! – лаконично ответил тот.

Артисты начали лихорадочно шарить по карманам. Певец Панфилов, первым найдя монетку, спросил:

– Можно и нам бросить?

– Вам ни к чему, – важно ответил Бочаров. – Нептун от сухопутных мзду не берет!

**21 АВГУСТА 2016 ГОДА. ЧЕРНОЕ МОРЕ.
БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»**

Когда берег остался позади, Шубин объявил боевую готовность № 2 и, оставив в ходовой рубке старшего помощника, спустился в кают-компанию. Там допивал чай артиллерист Витюков. За столом вольготно разместились артисты, неторопливо угощаясь чаем с печеньем и обмениваясь впечатлениями о прожитом дне. Увидев вошедшего, они разом прекратили разговоры, повернув в его сторону головы.

– Приятного аппетита!

– Спасибо! – дружно, как пионеры, ответили гости.

Командирское кресло было свободно. «Интересно, – подумал Шубин, – это они сами сообразили или кто подсказал!» Он глянул на Витюкова. Тот, поняв немой вопрос, улыбнулся в ответ. Все понятно, артиллерист уже провел нужный инструктаж, что не так уж и плохо. По крайней мере, азы поведения в корабельной кают-компании гости уже освоили.

Шубин устало упал в кресло. Подошедший вестовой поставил перед ним стакан крепкого обжигающего чая.

Витюков медленно допил свой стакан и нехотя поднялся, всем своим видом показывая, как ему не хочется покидать компанию интересных людей.

– Приятного всем аппетита! – уныло пожелал он и, взяв висевшую на вешалке пилотку, удалился.

– Ну, давайте знакомиться, товарищи артисты! – сказал Шубин, оглядев присутствующих. – Я командир большого десантного корабля капитан 2-го ранга Шубин Владимир Михайлович!

– Администратор группы и поэт Ян Березкин! – представился первым диссидентского вида очкарик с гривой ниспадающих до плеч черных волос.

Шубин кивнул головой и перевел взгляд на следующего из сидящих. Это был упитанный здоровяк гвардейского роста с улыбочивым круглым лицом. Сквозь ворот расстегнутой рубашки с затейливой ковбойской вышивкой выглядывал край десантной тельняшки.

– Руководитель поездки полковник запаса Станислав Сивашев!

Шубин еще раз кивнул головой. Это хорошо, что у них начальником старый вояка, с таким легче договориться о правилах поведения на корабле. Да и со своих стружку при случае снимет.

Третий сидевший, с внешностью слегка постаревшего Ален Делона и осанкой аристократа, привстал с кресла:

– Руководитель ансамбля Вадим Панфилов!

– Получается, у вас одни руководители, кто же поет и танцует? – искренне удивился Шубин, даже перестав размешивать ложкой сахар.

Артисты дружно рассмеялись:

– Мы и руководим, и поем, и «яблочко» пляшем! – ответил Сивашев. – Ян, например, у нас поэт, композитор, конферансье и исполнитель в одном лице, Вадим – известный оперный певец, ну, а я бард.

– Тоже известный! – уточнили артисты.

– Элеонора Звездинская! – томно произнесла сидевшая напротив красивая фигуристая брюнетка с шикарными длинными волосами и влажными глазами. От ее откровенно оценивающего взгляда Шубину сразу стало как-то не по себе.

– Вы, наверное, певица? – торопливо спросил он, чтобы хоть что-то спросить.

– Я и певица, и композитор! – профессионально улыбнулась она, и большая, туго затянутая в бюстгальтер грудь эффектно приподнялась и опустилась.

– Элеонора у нас заслуженная артистка России, лауреат многочисленных всероссийских и международных песенных конкурсов! – подал голос кто-то из гостей.

Кто именно, Шубин не разглядел, так как, потрясенный прелестями певицы, невольно потупил глаза:

– Очень приятно!

Когда он снова рискнул взглянуть на Элеонору, она смело встретила его взгляд, явно довольная произведенным эффектом.

«Ни дать ни взять – роковая женщина», – первое, что пришло Шубину на ум.

Краем глаза он увидел, что остальные артисты понимающе улыбались. Видимо, Элеонора уже не раз так развлекалась, смущая таких, как он, бедолаг.

– Таня Пахомова! – привстала со своего кресла молоденькая худенькая девчонка с короткой стрижкой. – Я пою эстрадные и народные песни!

– А какие больше любите?

Таня улыбнулась:

– Больше всего люблю казачьи, так как сама казачка!

– Вы бы видели, как Татьяна крутит на сцене шашку, ну а поет – мертвый прослезится! – вставил свое слово поэт Ян Березкин.

– Вы из донских казаков? – спросил Шубин, хотя на самом деле ему было глубоко наплевать, с донских ли, с кубанских ли земель произошла казачка Таня.

Просто как гостеприимному хозяину ему надо было поддерживать разговор с гостями.

– Я из терских! – ответила Таня, явно довольная вопросом, и почти по-детски улыбнулась.

– Леша Зубарев! – представился последний из гостей – высокий, улыбочиво-застенчивый парень. – Звуковик!

– Кто-кто? – не понял Шубин.

– Звукорежиссер! – пояснил ему Березкин.

– Теперь понятно! – кивнул несколько сконфуженный своей серостью Шубин.

– Разрешите вас спросить, товарищ капитан, – навалилась на столешницу грудью певица Элеонора. – Как долго мы будем плыть до берега, и не будет ли в море бури?

Она профессионально вскинула голову, и водопад ее вороньих волос эффектно разлетелся по плечам певицы.

– Не плыть, а идти! – тут же поправил ее Березкин, но Элеонора даже ухом не повела в его сторону, гипнотизируя Шубина.

– Штормовой погоды синоптики не обещают, а управиться должны суток за трое, – пролепетал Шубин, стараясь не смотреть в декольте искусительницы.

– А рояля у вас, случайно, нет, – снова спросила певица. – Мне надо ежедневно распеваться, иначе сядет голос.

– Рояля нет, но вон в углу пианино, воспользуйтесь им.

– Уже глянула, – скривилась певица, – Кстати, оно у вас сильно расстроено. Вернетесь, обязательно вызовите хорошего настройщика. Как можно вообще плавать с таким пианино!

– Непременно вызову! Спасибо, что подсказали! – согласился Шубин, невольно подумав: и как это, в самом деле, он до сего дня плавал с расстроенным пианино.

– Эллина, хватит приставать к командиру с дурацкими вопросами! – осек Звездинскую полковник Станислав.

– А что я! – сразу надула губки Элеонора. – Я только о рояле и спросила!

– Извините, но мне пора службу служить! Приятно было познакомиться! – поднялся из-за стола Шубин. – Две просьбы: на верхнюю палубу в темное время не выходить и в каютах не курить. Спокойной ночи!

Допив чай, артисты потянулись на выход из кают-компании. И тут неожиданно перед Элеонорой возник доктор Рустем Еналеев.

– Извините, мадемуазель, – сказал он, стараясь быть максимально галантным. – Я корабельный врач и хотел бы ознакомиться с вашей медкнижкой!

– Это еще что такое? – подняла бровь Элеонора.

– Еще раз прошу извинения, но таков порядок на военном корабле. Каждый прибывший на борт должен передать мне свою медкнижку на ознакомление. А вдруг у вас хроническое заболевание, вдруг начнется обострение!

– Нет у меня никакой медкнижки! – с вызовом ответила Элеонора и двинулась мимо Рустема.

Но не тут-то было. Опытный мачо только начал игру и отступать не собирался. Рустем решительно заступил певице дорогу:

– Мадемуазель! В противном случае буду вынужден отправить вас в изолятор, т. к. вы являетесь потенциальным носителем опасности для экипажа!

– Я буду жаловаться вашему капитану!

– Он ничего не может мне приказать, ибо только я отвечаю за здоровье находящихся на борту корабля людей.

Элеонора наконец-то впервые подняла глаза и оценила доктора, к своему удивлению, обнаружив мужчину, который вполне мог бы сыграть рокового красавца в любом из телесериалов. Сморгнув носик, она уже более примирительно произнесла:

– А как же все остальные?

– Дойдет очередь и до них!

– Что же мне делать?

– Для начала я должен вас осмотреть!

– Это как? – вскинула уже обе бровки Элеонора.

– Углубленно!

При этом Рустем одарил собеседницу своей фирменной улыбкой деревенского простака, но Элеонору не так-то просто было провести.

– Вы мне на что-то намекаете?

– Что вы, что вы! – изобразил смятение Рустем. – Только обследование, ну и... несколько рюмочек хорошего коньяка за наше романтическое знакомство.

– Я дрянь не пью! – ответила Элеонора, одновременно делая первый шаг в указанном ей направлении.

– У меня именно для вас припасена бутылочка старого доброго «Хеннесси».

– Вообще-то я предпочитаю «Мартель», – томно вздохнула Элеонора и, качнув бедрами, последовала за доктором в сторону лазарета.

...В ходовой рубке царил привычный сумрак, нарушаемый лишь мерцающим отблеском приборных подсветок. В углу рубки, впери́в лоб в стекло, стоял помощник, на руле, как всегда сосредоточенный, главстаршина Пошевелия. Сзади за шторкой в штурманской рубке склонился над картой, как всегда серьезный и сосредоточенный, штурман Наумов.

– Как обстановка? – спросил Шубин, усаживаясь поудобнее в командирское кресло.

– Все нормально, товарищ командир! Десять минут назад на 30 кабельтовых разошлись со встречным танкером.

– Добро!

К командиру подошел старпом.

– Как там наши артисты? Я, пока подсменялся, послушал их, такие смешные! – Марченко явно рассчитывал, что командир поделится своими впечатлениями, но просчитался, Шубин был к разговорам об артистах не расположен.

– Ты, Михаил Михайлович, лучше вахту бди, чем артисток обсуждать!

– Эх, и интересная же у людей жизнь, тут одни гастролы, там другие, в каждом городе тебе и поклонницы, и банкеты, а здесь один нескончаемый «экспресс» и никакой личной жизни! – вздохнул из темноты и замолк старший помощник.

– Товарищ командир, КП флота требует доклад! – доложили из радиорубки.

– Передайте: «Поход проходит нормально. Идем, согласно графику. Замечаний нет. Командир».

Попросил подняться в ходовую старшего сопровождающего груз.

– Прошу разрешения! – в рубку поднялся невысокий худощавый человек в камуфляже. – Прапорщик Чепижко, старшина десантно-штурмовой роты!

– Извините, что толком пока не было времени познакомиться, – пожал его крепкую жилистую руку Шубин. – Погрузка и выход из базы всегда сопряжены с нервотрепкой. Меня зовут Владимир Михайлович!

– Да я все понимаю, не в первый раз! – улыбнулся прапорщик. – А я – Олег Васильевич!

– Если не возражаете, выпьем чайку с лимоном!

– Конечно! – улыбнулся Чепижко. – Мне торопиться некуда.

Прапорщик оказался много повидавшим и интересным собеседником. Свою службу Олег Чепижко начинал в Балтийске. Оттуда был отправлен на первую чеченскую, где был ранен при штурме Грозного. Потом Чепижко перевели в создаваемую в Махачкале бригаду морской пехоты Каспийской флотилии. В ее составе он отвоевал под Ведено вторую чеченскую, где снова был ранен. В 2014 году участвовал в блокаде украинских частей в Крыму, после чего был оставлен на Черноморском флоте для укрепления кадров присягнувшей России бригады береговой обороны. Сейчас Чепижко следовал в Тартус, чтобы сменить своего коллегу в батальоне охраны авиабазы Хмеймим, ну, и попутно сопровождал перевозимый груз.

Шубин с интересом приглядывался к награжденному тремя боевыми орденами морпеху. Олег был невысок и даже несколько шупл на вид, но жилист и подвижен, как ртуть. При этом он был вояка в полном смысле этого слова, уверенный в себе и немногословный. Когда за вечерним чаем в кают-компании зашел разговор о том, какое у кого хобби, Шубин поинтересовался, а какое хобби у прапорщика морской пехоты.

– А я по выходным беру жену и хожу в горы. Стараюсь каждый раз выбирать новые маршруты.

– Крымские горы действительно красивые, да и для здоровья полезно! – закатил глаза романтичный Витюков.

Чепижко выдержал паузу:

– Я служу в Крыму и обязан знать особенности местности на случай начала боевых действий.

– Как говорил Наполеон, если вы попали в незнакомый город и у вас есть свободное время, то изучайте его. Как знать, может быть, вам когда-нибудь придется брать его штурмом!

– Наполеон был мужиком с понятием! – согласился Чепижко.

Шубин был в душе потрясен – лазить по собственной инициативе по выходным в горах с женой, чтобы изучать их на случай возможной войны! Это не просто профессионализм, это профессионализм в кубе!

Давно был выпит чай, а командир корабля и старшина морпехов все беседовали. Говорили о жизни, о детях, о бане и обо всем, о чем обычно говорят между собой мужчины, когда между ними появляется симпатия.

Расталкивая тупым форштевнем волны, «Кострома» шла 12-узловым ходом по так знакомому ей маршруту.

1989 ГОД. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

ВЫСШЕЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ М.В. ФРУНЗЕ

Самым большим удовольствием в курсантской жизни является конечно же увольнение. К нему готовятся всегда особенно тщательно. Ротными утюгами гладят брюки, чистят асидолом латунные бляхи. В увольнениях Вовка обычно гулял с однокурсниками по городу, ходил в кино, иногда по музеям и в театры. Несколько раз знакомился с девушками, но все как-

то неудачно. Иногда увольнение он проводил вместе с братьями. Если говорить честно, то у Ахмеда с Махмудом всегда карманы были полны денег, которые им непрерывно слал отец, и в увольнениях братья могли позволить себе не только покупать сладости, но и шиковать на полную катушку. Особенно любил повеселиться Ахмед, которому его же арабы-сокурсники дали довольно странную кличку Ахмед-оторви-ухо. Что касается Махмуда, то его прозвали Самакой, что в переводе с арабского значит – рыба. Тут для Шубина все было ясно. Махмуд отлично плавал, участвовал в первенстве военно-морских училищ и даже сдал норматив в кандидаты мастера спорта. Самого Шубина братья арабы звали без особой фантазии Джахангиром, т. е. точным смысловым переводом его имени Владимир. Так они порой и гуляли в увольнении: Ахмед-оторви-ухо, Самака и Джахангир.

Между собой братья Шумани были очень похожи, и надо было привыкнуть к ним, чтобы по каким-то нюансам отличать. Для Шубина такими «маркерами» стала привычка Махмуда держать руки заложенными за спину и привычка Ахмеда тереть рукой мочку левого уха, за что тот, собственно, и получил свое прозвище. Были, конечно, и другие отличия. Махмуд, как пловец, был пошире в плечах, а у Ахмеда имелась родинка на шее.

При этом Махмуд отличался рассудительностью и неторопливостью, Ахмед же, наоборот, был типичным холериком, любящим скорость и азарт. Несколько раз он спускал в питерских казино присланные отцом деньги, из-за чего братья скандалили.

Как и все близнецы, братья Шумани любили разыгрывать не только товарищей, но и преподавателей. Экзамены на сессии они делили поровну, а затем каждый заходил на экзамен дважды: вначале за себя, а потом за брата. Но Шубин близнецов практически никогда не путал, за что братья его уважали особо.

...А затем на третьем курсе к Вовке пришла первая любовь. С Мариной, студенткой иняза, он познакомился на училищных танцах в зале Революции. В огромном зале с хрустальными люстрами гремела музыка курсантского ансамбля «Норд и Садко». Марина стояла сзади своих подруг, и ее почти не было видно. Но у Шубина глаз всегда был алмаз, и он сразу оценил изящную фигурку милой смешливой блондинки. Но сразу пригласить не получилось, «садковцы» зарядили подряд несколько быстрых танцев, которые Марина протанцевала в общем кругу с подружками. Только после этого у Шубина получилось пригласить девушку. Так как это был последний танец, а в кармане у Вовки имелась увольнительная, он проводил Марину домой. Провожая, выпросил телефон, и в следующую субботу они уже опять встретились.

Спустя некоторое время Марина познакомилась с родителями. Вовка им сразу понравился, и они откровенно радовались роману дочери с курсантом. Маринина семья жила небогато, и родители дотошно расспрашивали Вовку о его отце-адмирале, о машине и собственном доме в Подмосковье. Дотошность родителей Марины относительно уровня благосостояния Вовкиной семьи ему не очень нравилась, но Вовка старался на это особого внимания не обращать. Вовка сочинял Марине любовные стихи, которые потом читал ей. Марине стихи нравились, и за это она разрешала себя целовать. Марина училась на третьем курсе педагогического университета, и Вовка уже потихоньку мечтал, как они в один год закончат свои вузы и вместе уедут к его месту службы.

Все складывалось как нельзя лучше, но затем вдруг резко пошло наперекосяк. Неприятности начались с того, что в одно из увольнений Вовка, по простоте душевной, взял с собой на встречу с Мариной братьев. Дело в том, что братья попросили Вовку познакомить их с хорошими девушками, Вовка передал эту просьбу Марине, и та пообещала привести с собой двух симпатичных подружек. Но с подружками у нее как-то не срослось, и вечер они провели вчетвером. Чтобы не бродить по дождливым питерским улицам, братья пригласили Вовку с Мариной в дорогой ресторан, где начали буквально сорить деньгами, заказывая самые дорогие блюда и выпивку. Ахмед, как всегда, хохмил и без умолку болтал, а молчаливый Махмуд завороченно смотрел на смеющуюся ахмедовским остроумам Марину.

А спустя некоторое время Вовка почувствовал, что Марина уже не слишком рада их встречам, выдумывая все новые причины для отказа от них. Ничего не понимающий Шубин терзался догадками, писал и рвал душещипательные письма, почти забросил учебу. Все открылось при очередном увольнении, когда спешащий с букетом цветов в руках Вовка столкнулся у подъезда с Мариной, обнимающейся с Махмудом. Увидев Шубина, Махмуд стусевался, зато Марина как ни в чем не бывало рассмеялась Вовке в лицо, попросив больше не беспокоить ее своими визитами и звонками.

В тот день Вовка впервые напился в рюмочной неподалеку от училища. Наверное, все закончилось бы для него тогда очень печально, но, на счастье, шатающегося курсанта узрели сокурсники, которые и организовали доставку тела в роту, минуя дежурно-вахтенную службу училища.

С этого дня Шубин прекратил все отношения с вероломным Махмудом. При случайных встречах в коридорах училища тот тоже чувствовал себя неловко, молча кивал и отводил глаза. Что касается Ахмеда, то он сразу же заявил Вовке, что осуждает брата, так как тот, отбив девушку у друга, поступил нечестно. О Марине Ахмед отзывался не слишком уважительно: мол, она просто очень практичная, поэтому позарилась на большие деньги их семьи и не более того. Так или иначе, но Вовка еще долго не мог прийти в себя от происшедшего. До конца учебы у него было еще несколько не очень серьезных романов, но жениться он так и не решился и ушел на флот холостяком.

Что касается Марины, то незадолго до выпуска братьев она вышла замуж за Махмуда и вместе с ним уехала в Сирию. Кто-то говорил, что она приняла сирийское гражданство и даже ислам, кто-то – что практичная Марина так и осталась гражданкой России. Вовку эти слухи уже мало интересовали, неудачная первая влюбленность осталась давно позади, и лейтенант Шубин жил совсем другими интересами и заботами.

Уже многим позднее от отца, который иногда переэзванивался с Мустафой Шумани, он узнал, что братья благодаря отцовским связям получили хорошие назначения: Ахмед – в штаб ВМС Сирии, а Махмуд – на ракетный катер, что у Махмуда и Марины родился сын, а Ахмед женился на местной девушке. К этим новостям он тоже отнесся совершенно равнодушно, так как они были из другого, очень далекого от него мира.

Попав в «сирийский экспресс» и бывая в Тартусе, Шубин конечно же как-то вспомнил о братьях Шумани, с которыми когда-то курсантом свела его судьба, и не преминул навести о них справки. Фамилия Шумани была в сирийском флоте известной, братьев многие знали, но выведать о них что-то конкретное удалось немного. В принципе об обоих бывшие сослуживцы отзывались положительно. И Ахмед, и Махмуд служили вполне достойно, своими связями и деньгами не кичились. А незадолго до первых антиправительственных демонстраций 2011 года братья неожиданно для всех с флота уволились, несмотря на то что карьера у них шла в гору. Оба к этому времени уже стали капитанами 1-го ранга, Ахмед командовал флотилией ракетных катеров, а Махмуд являлся командиром военно-морской базы Банияс. От адмиральских погон братьев отделял всего один шаг. Несмотря на это, оба одновременно подали рапорты об отставке и тотчас уехали к отцу в Дамаск. Возможно, что Мустафа Шумани решил в начинающееся беспокойное время привлечь сыновей к спасению семейного бизнеса. Рассказали Шубину и о том, что Ахмед перед своим увольнением сильно проигрался в казино, причем спустил не только семейные, но и казенные деньги. После этого был большой скандал, и его отец возмещал государству понесенные убытки. Рассказали и о ходивших позднее слухах, что в семье Шумани якобы вскоре произошла большая трагедия – неизвестные зарезали отца и обоих братьев, причем тела всех были так изуродованы, что их едва опознали. Тогда же куда-то исчезли и все немалые капиталы клана Шумани. Что стало с семьями Ахмеда и Махмуда, также никто ничего конкретного сказать Шубину не мог. Да это и немудрено, кому какое дело до сбежавших с флота братьев в кровавой круговерти гражданской войны!

23 АВГУСТА 2016 ГОДА. ПРОЛИВЫ БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Английский Шубин знал неплохо, но, разумеется, исключительно разговорный. Когда-то отец, прослуживший немало лет за границей, популярно разъяснил ему все преимущества разговаривающего офицера от «немого». Поэтому все переговоры с турками, да и с сирийцами он обычно вел сам.

На подходе к Босфору, как обычно, сыграли тревогу – к прохождению узкости. На ГКП сразу стало многолюдно. Собрались все, кому это положено по должностным обязанностям. За 20 миль до входа в пролив Шубин на международной частоте вышел на связь с турецкой службой наблюдения:

– Туркили трафик контрол, туркили трафик контрол, ай эм раша неви шип «Кострома»...

На той же частоте турки ответили, что дают разрешение следовать дальше. В десяти милях от Босфора снова выход на связь:

– Туркили трафик контрол, туркили трафик контрол, ай эм раша неви шип «Кострома»...

Снова «добро» от турок на вход. За пять миль и за две мили еще два выхода в эфир за подтверждением разрешения.

Вообще-то, согласно лоции Мраморного моря и проливов Босфор с Дарданеллами, турки настоятельно рекомендуют всем судоводителям брать лоцмана. Но российские боевые корабли, как и ранее советские, всегда обходятся без присутствия чужих людей на своем борту. Для этого хватает и опыта, и квалификации. Турецких лоцманов на нашем флоте не без оснований зовут «таксистами», т. к. те стремятся как можно быстрее провести побольше судов и больше заработать, порой совершенно не заботясь о соблюдении правил безопасности.

Впереди по курсу «Костромы» нарисовался огромный южнокорейский танкер «Янкунали» и небольшой рыбац. Застопорив ход, танкер принимал лоцмана.

Следуя в кильватер «Янкунали», «Кострома» медленно втягивается в пролив. Погода была все еще свежая. В лицо дул сильный порывистый ветер, вкуче с сильным течением, создававшим дополнительные трудности.

Пока все шло штатно. Танкер далеко оторвался вперед. Местный рыбац свернул куда-то в сторону. Обстановка привычная. И все же, памятуя о провокации, происшедшей в предыдущий раз, Шубин был максимально собран и готов к любым неожиданностям.

– Пять минут до точки поворота! – высунулся из штурманской выгородки Наумов.

На ГКП царил сдержанная деловая обстановка. Четкие команды чередовались с четкими докладами об исполнении. Поворачивая на новый курс, «Кострома» предупредила об этом всех двумя короткими сигналами тифона. Голос у БДК был на редкость солидный и басовитый.

«Кострома»! «Кострома»! – вдруг взорвался эфир чужим голосом с иностранным акцентом.

Шубин немедленно запросил по-английски, в чем дело. Голос просил немедленно сбавить ход «до самого малого».

– В чем, собственно, дело? – сразу напрягся Шубин.

В ответ понесся лепет, что «биг-биг танкер» следует параллельным курсом по левому борту и желает обогнать БДК. Сзади действительно приближалась туша нефтеналивного судна. Именно оттуда и вещал турецкий лоцман, страстно желая получить премию за быструю проводку. При этом лоцмана несколько не смущало, что и капитан танкера, и он грубейшим образом нарушают МППСС. Обгонять другие суда в узкостях пролива категорически запрещено.

Для «Костромы» уменьшение хода грозило обернуться из-за волн, ветра и стремительного течения серьезными проблемами. Но на танкере это никого не интересовало.

– Немедленно отверните вправо! – кричал лоцман. – Почему вы не исполняете моих указаний?

– Неужели снова провокация? – с тревогой посмотрел на Шубина старший помощник.

– Скорее просто жажда наживы и хамство! – ответил Шубин и взял микрофон переговорного устройства. – Я руководствуюсь международными правилами предупреждения столкновения судов в море от 1972 года. Прошу не создавать мне помехи!

При этом на всякий случай, кто знает, что у этих лихачей на уме, он приказал увеличить ход. Танкер вначале несколько приотстал, но на очередном «загибе» пролива снова рванул на обгон, теперь уже по правому борту. Во второй раз начиналось опасное сближение.

Шубин схватил микрофон и уже, не стесняясь в выражениях, популярно объяснил турецкому лоцману, а заодно и заморскому капитану, что думает о них и всей их родне. После этого танкер сразу резко сбавил ход и отстал.

– Вечно вы, русские, всем мешаете! – донеслось напоследок с танкера на ломаном английском.

– Таксист недоделанный! – сплюнул в сердцах Марченко.

Вообще-то во время прохождения Босфора выход на верхнюю палубу всем непосредственно незанятым службой запрещен. Но Шубин сделал для артистов исключение. Все же они московские гости – пусть полюбуются на исторические места. И вот теперь Станислав Сивашев, стоя у леерной стойки, с грустью смотрел на проплывавшие мимо него кварталы Галаты:

– Помните, как у Есенина:

Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нем...

Сивашев тяжело вздохнул:

– Теперь я побывал на Босфоре и уже точно знаю, что я – не Есенин!

– Да уж, – переглянулись между собой Таня Пахомова и Элеонора, после чего обе прыснули со смеха.

– Эх вы, дуры бестолковые! – махнул на них отставной полковник. – Не дано понять вам мужской печали:

Корабли плывут
В Константинополь.
Поезда уходят на Москву.
От людского шума ль
Иль от скопа ль
Каждый день я чувствую тоску...

Он развернулся и гордо удалился в свою каюту.

Певицы же еще долго рассматривали стамбульские набережные, оживленно беседуя о местных рынках, ценах на шубы и тайнах султанских гаремов.

На южной границе пролива Босфор Шубин, как это было принято, поблагодарил за заботу турецкую службу наблюдения и передал на станцию слежения и оповещения «Истамбул трафик контрол» об опасных маневрах лоцмана на идущем сзади танкере.

– Ай эм сори, – добавил командир к сказанному, соблюдая морской этикет.

С «Исамбуд трафик контрол» после некоторой паузы ответили, что сообщение запроотолировано и в отношении нерадивого лоцмана будут приняты меры, а заодно пожелали успешного плавания.

– Пересекли границу Мраморного моря! – сообщил веселым голосом штурман.

Наумова понять было можно, самое тяжелое для него осталось уже позади.

Шубин снова взял микрофон:

– Благодарю за безупречную работу личный состав штурманской и электромеханической боевых частей и боевую часть связи. Командир.

Ближе к вечеру зам Матюшкин выступил с информацией по политическим событиям. На этот раз Алексей Ильич был в игривом настроении, поэтому в конце своей речи вместо обычного призыва к повышению бдительности, неожиданно объявил:

– А сейчас прослушайте важное объявление! Стройная зеленоглазая блондинка с параметрами 90–60—90 познакомится с моряком корабля «Кострома». Неумытых, не соблюдающих форму одежды просьба не беспокоить. Претендентов ждут на полуите в восемь часов вечера...

Незамысловатый прикол был встречен улыбками и смехом. Больше всех веселился сам автор.

– У нас в РВСН секс всегда длится ровно сто одну минуту! – просвещал вечером в кают-компании артиллериста Витюкова Стас Сивашев.

– Почему именно сто одну? – удивился такой точности Витюков.

– Сорок минут обычно уходит на уговоры, одна минута, собственно, на сам секс и еще шестьдесят, чтобы прийти в себя!

...Мраморное море встретило «Кострому» дождем. Корабль оставил слева гористые Принцевы острова и устремился к Дарданеллам. Быстро стемнело, но ощущения оторванности от цивилизации не возникало – близкий западный берег пылал в огнях турецких селений. На траверзе мыса Баба (есть и такой!) навигационная ситуация улучшилась – судов вокруг стало совсем немного.

Утром прошли хмурый остров Мармара и втянулись в Дарданеллы. Горы сдвинулись на корабль с двух сторон, но ширина пролива позволяла чувствовать себя куда более спокойно, чем в тесной толкотне Босфора. Но вот позади и Дарданеллы. Это все сразу почувствовали по большой волне. В Эгейском море волнение совсем не такое, как в Черном. Главное отличие – длина волн. Амплитуда, с которой начала раскачиваться «Кострома», стала продолжительнее по времени.

В кают-компании было неуютно и пусто, как обычно и бывает в свежую погоду. В шкафу отчаянно звякала посуда. За столом в одиночестве разделялся с обедом лишь заместитель по работе с личным составом Алексей Матюшкин. Да в гарсунке, скорчившись на стуле, страдал от качки вестовой. Неожиданно дверь в кают-компанию распахнулась, и в нее, подгоняемые корабельным креном, ввалились сразу несколько человек. Заместитель по работе с личным составом поднял глаза и обнаружил трех артистов: полковника Сивашева, певца Панфилова и поэта Березкина.

– Вас что, не укачало? – спросил с удивлением.

– Девчонки травят, а у нас аппетит просто зверский разыгрался! – бодро ответил певец Панфилов и, удачно рассчитав момент инерции корабля, бухнулся на свободный стул.

– Повышенный аппетит – это одна из особо тяжелых форм проявления морской болезни! – назидательно сказал Матюшкин, переходя ко второму блюду.

Вестовой в короткой пробежке поставил перед Панфиловым тарелку с борщом:

– Вы ее руками хватайте, а то все на себя выплесните!

Панфилов судорожно схватился двумя руками за тарелку:

– Она же горячая! А есть мне как?

Удерживать тарелку на самом деле было весьма непросто, несмотря на то, что бортики стола были подняты, а сам стол застелен мокрой скатертью.

– Уж кто как сумеет! – прищурился Матюшкин, лихо расправляясь ножом и вилкой со здоровенной котлетинкой. – Тут нужен талант не певца, а циркового жонглера.

– А что для вас, Алексей Ильич, шторм в философском понимании? – неожиданно обратился с вопросом к дожевывающему котлету Матюшкину поэт Березкин.

Тот на мгновение застыл с недоеденной котлетой на конце вилки.

– У вас есть коробок спичек?

– Да!

– Сожмите его в ладони и потрясите посильнее. Слышите, как гремит?

– Да!

– Так вот, спички – это мы с вами в шторм. Вот и вся философия.

– Объяснение исчерпывающее! – согласились артисты и дружно вступили в бой со своими тарелками.

Тяжело переваливаясь с борта на борт и разбрасывая вокруг пену и брызги, БДК упрямо доворачивал на новый курс. За кормой в ожидании камбузных отходов носились чайки. Не наши – турецкие.

24 АВГУСТА 2016 ГОДА. ТУРЦИЯ.

ГОРОД МЕРСИН

После разговора с Керим Рабахом Сейфуддин поспешил к месту базирования диверсионной группы. В качестве базы для окончательной подготовки операции был выбран город Мерсин, расположенный на юго-востоке Турции. Мерсин являлся крупным портовым городом, где легко было затеряться и бойцам Сейфуддина, и катерам. К тому же там имелось немало агентов ИГИЛ и просто сочувствующих, в том числе и в рядах органов безопасности, что гарантировало спокойную подготовку к операции. Тот факт, что Мерсин только делал первые шаги как курортный центр, тоже было на руку Сейфуддину. Это гарантировало, что в отелях, где предполагалось разместить участников операции, будет не слишком многолюдно, а значит, меньше любопытных. Ну, а самым главным было то, что Мерсин находился наиболее близко к точке будущей встречи «Кейп Рэя» и сопровождавших его кораблей с норвежским перевозчиком ОВ. Рассредоточенные по причалам Мерсина и нескольким близлежащим приморским деревушкам катера в условленное время должны были под разными «легендами» (рыбаки, катание туристов, дайвинг и т. п.) покинуть места своей дислокации и прибыть в определенную точку, находящуюся на маршруте перехода отряда американских кораблей.

Под видом туристов и приехавших наниматься на работу в порт члены отряда добирались до Мерсина небольшими группами по одному. Часть прилетала в ближайший аэропорт Шакирпаша, другие добирались поездами и автобусами. На месте их уже встречали местные законспирированные игольцы, развозившие по прибрежным отелям и городским квартирам. Особо пришлось заниматься с доставкой оружия и боеприпасов, где не обошлось без хорошего «бакшиша» местным полицейским, жандармам, а также сотрудникам MIT и KDKM.

Сам Сейфуддин, не привыкший себе в чем-то отказывать, расположился со своим телохранителем Али в пятизвездочном отеле «Мерсин-Хилтонс». Отель был расположен в самом центре города, что облегчало периодические встречи участников операции у мечети Мугдат (мобильным телефонам Сейфуддин не доверял), а также всего в нескольких километрах от порта, где стояли самые оберегаемые им шахид-катера.

Скоростные и маневренные шахид-катера имели полную длину 10 метров и были оснащены двумя подвесными моторами Ямаха L200A мощностью по 200 л.с., что позволяло их разгонять до 45 узлов. Штатная команда катера составляла четыре человека. Вообще-то катера были оснащены радиокомандной системой управления, основывающейся на использовании персонального компьютера, размещенного в специальном защищенном металлическом корпусе. Для управления и наведения катера предполагалось дополнительно использовать установленные видеокамеры, а также приемник GPS Garmin и компас-автопилот. Все это давало возможность осуществить двустороннюю передачу данных по радиолинии с размещенным на

флагманском катере пультом управления. Непосредственное управление осуществлялось сервоприводами с тягами, подключенными к стандартным органам управления и штурвалу на приборной доске катера. В качестве боевой части на шахид-катерах были установлены боевые части старых американских противокорабельных ракет, снаряженные «морской смесью». Непосредственно система подрыва боевой части состояла из четырех стальных стержней с пружинами в носовой части катеров. Два стержня были направлены вперед и два по бортам. При сминании стержни воздействовали на кнопочные выключатели, передававшие ток на вставленные в боевые части импровизированные детонаторы с двумя кусками пластиковой взрывчатки. Но Сейфуддин не доверял до конца радиоуправлению, ведь в бою может случиться всякое. Поэтому помимо радиокомандной системы управления на каждом из катеров должен был находиться и смертник, который в случае нештатной ситуации должен был взять управление на себя и выполнить задачу подрыва.

Изначально предполагали подготовить три шахид-катера, названные по первым буквам арабского алфавита: «Алиф», «Ба» и «Та». Однако с третьим катером возникли проблемы. Он был арестован турецкими властями. Сейфуддин нервничал. Он уже знал, что «Кейп Рэй» должны охранять два американских корабля. Для подрыва каждого вполне хватало и одного катера, но третий был резервным. Никто не мог дать гарантии, что во время атаки катера не будут обстреляны. Поэтому третий катер значительно повышал шансы на успех операции. Теперь же катер «Та» был потерян, и приходилось рассчитывать лишь на оставшиеся «Алиф» и «Ба», так как за оставшееся время организовать закупку и оборудование нового шахид-катера уже не представлялось возможным. Кроме шахид-катеров был закуплен и десяток обычных скоростных катеров для доставки участников операции к «Кейп Рэю». Катера тщательно готовились, их оснастили всем необходимым и уже начали загружать оружием. Для удобства остальные катера Сейфуддин назвал числительными – «Этмин» (второй), «Талаят» (третий) и т. д. Флагманский катер он назвал «Вахед», т. е. первый.

Как ни странно, самым сложным для Сейфуддина оказалось заставить «котиков» изображать из себя разгульных туристов или забитых жизнью рабочих по найму, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Привыкшие к аскезе и строгому соблюдению правил ислама, «котики» первые дни с нескрываемым отвращением хлебали виски и с ужасом в глазах раздевались до плавок на пляжах своих отелей (все это им приказано было делать, чтобы опять же не привлекать к себе внимания). Но буквально через несколько дней большинство из них вошло во вкус, и теперь помощникам Сейфуддина приходилось уже чуть ли не силой оттаскивать вошедших в роль «туристов» от стойки бара. Самому Сейфуддину тоже пришлось питаться американской пищей, от которой тошнило. Ладно, но, когда все будет кончено, он позволит себе расслабиться и от души посидеть с соратниками за целиком приготовленным барашком-дхабиихом и полакомиться его жирным хвостом.

В последние дни перед операцией Сейфуддин заставлял подчиненных наизусть учить устройство «Кейп Рэя», все остальное было уже отработано до автоматизма. Для этого он вызывал по очереди боевиков к себе в отель и заставлял, в который уже раз, отвечать на вопросы об устройстве судна.

– Расскажи, брат, о внешнем виде «Кейп Рэя»? – говорил он, полулежа в шезлонге на лоджии,

– В носовой части судна располагается большая носовая надстройка, там размещаются экипаж и специалисты. Позади надстройки по бортам закреплены два спасательных катера. Палуба покрыта сплошным настилом, под которым стоят гидролизные установки. Сплошная палуба имеет два предназначения. Во-первых, служит защитой от быстрого распространения отравляющих веществ в случае аварии, во-вторых, является идеальной посадочной полосой для вертолетов. В носовой части по бортам располагаются две трубы. Корма с опускающейся аппарелью служит для быстрой загрузки и выгрузки грузов.

– Неплохо! А теперь подробно расскажи мне о расположении служебных помещений и кают в носовой надстройке! Начинай с первой жилой палубы, – потягивался в шезлонге амир аль-бахр.

Еще большей проблемой были три женщины-шахидки. О, если бы на них была возложена только роль смертниц, то тогда бы Сейфуддину не было печали. Но женщины должны были пока играть роль светских дам, отдыхающих на курорте. Самой большой трудностью было заставить их раздеться и облачиться в летние платья и в таком виде появляться на пляже. После нескольких попыток заставить их надеть европейскую одежду Сейфуддин отказался от этой затеи. Это несколько не вписывалось в план операции, но что поделать, другого выхода не было. Впрочем, старшая из женщин – Марьям – убедила Сейфуддина, что в нужный момент, если так будет надо, то все женщины как одна облачатся даже... в купальники-бикини.

Когда все было готово к проведению операции, Сейфуддин доложил об этом Керим Рабаху. В ответ последовала команда – ждать. В томительном ожидании прошло больше недели. Наконец, на связь вышел Керим Рабах и условленным шифром сообщил, что американские корабли во главе с «Кейп Рэм» уже в пути и в расчетной точке должны быть в определенный промежуток времени. Сейфуддину надлежало загодя выйти со всей флотилией в море и занять позицию в точке маршрута, а с обнаружением американцев немедленно их атаковать. Керим Рабах сообщил и очень важную, а главное, хорошую для Сейфуддина новость: прикрытие «Кейп Рэя» будут осуществлять не два корабля ВМС США, как планировалось ранее, а всего один, причем не эсминец УРО, а всего лишь фрегат, что значительно облегчало проведение операции.

И вот настал решающий день. Рабах позвонил напрямую по телефону и сказал кратко:

– Время пришло! Дервиш приехал!

Потом, помолчав, добавил:

– Желаю не возвращения, а добычи!

... Командиры катеров шифром докладывали Сейфуддину о выходе в море. Благополучно покинули порт и «Алеф» с «Ба». Сейфуддин быстро домчал на машине до порта, где у дальнего причала уже ждал готовый к отходу флагманский катер.

– Вперед! – махнул рукой Сейфуддин и добавил традиционное: – Аллах акбар!

Командир катера Саид дал полный ход, и катер, взметая клочья пены, устремился в открытое море. Вот вдали осталась торговая гавань, вот в стороне промелькнули старинные зубцы замка Кызкалеси. Теперь впереди было только море. Сейфуддин стоял во весь рост, несмотря на то что его обдавало брызгами. Впереди его ждала великая и решающая битва за существование халифата, впереди ждали всемирная слава и бессмертие...

24 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Утром заместитель командира по работе с личным составом Алексей Матюшкин собрал артистов в кают-компанию.

– Будем вас посвящать в моряки! – сказал с металлом в голосе. – Прошу всех проникнуться важностью момента!

Артисты, выстроившись в шеренгу, кивали головами в знак того, что уже прониклись.

Сверив стоявших перед ним со своим списком, Матюшкин поднял глаза:

– Непорядок. Одной нет!

– Отсутствует заслуженная артистка России Звездинская! – четко доложил заместитель бард Сивашев.

– Почему отсутствует? – удивился Алексей Ильич. – Причина?

– Звездинская доложила, что ее в моряки уже посвятили! – разъяснил поэт Березкин.

– Это кто же посмел посвящать, минуя зама! – нахмурился Матюшкин.

– Алексей Ильич, ее доктор с Новороссийска в моряки посвящает! – проинформировал огорченного заместителя всезнающий начальник службы снабжения Бочаров. – Фельдшер уже трое суток, как ко мне в каюту из лазарета перебрался. Давайте уже начинать без нее.

Матюшкин удрученно мотнул головой, понимая, что вырвать певицу из докторских лап ему вряд ли удастся. Бочаров тем временем поставил на баночку лагун с морской водой и передал Матюшкину объемистый плафон. Матюшкин зачерпнул полный плафон воды и протянул стоявшему напротив его баритону Панфилову. Тот с ужасом глянул на плафон, потом на Матюшкина, потом снова на плафон, глубоко вздохнул, после чего безотрывно осушил литр морской воды. Матюшкин с Бочаровым понимающе переглянулись – наш кадр!

Затем к наполняемому плафону по очереди приложились остальные служители военной культуры. Проявив снисхождение, зам по работе с личным составом налил певице Пахомовой всего лишь половину, но та проявила характер:

– Мне до краев, как и всем!

Выпив, Татьяна перевернула плафон отверстием вниз, продемонстрировав его опустошенность, чем сорвала аплодисменты.

– Эх, любо-дорого! – сказала она. – Хороша морская водица!

– Так это ж мы пошли вам навстречу, – тут же принялся разъяснять ситуацию неугомонный Бочаров – Дело в том, что в Средиземном море вода намного солоней, а стало быть, и намного противней. Поэтому мы и решили поить вас черноморской. Причем воду я вам налил самую чистейшую, из пожарного гидранта, чтобы легче усвоилось!

– Бочаров, вечно ты лезешь поперек всех! – прервал его монолог Матюшкин.

После чего зачитал приказ командира корабля о посвящении артистов в моряки и выдал каждому по «удостоверению», где значилось, что такой-то посвящен в моряки в Черном море с географическими координатами: широта... долгота... и имеет отныне право выходить в море на военном корабле. «Удостоверение» венчали печать и подпись командира.

Став «морьяками», артисты окружили Матюшкина:

– Алексей Ильич! Мы хотим отблагодарить ваш экипаж за оказанный прием и дать небольшой концерт.

Матюшкин, прищурился:

– Концерт? В открытом море? На ходу?

Потом сам себе улыбнулся:

– А почему бы и нет!

Он оглядел артистов:

– Короче, так, я сейчас доложу командиру. Если даст «добро», то после обеда и проведем.

Концерт организовали на шкафуте. Электрики подсоединили провода, звуковик Зубарев наладил аппаратуру, расставили баночки из столовой команды. В центре матросы поставили несколько стульев для командования корабля. Собрались все свободные от вахты морские пехотинцы и сопровождающие груз.

Открыл концерт, как и положено по статусу, полковник-ветеран Стас Сивашев. Вышел в камуфляже со всеми наградами и с гитарой наперевес.

– Первый раз в жизни выступаю, не чужа земли! – пошутил он.

Стас никогда не пел чужих песен, а только собственного сочинения, не признавал он и какого-либо музыкального сопровождения, кроме своей выдавшей виды гитары. Вот и сейчас он пел об армии и офицерах, об офицерских женах и Отечестве. Послушав Сивашева и поаплодировав ему, Шубин извинился перед артистами и убыл заниматься своими делами.

После этого поэт Березкин представил зрителям песню, которую когда-то давно сочинил в молодежном лагере «Юность». Песня нравилась ему самому, и Ян решил велосипед не изобретать, а попросту поменял слово «юность» на «Кострому». Получилось не очень складно, но очень душевно:

Небо качнулось влево, небо качнулось вправо.
Песня с губ слетела, звездами зазвучала.
Только твои ресницы тронула тихо грусть.
«Кострома», я вернусь!
Друг другу мы дадим клятву верную,
Без лишней суеты, без сомнения.
Вернутся вновь сюда в море вечное.
И встретятся друзья с этой песнею...

Вадим Панфилов порадовал зрителей «Синей вечностью» Магомаева и, под одобрительные аплодисменты собравшихся, всеми любимым «Севастопольским вальсом».

Элеонора Звездинская возникла в длинном сверкающем концертном платье с огромным декольте и с умопомрачительной прической. Все притихли, так как было ясно – явилась королева. Пела Звездинская конечно же о любви. Матюшкин толкнул в бок Витюкова:

– Посмотри, по-моему, она поет только для одного!

Витюк глянул, и точно, Элеонора стояла напротив онемевшего от счастья доктора и, глядя ему в глаза, пела о том, что теперь в ее сердце родилась любовь... В разрезе платья виднелась умопомрачительная нога, при этом Звездинская слегка покачивала бедрами, изображая то ли волну, то ли изголодавшуюся по страсти женщину.

– И пропал боец! – только и вздохнул Витюков.

Звуковик Алексей Зубарев, надевший матросскую форму, порадовал моряков шуточными морскими песнями, после чего еще, к всеобщему удовольствию, под гром аплодисментов станцевал «яблочко».

В финале концерта выступала Татьяна Пахомова. Она вышла к зрителям в казачьей форме, в черкеске с газырями, в кубаночке и в сапожках, на левом боку шашка в ножнах. Вначале Татьяна спела акапельно пару казачьих песен, а затем в динамиках грянула разудалая казачья плясовая.

На горе стоял казак.
Он Богу молился,
За свободу, за народ,
Низко поклонился.
Ойся, ты ойся,
Ты меня не бойся,
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся...

Татьяна рванула из ножен шашку – и понеслось! Это была самая настоящая «джигитка» – крутка шашкой в танце или в современном понимании «бой с тенью». Пахомова лихо перехватывала шашку из одной руки в другую различными вариантами, в такт песне чередовала круги и восьмерки, демонстрируя то боковые, то обратные, то задние с передними. При этом Татьяна успевала еще и танцевать, вбивая что есть силы каблуки сапог в корабельную палубу. Смотревший до этого концерт вполглаза прапорщик Чепижко от увиденного даже вскочил со своего места. Уж кто-кто, а он, старый казак, знал цену такой «джигитке». Вот артистка, как и положено, в начале крутки развязала «кругами» руки. Вот пошли «колоброды» и подкруты. Пахомова мощно пластала «крестом» и «гашником», ювелирно вертела «узлы», причем делала все в таком бешеном темпе, что вместо шашки зрителям был виден лишь отблеск сверкающей

стали. Но вот закончилась на последней ноте песня, и Татьяна застыла с победно поднятой над головой прапрадедовой шашкой.

Мгновение на шкафуте царила звенящая тишина. А потом все вскочили со своих мест и принялись бешено аплодировать. Кто-то кричал «браво», но всех перекрывало старое казачье «любо» истинного ценителя – прапорщика Чепижко.

25 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. ФРЕГАТ США «ЭЛРОД»

Сказать, что кэптен Джек Китон был зол, значит, не сказать ничего. Понять его в принципе было можно. Одно дело – сидеть на штабном корабле и составлять графики боевой подготовки, да сочинять приказы, и совсем другое – таскаться по морям и весям за набитой ипри-том лоханкой, пока та не переварит все тысячи тонн своей смертоносной дряни. А в это время 6-й флот разворачивает свои силы вокруг Сирии, чтобы блокировать русских, которые наглют с каждым днем.

В 90-х годах, когда Китон пришел на флот, русские свернули свою деятельность в океанах. Только от ветеранов можно было услышать потрясающие рассказы о невероятных коллизиях «холодной войны». Но, как говорится в старой американской поговорке: «Beware of a silent dog and still water!» (Опасайся молчащей собаки и тихой воды!) И сегодня русские снова вернулись и в океан, и в Средиземное море. Причем вернулись не просто так, а чтобы снова оспорить у США титул хозяина моря. Служба сразу же стала интересней, хотя и намного сложнее. К развертыванию 6-го флота против русских сейчас приковано все внимание морского министерства и лично президента. А ведь все развертывание происходит по его, Китона, разработкам. Это он, а не командующий Фогго и не начштаба флота контр-адмирал Сандерс бессонными ночами рассчитывал оптимальные варианты сосредоточения флота в Восточном Средиземноморье. Это он, а не кто-нибудь другой скрупулезно, до минуты выверял время переходов, определял будущие позиции, составлял и рассылал боевые распоряжения. Это он, Китон, вложил в заверенные командующим планы не только все свое умение, но и сердце. Сейчас он мог признаться самому себе, что разработка по передислокации 6-го флота на восток под кодовым названием «Дункан» («темный воин») явилась вершиной его операторского мастерства. Китон не считал себя тщеславным, но, черт побери, почему кто-то другой, а не он должен будет пожинать лавры его разработок, вешать себе на грудь заслуженные им медали и читать предназначенные ему поздравительные телеграммы из конгресса. Именно он должен был получить то, что заслужил, но из-за проклятого «Кейп Рэя» теперь лишен всего. Вместо этого сомнительное удовольствие – командование временным соединением в составе... одного фрегата. Ведь даже выделенный вначале эсминец и тот в последний момент у него нагло отобрали.

На «Элроде» Китона с самого начала плавания раздражало практически все – и командир фрегата, и команда, и сам корабль. Фрегаты типа «Оливер Хазард Перри», к которым относился «Элрод», были типичными эскортными кораблями, причем не слишком удачными. Уже при шестибальном шторме у них оголяется обтекатель подкильной ГАС, а затем возникал еще более неприятный эффект – днищевой слеминг, после чего фрегат почти целиком захлестывало волной. К 2016 году «Элрод» был уже изрядно потрепанным кораблем, возраст которого давно перевалил за три десятка лет. Его четыре ракеты «Гарпун» были сегодня недостаточными, чтобы считать фрегат серьезным ударным кораблем. А из-за слабого зенитного вооружения «Элрод» и его систершипсы уже не ставили даже в дежурство по ПВО. В последние десять лет командование ВМС только и думало, как избавиться от этих фрегатом. Правдами и неправдами их старались всучить всем кому не лень: австралийцам и испанцам, туркам и полякам, пакистанцам и египтянам, отверженному Тайваню и крохотному Бахрейну. Оставшимся же в строю теперь поручали всякую ерунду вроде доставки гуманитарной помощи да всевозможные представительские функции. Что касается самого «Элрода», названного в честь

погибшего в бою с японцами летчика, то он вообще считался на 6-м флоте плавающим несчастьем. Фрегат все время ломался, на нем регулярно вешались матросы и спивались офицеры. При этом от смены командиров и команды абсолютно ничего не менялось. Совсем недавно «Элрод» принес очередное ЧП – отпущенные на берег в Неаполе матросы перепилились и порезали местных проституток.

В последнее время начались переговоры о возможной продаже «Элрода» Болгарии. Но у болгар не было денег, чтобы купить фрегат целиком. Теперь в Пентагоне решали продавать им «Элрод» без «Гарпунов» или дать возможность умереть в своем флоте естественной смертью.

Командир «Элрода» Уолд Рассел особым авторитетом в 6-м флоте не пользовался. Это был абсолютно средний командир, без особых перспектив и амбиций. Он добросовестно вот уже пять лет тянул свою командирскую ляжку, не претендуя на что-то большее. Особых нареканий в его сторону тоже, впрочем, не было, обычный середнячок. Круг интересов Рассела, насколько об этом знал Китон, не распространялся дальше его семьи и раритетного «Понтика» 1964 года выпуска.

– Сэр! – подошел к нему этим утром Рассел. – Какие будут указания о степени боевой готовности корабля на ближайшие сутки?

– Боевая готовность номер четыре! – подумав, объявил Китон. – И передайте это на «Кейп Рэй».

Боевая готовность № 4 – это обычная готовность корабля в ВМС США при плавании в мирное время, когда часть средств надводного, подводного и воздушного наблюдения находится в повышенной готовности, а личный состав занимается повседневной работой.

– Простите меня, сэр, но, может быть, в связи с особенностью нашей миссии мы все же поднимем ее до третьей? – высказал свое мнение Рассел.

Боевая готовность № 3 являлась обычной готовностью корабля плавания в военное время, когда существовала возможность внезапного нападения противника. При этом большая часть личного состава должна была неотлучно находиться на боевых постах, а все системы оружия – быть в готовности к немедленному боевому применению.

– Полно вам, Уолд, кто будет на нас нападать в открытом море? Русские? Но войны с ними сейчас, как вы знаете, нет. Поэтому ничего нам не угрожает! Выполняйте приказ!

Понурился, Китон взял в руку микрофон:

– Боевая готовность номер четыре, обычная, повседневная! Экипажу заниматься согласно распорядку дня!

Китон глянул на командира «Элрода» с неприязнью. «Не зря говорят, что Рассел тугодум и перестраховщик. Зачем изматывать экипаж в бессмысленном сидении на боевых постах. Непосредственной угрозы отряду нет, поэтому нечего искусственно нагнетать ситуацию».

С момента появления Китона на «Элроде» Рассел изводил его нескончаемыми рассказами о жене и детях. Поначалу Китон изображал интерес, потом только внимание, но уже через пару дней старался все пропускать мимо ушей. Благо, что встречались они с Расселом лишь за обедом в салоне. Остальное время Китон пытался с командиром фрегата пересекаться исключительно по служебным делам. Но, честно говоря, в глубине души он завидовал Расселу. Что и говорить, любимая и любящая жена, хорошие дети – что еще нужно в жизни человеку.

У самого Китона как-то с семейным счастьем не сложилось. Первая жена Дороти была из самых низов. Вульгарно красивая, она играла в нью-йоркских мюзиклах. И хотя, в силу посредственного таланта, главных ролей ей никто не давал, апломба у Дороти было предостаточно. Что касается семьи Китона, то она была категорически против той женитьбы, отец говорил:

– Запомни, моряк – не муж, актриса – не жена!

Но кто слушает родителей, когда тебя поглотила страсть! Все, впрочем, закончилось весьма быстро. Вернувшись с моря раньше, чем предполагалось, Китон застал благоверную в постели со здоровенным негром.

– Ты понял все неправильно! – кричала Дороти, вскочив голая с кровати. – Мы просто репетируем сцену из будущего спектакля!

Тогда, бросив ей в лицо ключи, он гордо ушел.

А вскоре родители уже сами выбрали ему новую невесту, руководствуясь правилом отца, что самые полезные книги для будущей жены – это кухонная книга матери и чековая книжка отца.

Кэндис Дженкинс полностью отвечала обоим этим критериям. Она была из богатой, даже слишком богатой семьи, и воспитана в традициях самого дремучего пуританства. Разумеется, Кэндис стала примерной хозяйкой и матерью, но жить с ней было пресно и скучно. И порой ночами, глядя на похрапывавшую рядом жену, Китон, вздыхая, вспоминал сексуальную и порочную Дороти...

Кэндис подарила Китону двоих детей. Старший сын Фрэд пошел по линии Дженкинсов в банкиры и теперь считал чужие деньги в одном из нью-йоркских банков, относясь к отцу с обидным равнодушием. Любимица дочь Одри еще подростком попала в плохую компанию, подселла на наркотики, вначале курила, а потом взялась и за иглу. Лечение дочери было долгим и мучительным, со срывами и побегами из дома. Сейчас Одри вроде бы образумилась, но ни учиться, ни работать не желала, а сутками сидела в социальных сетях, живя какой-то своей виртуальной жизнью.

Оператор поста радиотехнической разведки доложил о группе малоразмерных целей, находящихся прямо по курсу.

– Классифицировать цели! – распорядился Китон.

Пост радиоразведки доложил, что, судя по отбивающимся на индикаторе переметам, это греческие рыбаки.

Рассел вопросительно взглянул на Китона. Тот лишь неопределенно махнул рукой: мол, рыбаки они и есть рыбаки. В этот момент по корабельной трансляции прозвучала команда приготовиться к обеду, а это значило, что Китону опять придется слушать истории о семейном счастье Уолда Рассела, завидовать ему и злиться на самого себя.

Китон нервно расхаживал по крылу ходового мостика «Элрода» и с ненавистью поглядывал на серую тушу «Кейп Рэя», едва дававшую полтора десятка узлов. Перспектива была самая прескверная – полтора, а то и все два месяца охранять этот плавучий сундук с дерьмом.

На море был почти полный штиль, вовсю слепило солнце.

– Слева – пятнадцать, дистанция – восемь кабельтовых, скопление рыбаков! – снова доложили с радиометрического поста.

Теперь рыбаки находились уже в зоне визуального наблюдения. Китон поднял бинокль. Пригляделся, так и есть рыбаки, то ли ставят, то ли снимают свои сети. Он вздохнул и снова предался своим раздумьям. «А ведь сработай “Дункан” удачно, он вполне мог бы рассчитывать на серебряную звезду младшего контр-адмирала. Для этого у него есть все – и прохождение службы, и характеристики, и реальные заслуги».

– Сэр! Рыбаки дали ход и взяли курс нам на пересечку! – доложил вахтенный лейтенант.

Китон снова поднял к глазам бинокль. Десяток рыбацких лайб, закончив, по-видимому, ставить сети, двинулись по своим делам, пересекая курс «Элрода» и «Кейп Рэя»

Кэптену хватило нескольких секунд, чтобы просчитать, что при таком сближении фрегат просто передавит половину этой флотилии дураков.

– Дайте ревун и запустите в их сторону несколько ракет!

– Сэр, может, нам лучше изменить курс и разойтись с этими недоносками подальше! – подошел командер Уолт Рассел.

– Еще чего! – в сердцах топнул ногой Китон. – Мы корабль ВМС США! Поэтому не мы, а нам обязаны уступать дорогу, тем более такие бакланы! Дайте ракеты и продолжайте движение!

Когда через два месяца он вернется на «Маунт Уитни», то о его авторстве в «Дункане» уже никто не вспомнит, и ему снова придется садиться за новые планы и новые графики. Как же все это надоело!

– Сэр! Катера рыбаков увеличивают скорость!

Китон взглянул на надоедливые фелюги. За кормой рыбацких катеров действительно вскипели буруны – они значительно прибавили ход.

– Похоже, они хотят проскочить у нас перед носом! Это рискованно! Неужели там нет ни одного хоть отдаленно знакомого с правилами плавания судов в море! – снова подал голос Уолт Рассел.

– Да черт с ними, с этими идиотами! – вконец озлился Китон. – Дайте команду сбавить ход, пусть проскакивают и проваливают ко всем чертям!

Кэптена переполняла злость на командующего флотом Фогго, который отправил его в эту откровенную ссылку, на начальника штаба Эванса, который, несомненно, самым бесстыдным образом присвоит себе все его наработки, на тупых рыбаков, которые плавают, как пожелает их левая нога, на Рассела, который мешает ему оставаться наедине со своими мыслями.

«Элрод» резко сбросил обороты винтов. Рыбаки, наоборот, еще больше прибавили. Было очевидно, что теперь они вполне безопасно проскочат перед носом «Элрода».

Китон еще раз глянул, как рыбаки, форсируя моторы своих фелюг, рванули вперед, и отвернулся.

«Почему вокруг него одни идиоты? И в штабе, и на мостике, и в море? Неужели в мире перевелись грамотные и умные люди, такие как он? Взять, например, вице-адмирала Фогго».

Честно говоря, личные отношения с командующим 6-м флотом у Китона не сложились. Дело в том, что в начале своей службы, будучи лейтенантом, Китон уже служил под началом Фогго, бывшего тогда старшим офицером ракетного эсминца. Тогда Фогго сразу невзлюбил язвительного лейтенанта и попортил ему немало крови. И вот недавно морская судьба снова свела их вместе. И хотя на людях Фогго не раз заявлял, что сохранил самые добрые воспоминания о былой совместной службе, Китон знал, что это не так. Сейчас он вспомнил, как откровенно злорадно улыбался Фогго, когда ставил ему задачи, как лучше сторожить эту треклятую бочку с дихлофосом. От этого воспоминания у Китона даже перехватило дух: «С таким положением надо кончать. Вот закончится ссылка, и надо будет подыскать себе более достойное место с более адекватным начальником».

– Рыбаки ворочают влево! – внезапно раздался крик сигнальщика.

Китон и стоявший рядом Рассел кинулись к фальшборту. Рыбацкие катера, вздымая буруны, подвернув влево, теперь мчались прямо на «Элрод».

– Это не рыбаки, это моджахеды! – истерично крикнул Рассел. – Полная боевая тревога! Право на борт! Обе машины самый полный вперед! Командиру боевой части оружия открыть огонь по катерам.

Китон уже и сам увидел, что это никакие не рыбаки. От корабля катера теперь отделяла каких-то пара кабельтовых. И тому, почему катера на полном ходу несутся прямо в борт «Элрода», было только одно объяснение: катера начинены взрывчаткой, а правят ими смертники-шахиды.

Что-то отчаянно кричали с боевого информационного поста, но Китон это уже не слушал.

По корпусу «Элрода» пробежала дрожь – это врубили полные обороты обе машины. Одновременно корабль резко повалился вправо. Китон понимал намерение Рассела уменьшить угол атаки, а по возможности вообще вывернуться из-под удара. Но катера приближались слишком быстро, а «Элрод» ворочал слишком медленно. Опытным взглядом Китон оценил, что вывернуться из-под удара катеров фрегат уже не успеет. Сжав руками планширь ограждения мостика, он с мольбой смотрел через треногу фок-мачты в корму все еще недвижимые стволы «Мелары». Успеют ли артиллеристы развернуть свои орудия? Вмешиваться в команды

Рассела в сложившейся ситуации он не считал себя вправе. Рассел – командир корабля, к тому же пока он все делает правильно и в его подсказках не нуждается.

«Черт возьми, – вспомнил Китон, – ведь по боевой готовности № 4 управление зенитным корпусом находится в ручном, а не в автоматическом положении, как при повышенных боеготовностях, а это значит, что без участия личного состава комплекс не может самостоятельно открыть огонь». Он вспомнил, как запретил Расселу установить на корабле повышенную боевую готовность, и ему стало не по себе.

Стремительно бежали секунды, и с каждой шансов уцелеть становилось все меньше и меньше. Наконец, стволы шестиствольного 20-мм автомата «Фаланкс» и 76-мм артустановки «Мелара» зашевелились. Но лжерыбаки свое дело знали. Их катера тут же подвернули еще круче, после чего стало очевидно, что защищающий кормовые секторы фрегата «Фаланкс» не сможет «достать» ни один из атакующих катеров. Что касается расположенной на надстройке «Мелары», то ей тоже мешали открыть огонь дымовая труба и антенные посты на крыше надстройки. В довершение всего приближающиеся катера уже входили в «мертвую зону» обстрела.

– Открыть огонь! Открыть огонь! – срываю голос, кричал в микрофон Рассел.

И хотя катера еще мчались, а старик «Элрод» еще продолжал свой разворот, было очевидно, что конец близок. Что-либо изменить было уже просто невозможно. Китон оглянулся. Сейчас было бы правильным надеть на себя спасательный жилет, но Рассел такой команды не давал, а на виду всех хватать жилет Китон посчитал недостойным. Оставалось ждать эту последнюю минуту и надеяться на чудо.

Дальше все происходило для Китона, как в замедленном кино. Головной катер на полном ходу врезался в борт «Элрода» в районе полубака. Взрыв был настолько сильным, что фрегат подбросило в воздух. Все находившиеся на мостике попадали на палубу. Китон больно ударился головой в стойку пеленгатора и, схватившись за него, попытался встать.

Еще мгновение, и «Элрод» потряс новый взрыв. Фрегат стал стремительно заваливаться на правый борт. В ходовой рубке среди дыма, крови и стонов метался Рассел, крича по циркуляру на все боевые посты:

– Личному составу покинуть корабль! Всем за борт!

В этот момент раздался третий взрыв, после которого «Элрод» со страшным скрежетом переломился пополам. Китон с ужасом увидел, как отделилась кормовая часть и с большим креном стала отдаляться. По тому, что вода стала значительно ближе, он понял, что изувеченная взрывами носовая часть корабля, на которой он находился, уже тонет. Выскакивавшие на палубу матросы с разбега прыгали в воду, а сверху на них обрушивались шлюпбалки, части мачты и обломки разорванной надстройки. Умиравшие кричали так, что в жилах стыла кровь. По палубе ползли раненые и обожженные, но до них уже никому не было дела. Здоровые переступали через них и бежали к борту, чтобы попытаться спастись. Китон тоже бросился к фальшборту. Там непроизвольно оглянулся. У входа в ходовую рубку, широко расставив ноги, стоял Рассел. Его окровавленное лицо было спокойно.

– Прыгайте, Уолд! – крикнул ему Китон. – Здесь все кончено!

– Я остаюсь со своим кораблем! – ответил Рассел и с трудом отсалютовал висевшей как плеть рукой. – Прощайте, сэр! Желаю спастись!

Рассел сделал шаг назад и исчез в ходовой рубке...

«Что ж, каждый волен сам выбирать свою судьбу». – Китон с трудом перебросил тело через фальшборт и боком полетел в воду.

Он глубоко нырнул и на пределе дыхания постарался отплыть подальше от тонущего корабля. Вынырнув, оглянулся. Носовая часть «Элрода» уже грузно легла на борт. Вокруг нее поднимался пар. Вода вокруг была уже покрыта слоем мазута. Китон машинально нашел взглядом то, что осталось от ходового мостика. Рассела там уже не было. Зато было хорошо видно раскуроченное машинное отделение, вокруг которого клокотала вода. И вода, и переворачи-

вающийся корпус были полны истошно кричащих, барахтающихся в воде и цепляющихся за борт людей. В отдалении медленно погружалась кормовая часть. Там тоже кричали люди.

«Какой ужас, – подумал Китон. – Но теперь здесь каждый за себя!» Он ухватился за проплывавший мимо кусок деревянного паёла и, энергично работая ногами, поплыл в сторону видневшегося вдалеке силуэта «Кейп Рэя».

Через несколько мгновений сзади раздался страшный скрежет и глухой стон – это погрузилась в воду носовая часть. Над водой вначале ударил фонтан, затем вскипел пеной и через минуту затих бурлящий водяной вулкан. Вскоре с не менее страшным скрежетом ушла под воду и кормовая часть «Элрода». Теперь плеск волн нарушали лишь крики людей. Кто-то молил о помощи, кто-то призывал товарищей, а кто-то, прощаясь с жизнью, богохульствовал и слал проклятья небесам.

«Интересно, успели ли связисты фрегата дать сигнал о нападении моджахедов, – думал, удаляясь от места катастрофы, Китон. – Хотя это и не столь важно, ведь с “Кейп Рэя” все видели и, несомненно, уже дали оповещение. Сейчас они уже спускают на воду катера, а это значит: помощь придет уже скоро, надо только продержаться на воде какое-то время».

Рациональный ум Китона не покинул его и в эту минуту. «С карьерой после происшедшего, наверное, придется распрощаться, так как гибели фрегата ему не простят, – думал он, непрерывно работая ногами. – Впрочем, может, это даже к лучшему. Сейчас же главное заключается в ином – надо обязательно выжить, выжить любой ценой».

– Помогите! Помогите! – раздалось совсем рядом. Китон повернул голову в сторону, откуда доносился крик. К нему, то появляясь над волнами, то погружаясь в них, пытался подплыть какой-то молоденький матрос. По окровавленной голове было видно, что он ранен. Между Китоном и матросом было всего с десяток метров. Но он все никак не мог их одолеть. Волна то приближала, то, наоборот, отбрасывала его.

Китон прикинул ситуацию. Кусок паёла, за который он держался, был слишком мал, чтобы выдержать на плаву двоих, и рисковать собой из-за какого-то матроса кэптен не собирался. В этот момент очередная волна приблизила матроса, и тот судорожно схватился за обрешетку.

– Простите, сэр, но у меня нет больше сил, – прошептал он.

Паёл, не выдержав тяжести, начал погружаться в воду. И тогда Китон ударил матроса кулаком в лицо. Тот вскрикнул, разжал пальцы и тут же был отброшен волной в сторону. Отчаянно барахтаясь, матрос закричал.

– Покойся с миром, – прошептал Китон и отвернулся. Он боялся увидеть глаза тонущего матроса. Зачем ему новые отрицательные эмоции, которых и так было предостаточно сегодня? Когда Китон все же обернулся, матроса на воде уже не было...

Китон прислушался. Надо было трезво оценить ситуацию и, исходя из нее, предпринимать последующие действия. Со стороны «Кейп Рэя» доносились отдаленные выстрелы. Там что-то тоже происходило, но что именно, он, сколько ни напрягал зрение, так и не смог понять. Зато совсем рядом неожиданно появился катер. С борта катера что-то кричали по-арабски, то и дело слышались короткие автоматные очереди.

«Это моджахеды добивают экипаж “Элрода”», – понял Китон и стал энергично работать ногами, чтобы отплыть подальше от места расправы.

Между тем катер быстро приближался. Тогда Китон нырнул в воду в надежде, что с катера его не заметят и пройдут мимо. Но надеждам не суждено было сбыться. Когда воздух в легких закончился и Китон вынужден был вынырнуть, он оказался прямо у борта катера.

– Не убивайте меня! – закричал он из последних сил. – Я кэптен Китон! Я ценный заложник и много чего знаю! Я буду вам полезен!

Последнее, что увидел в своей жизни Китон, было смеющееся лицо араба и черное дуло автомата. Он еще успел почувствовать, как ломаются пробитые пулей лобные кости и взрывается его голова, после чего наступила полная тьма...

25 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

С момента оставления Джойя-Тауро прошло уже несколько суток, и пока все на борту «Кейп Рэя» шло в штатном режиме. Относительно истории с секретным пакетом Бенсон несколько успокоился. «Как знать, может, все еще как-то обойдется», – думал он, поднимаясь по ночам на ходовой мостик, чтобы ознакомиться с навигационной обстановкой. При назначении на «Кейп Рэй» ему было обещано, что после успешного завершения миссии последует незамедлительный перевод, причем с повышением. Наиболее предпочтительными для себя должностями Бенсон считал должность командира ракетного эсминца или первого помощника на авианосце. Главное – закончить миссию, а потом он навсегда покинет это судно и навсегда забудет историю с русским шпионом.

Сейчас Бенсон задним числом уже сожалел, что поделился своей тайной с Уореном. Конечно, Уорен – старый друг, но когда о тайне знают двое – это уже не тайна.

Впереди по курсу мерцал кормовой огонь фрегата «Элрод». Державший на фрегате свой брейд-вымпел командир отряда кэптен Китон попытался было сразу же подмять под себя Бенсона и руководить им по УКВ. Причем делал это весьма бестактно. А потому вполне справедливо нарвался, и Бенсон был вынужден послать его на три буквы, после чего Китон несколько успокоился. Теперь он если и выходил на связь, то исключительно по конкретным вопросам, без многословных поучающих монологов. Конечно, по возвращении Китон обязательно доложит рапортом о нарушении Бенсоном субординации, но на это плевать. Китон в штабе 6-го флота лицо второстепенное, да и «Кейп Рэй» подчинен командованию флота лишь в вопросе обеспечения его безопасности. С окончанием же миссии судно сразу должно будет выйти из подчинения вице-адмирала Фогго, и что там будет писать Китон, уже не будет иметь никакого смысла.

Вечером в кают-компании Бенсон стал свидетелем спора между представителем международной Организации по запрещению химического оружия Дэрилом Кимбаллом и химиком-технологом профессором Джозефом Петерсоном. И хотя в химических терминах, которыми щеголяли друг перед другом ученые мужи, он ничего не понимал, но симпатии его были на стороне Петерсона. Уж очень надменно и вызывающе держался со своим коллегой его оппонент Кимбалл. Впрочем, с не меньшей надменностью представитель ОЗХО относился и ко всем членам экипажа судна, включая самого командира.

«Вот уж с кем бы хотелось расстаться как можно быстрее», – подумал Бенсон, глядя на надменную физиономию представителя международных кругов. Наверное, выражение лица у Бенсона было соответствующим, так как заметивший это профессор Петерсон понимающе ему подмигнул.

После ужина Бенсон вызвал на связь первого помощника Кистлера.

– Уильям, дай указание боцману еще раз проверить крепление гидролизной аппаратуры. Послезавтра по нашему курсу ожидается усиление ветра, так что это будет не лишним.

– О'кей, сэр! – отозвался в трубке Кистлер. – Я и сам пройду по судну, посмотрю что к чему.

Бенсон улыбнулся.

Кистлера он уважал и ценил еще по их совместной предыдущей службе и теперь частенько сам себя хвалил, что снова не ошибся в первом помощнике.

«Если представится возможность, то надо будет постараться забрать с собой Уильяма к следующему месту службы, – подумалось ему. – С проверенным и надежным помощником всегда служить гораздо спокойнее».

Перед сном он почему-то долго сидел за столом, рассматривая фотографию жены и дочери.

«После завершения миссии мне будет положен внеочередной отпуск, – думал Бенсон, с нежностью разглядывая своих любимых девочек. – И его надо будет провести на Гавайях, о чем уже так давно просила дочка»...

На следующий день Бенсон встал, как обычно, рано и первым делом спустился на палубу, чтобы осмотреть предмет своей особой заботы – гидролизные установки. Обстановка была спокойной, а стоявший в данное время вахтенным офицером Келли Рэндалл достаточно опытен, поэтому постоянно находиться рядом с ним было вовсе не обязательно. Пройдясь по палубе, Бенсон направился в кают-компанию, где застал допивавших кофе первого механика Сиглафа и лейтенанта Келли. Первый рассказывал какой-то анекдот, а второй заливисто смеялся шуткам старшего товарища. То, что Сиглаф и Келли симпатизируют друг другу и даже на берегу частенько вместе закупаются в пабах, не было ни для кого секретом.

– Доброе утро и приятного аппетита! – усаживаясь в командирское кресло, поприветствовал Бенсон своих подчиненных.

– Доброе утро, сэр! – ответили те.

Гарсон подал горячие тосты и масло, поставил кружку свежего кофе. Бенсон, как и всякий уважающий себя американец, не любил слишком крепкий кофе, зато и кофейным чашкам предпочитал солидные кружки. Так как командир любил кофе без добавок, гарсон никогда не предлагал ему ни сахар, ни сливки, ни молоко. Вот и теперь кофе был именно такой, как любил Бенсон, – обжигающе горячий и с обязательной пенкой. Насладившись ароматом поданного «Лонг блэка», Бенсон поинтересовался у первого механика:

– Барни, что там с насосом, который барахлил вчера?

– Все в норме, сэр! – улыбнулся тот в ответ. – Мои ребята постарались.

– Ну и хорошо! – кивнул Бенсон, меланхолично перемешивая кофейную пенку.

Не было дня, чтобы Бенсон не думал о человеке, вскрывшем его сейф. Он уже несколько раз перепроверил послужные списки всех находящихся на борту, а при общении всегда старался заглянуть в глаза и определить, не шпион ли тот, кто сейчас находится перед ним.

Вот и сейчас, поглядывая искоса на Сиглафа с Келли, он в какой уже раз оценивал их со стороны и в какой уже раз убеждался, что искать надо все же не среди флотских офицеров или матросов, а среди прикомандированных. В этом был резон, ведь если у военного человека вся жизнь на виду, то кто знает, чем занимались в своих университетах сегодняшние профессора-химики?

Причем, если к Петерсону у Бенсона была симпатия, то, что касается представителя ОЗХО, все было как раз наоборот. Если бы в будущем выяснилось, что именно Кимбалл оказался шпионом, Бенсон бы несколько не удивился. На самом деле, где проще всего завербовать агента, как не во время поездок по всему миру на бесчисленные международные симпозиумы!

Попросив разрешения покинуть кают-компанию, Сиглаф с Келли удалились, а Бенсон, после некоторых раздумий, пришел к мысли, что было бы неплохо присмотреться к Кимбаллу повнимательнее.

Когда командир «Кейп Рэя» появился в ходовой рубке, было уже почти восемь.

– Сэр, справа по борту рыбацкая флотилия, – доложил Рэндалл.

– Как расходимся? – поинтересовался Бенсон.

– Штатно, сэр! – не вдаваясь в подробности, ответил Рэндалл.

Конечно, можно было бы сейчас попенять ему на незаконченность ответа, но Бенсон этого делать не стал. Он и сам видел рыбаков и понимал, что никакой опасности для прохождения «Кейп Рэя» они не представляют. Тем более впередиидущий фрегат также их обнаружил и уже наверняка вышел на связь. Вообще-то обеспечение безопасности – это прямая обязанность Китона. Вот пусть он этим и занимается. Бенсон зевнул в кулак. Он что-то плохо спал ночью и поэтому, расположившись в командирском кресле, решил подремать часок-другой, а затем уже заняться повседневными делами.

В ходовую рубку поднялся первый механик Сиглаф. Здраваться было излишне, так как сегодня они виделись на утреннем кофе.

– Сэр, прошу разрешения немного проветриться!

Бенсон кивнул:

– Как у тебя обстановка?

– Все о'кей! – изобразил козыряние Сиглаф. – Машины работают как часы, а люди – как черти!

Бенсон улыбнулся. Сиглаф был вообще человек с юмором, и он частенько смеялся над его удачными шутками и анекдотами, всегда веселыми и в меру пошлыми.

– Сэр, рыбаки дали ход! – меланхолично заметил Рэндалл.

Бенсон кивнул, ну, дали и дали.

– Сэр, по-моему, рыбаки хотят проскочить перед «Элродом»!

Бенсон приподнял голову. Рыбачья флотилия разделилась. Одна часть лодок, видимо, продолжая лов, осталась на месте, а несколько, дав ход, действительно старались проскочить перед носом «Элрода».

«Вообще-то за такие выверты в порядочных домах бьют по морде канделябром, – подумал Бенсон. – Но это же безграмотные греческие рыбаки, что с них взять!»

От его профессионального взгляда не ускользнуло, что «Элрод» спустил ходовые шары «до малого».

«Китон хочет пропустить греков перед собой. Что ж, в данной ситуации это вполне разумно», – подумалось командиру «Кейп Рэя».

Затем он увидел, что фрегат снова дал ход, начав одновременно поворот вправо. Остатки дремоты мгновенно исчезли.

«Неужели какой-то ошалевший рыбак создал аварийную ситуацию. Ну, посмотрим, как из нее выкрутится “господин учитель”».

– Похоже, мне пора! – улыбнулся Бенсону Сиглаф. – У всех нас сегодня будет очень много работы.

Бенсон вместо ответа махнул рукой. Ему было сейчас не до механика.

– Сэр, рыбаки дали ход! – вновь меланхолично доложил Рэндалл.

– Келли, они уже давно его дали! – посмотрел на вахтенного офицера Бенсон. – Вон «Элрод» совершает маневр уклонения!

– Да я не про тех, сэр, – укоризненно посмотрел на командира Рэндалл. – Я про этих! – и он рукой показал в сторону траверза.

Бенсон глянул по направлению, которое показал ему Рэндалл, и обмер. Сразу не меньше десятка быстроходных катеров мчались, разбрасывая клочья пены прямо в его сторону.

– Боевая тревога! – крикнул он, сразу все поняв. – Вперед самый полный! Поворот влево!

Сейчас единственным правильным решением было привести «рыбаков» на кормовые курсовые углы и, дав самый полный ход, оставить их позади себя.

Но времени на это уже почти не оставалось. «Кейп Рэй» слишком громоздок и не слишком быстроходен, чтобы уклоняться от скоростных целей. Инерция хода его весьма велика, да и для развития полного хода надо немалое время. Судно просто не предназначено для таких маневров.

– Передайте на КП флота: «Атакован неизвестными катерами. Пытаюсь уйти. Нуждаюсь в срочной помощи. Мои координаты...»

– Есть ответ? – запросил он рубку.

– Получена квитанция! – глухо и не слишком внятно ответили связисты.

Бенсон взглянул вперед. «Ну, а что же там жует сопля Китон? Ведь это его прямая обязанность хранить и защищать “Кейп Рэй”. Чем он сейчас так сильно занят?» Бенсон перевел взгляд на «Элрод». Тот, набирая скорость, все еще разворачивался бортом к «Кейп Рэю». И в этот момент грянуло...

Словно в замедленном фильме ужасов, Бенсон увидел, как некая страшная сила подкинула «Элрод» вверх, так, что обнажилось днище, а потом столь же яростно швырнула вниз, после чего фрегат стал быстро крениться. Вслед за этим почти одновременно раздалась еще два взрыва. Над «Элродом» взвился столб густого черного дыма, и фрегат стал быстро заваливаться на правый борт. Было видно, как среди дыма по палубе мечутся маленькие человеческие фигурки. Некоторые из них прыгали за борт. Было очевидно, что «Элрод» тонет. Бенсон выскочил на крыло ходового мостика. Среди доносящегося скрежета металла и какого-то непонятного рева были слышны отдельные крики. Он оглянулся. Все находившиеся в рубке остолбенело смотрели на тонущий фрегат, будучи не в силах осознать, что только что произошло на их глазах.

Бенсон схватил микрофон «секвойи». Времени на зашифрованные переговоры уже не было.

– Дайте КП флота!

– КП 6-го флота на связи! – донеслось в динамике, но опять как-то невнятно.

– Только что террористами взорван фрегат «Элрод». Я подвергся атаке десяти катеров террористов. Возможности оторваться от преследования не имею. Нуждаюсь в срочной помощи.

– Вас понял, – проскрипел динамик. – Меры уже принимаются! Постарайтесь продержаться до подхода помощи!

Бенсон перевел взгляд на приближающиеся катера. Они были уже почти под бортом. Ни уйти, ни увернуться от них «Кейп Рэй» не мог.

– Вскрыть арсенал! Боцманской команде срочно получить табельное оружие и прибыть на верхнюю палубу! – приказал Бенсон.

Он дал ключи от каюты и сейфа рассыльному:

– Быстро мне мой пистолет и запасные обоймы!

В рубку вбежал запыхавшийся первый помощник Уильям Кистлер.

– Что происходит, сэр! На нас напали?

– Нас атакует флотилия террористов. Бегите на палубу и организуйте людей для отпора нападающим!

А катера были уже под бортом. Неожиданно с них началась яростная пулеметная и автоматная стрельба. В несколько мгновений со звоном полетели стекла в окнах ходовой рубки. Вахтенный офицер Рэндалл схватился обеими руками за живот и повалился ничком. Под ним появилось и стало быстро расплываться по линолеуму кровавое пятно.

– Вызовите санитаров! – приказал Бенсон.

– Руль влево! – кричал он рулевому, стремясь не подпустить катера вплотную к борту.

И в этот момент неожиданно остановилась машина.

– ПЭЖ! ПЭЖ! – кричал Бенсон, срывая голос. – Что там, черт побери, у вас происходит? Дайте ход! Дайте ход!

– Сэр! – отозвался из недр судна совершенно спокойным голосом Сиглаф. – У нас поломка. Сами не понимаем, что произошло! Похоже, что диверсия!

«Этого только не хватало, – подумалось Бенсону. – Не иначе как дело рук неуловимого шпиона».

«Кейп Рэй», имея большую массу, еще двигался по инерции, но руля уже почти не слушался.

Из высокорасположенной ходовой рубки было хорошо видно, что несколько выскочивших на палубу матросов сразу же укрылись от шквала пуль за фальшбортом. Половина катеров уже подошла к самому борту, тогда как остальные, удерживая дистанцию, продолжали поливать «Кейп Рэй» градом пуль. С подошедших катеров полетели линеметы с кошками. Причем стреляли очень метко, и все кошки зацепились за фальшборт. Еще мгновение, и по канатам сноровисто полезли вверх несколько террористов. Находившиеся под командой Кистлера матросы попытались было их сбросить, но, потеряв двух человек, были снова вынуждены залечь под градом пуль.

Бенсон пытался сманеврировать, чтобы оторваться от прилипших к судну катеров, но все было напрасно.

Забравшиеся на борт террористы сразу же включились в перестрелку с командой «Кейп Рэй». При этом они были и лучше вооружены, и профессиональнее подготовлены. Закрепившись крюками и прячась за фальшборт с внешней стороны судна, они на выбор расстреливали выскакивавших по одному на верхнюю палубу американцев. Потеряв так с десяток человек, оставшиеся в живых отступили в глубь судна. После этого террористы скинули вниз веревочные лестницы, по которым вверх сразу же полезли еще не меньше двадцати террористов.

– Сэр! Ваш пистолет! – протянули Бенсону его «беретту».

Тот машинально взял пистолет, ударом вогнал обойму.

Он что-то кричал в микрофон, пытаясь организовать сопротивление. Но, судя по тому, что никаких внятных ответов не получил, дела у американцев обстояли очень плохо.

Из ходовой рубки было хорошо видно, как террористы, взобравшись по веревочным лестницам на борт судна, тут же мелкими группами уверенно разбегались в различных направлениях и исчезали из поля зрения.

– Сэр, похоже, они знают, куда им бежать! Они знают устройство нашего судна! – обернулся к Бенсону рулевой матрос.

Это Бенсон видел уже и сам.

Честно говоря, Бенсон не знал, что ему делать дальше. Он попытался напрямую выйти на связь с радиорубкой.

В углу ходовой рубки негромко стонал раненный в живот Рэндалл, о котором в суматохе все забыли.

«Надо вызвать врача, чтобы оказал помощь», – подумал Бенсон, невольно отводя взгляд от страдающего первого помощника.

– Ваше судно уже захвачено воинами джихада! – неожиданно раздалось из динамика на плохом английском. – Вся ваша команда уничтожена или взята в плен. Бросайте оружие и спускайтесь на палубу!

– С кем я разговариваю? – спросил Бенсон, сам не зная почему, просто чтобы хоть что-то сказать.

– Для вас я Сейфуддин! – отозвался динамик.

Где-то на заднем фоне послышались крики, а затем выстрелы. Связь прервалась.

Со стороны палубы донеслось еще несколько выстрелов, после чего все стихло.

Бенсон в отчаянии вызвал ПЭЖ, чтобы там открыли кингстоны и затопили судно:

– Сиглаф! Сиглаф!

ПЭЖ ответил молчанием.

Бенсон в отчаянии рвал трубку переговорного устройства:

– Вахтенный механик! Вахтенный механик! Да есть ли там у вас вообще, черт побери, хоть кто-то?

Но ПЭЖ молчал. «Неужели все кончено!» – пронеслось в голове у Бенсона.

– Что нам делать, сэр, – спросили командира рулевой и два спрятавшихся от шальных пуль в рубке сигнальщика.

– Для начала окажите помощь первому помощнику! – приказал он.

Сам же с пистолетом в руке он неожиданно для самого себя выскочил на крыло мостика и начал в отчаянии палить по стоящим под бортом катерам. Он первый раз в жизни стрелял не по мишеням в тире, а по живым людям. Впрочем, никакого страха от этого Бенсон не испытывал – командир «Кейп Рэя» стрелял по врагам. К своему удивлению Бенсон увидел, как одна из человеческих фигур вдруг резко согнулась пополам и упала головой в воду. В ответ с одного из катеров раздалась длинная и точная пулеметная очередь. Бенсон едва успел присесть, и его чуть-чуть не задело. Пули пробили насквозь ограждение ходового мостика буквально в нескольких сантиметрах от него. Бенсон нервно перезарядил обойму, понимая, что дальше он просто не знает, что ему делать.

«Может, оставить себе последнюю пулю и застрелиться?» – подумал в тоске.

Неожиданно за спиной «Кейп Рэя» возникла фигура здорового араба со шрамом через всю щеку и густой черной бородой. Он еще успел оглянуться и увидеть, что перед ним еще один враг. Бенсон даже попытался навести на появившегося свою «беретту». Но тут же получил удар прикладом такой силы, что свалился без чувств.

Лишенный хода «Кейп Рэй» медленно дрейфовал, словно большой кит, облепленный со всех сторон хищными акулами-катерами.

...В себя Бенсон пришел от того, что кто-то плеснул ему в лицо водой. Он с трудом открыл глаза и несколько секунд пытался сфокусировать зрение, так как все плыло в кровавом тумане. Наконец, он смог разглядеть стоявших над ним людей и услышать их разговор. Стоявшие что-то говорили на арабском.

– Кажется, очнулся! – сказал один из них по-английски и пнул Бенсона ногой. – Поднимайся!

Он встал на колени, затем, держась за переборку, медленно встал. Голова гудела, как корабельная рында.

– Ну, вот и наш кэптен! – раздался насмешливый голос сзади.

Голос показался Бенсону знакомым. Он повернулся и увидел первого механика Сиглафа, который насмешливо смотрел ему в лицо.

– Это ты, Барни! – обрадовался Бенсон, еще до конца не понимая ситуации. – Неужели мы отбились от террористов!

Вместо ответа Сиглаф ударил его кулаком в лицо. Все стоявшие вокруг рассмеялись.

Облокотившись спиной на переборку, Бенсон медленно приходил в себя. Наконец, он осмотрелся. То, что Бенсон увидел, повергло его в ужас. В ходовой рубке находилось несколько вооруженных террористов-хабибов. Один из них, с тонкими, почти аристократическими чертами лица, был видимо, главным, так как, несмотря на то что говорил он очень тихо, все остальные слушали его внимательно и с почтением.

«Наверное, это и есть тот самый Сейфуддин, с которым я разговаривал по связи», – подумал Бенсон.

Рядом с главарем стоял уже знакомый ему здоровенный араб со шрамом через лицо и густой черной бородой. Араб держал в руках ручной пулемет.

В углу рубки на корточках, заложив руки за голову, сидели рулевой и два сигнальщика. По их лицам было видно, что они страшно напуганы. В противоположном углу все еще стонал раненый Рэндалл.

– Пора наводить порядок! – сказал по-английски главарь и кивнул арабу со шрамом.

Тот подошел к лежавшему Рэндаллу, достал пистолет и выстрелил лейтенанту в голову. Тот дернулся, посучил ногами и затих. Развернувшись, араб направился к сидевшим на корточках матросам. Те, понимая, что сейчас с ними произойдет, вжали головы в плечи. Один из них заплакал. Подойдя к матросам, араб сделал три выстрела в головы, и все трое молча ткнулись лицами в палубу.

Главарь что-то сказал подручным, и те, подхватывая трупы под мышки, выбросили их с ходового мостика за борт.

Затем палач направился к Бенсону. Тот нервно сглотнул.

«Нельзя показывать, что я их боюсь», – лихорадочно думал он, хотя липкий предсмертный страх уже наполнил его душу.

Но араб со шрамом стрелять в Бенсона не стал. Он вытащил наручники и пристегнул командира «Кейп Рэя» к кремальере двери на мостик. И так, ему подарили жизнь или, по крайней мере, несколько продлили. Хорошо это или плохо, Бенсон понять пока не мог. Но то, что он был жив, несколько его взбодрило.

– Барни! – с трудом разлепив губы, обратился командир «Кейп Рэя» к Сиглафу. – Неужели ты заодно с этими негодьями?

– Это не я с ними, а они со мной! – рассмеялся Сиглаф ему в лицо.

– Значит, это ты преднамеренно застопорил ход во время атаки катеров? – Бенсона пронзила страшная догадка.

– Я удивляюсь твоей проницательности, – скорчил гримасу первый механик.

– И ты вскрывал мой сейф и пакет с маршрутом перехода?

– Так ты узнал, что я вскрывал пакет? – удивился Сиглаф. – Впрочем, какая сейчас разница. Главное, что «Кейп Рэй» в наших руках!

«На самом деле, какая сейчас разница, что было раньше. Худшее уже произошло – весь запас сирийских отравляющих веществ и средство их доставки в руках террористов»

– Что же теперь будет? – спросил он механика.

– А дальше мы отправимся к побережью Европы, где и взорвем «Кейп Рэй» со всей его начинкой. Поверь мне, Бенсон, это будет неповторимое зрелище, но ты его уже не увидишь! – сообщил ему Сиглаф то, о чем Бенсон уже и сам догадался.

– Но зачем все это тебе? Ведь ты американский офицер!

– Офицером я был лишь для тебя и таких, как ты. На самом деле я уже давно воин джихада. Слышал ли ты о великом воине аль-Малике аз-Захире? Не слышал? Это он завоевал для ислама Испанию и Португалию! Это он первым обрушил на головы «крестоносцев» карающий меч Мухаммеда. Сегодня я – это новый аз-Захир! – чем дальше вещал Сиглаф, тем громче и истеричнее начинал он кричать. – Именно я стал великим разведчиком джихада в логове кафинов. Это я передал своим братьям самую страшную бомбу в мире! Это я приблизил день торжества всемирного халифата! О, сколько я ждал, когда смогу вновь стать самим собой, говорить, что думаю, и делать, что хочу!

«У Сиглафа явная мания величия, – подумалось Бенсону. – Странно, ведь ранее ничего подобного за ним вроде бы не замечалось. Скромный и толковый механик – не более того».

Бенсон глянул на Сейфуддина. Тот с нескрываемой иронией наблюдал за монологом первого механика, а затем неожиданно его прервал:

– О величии поговорим, когда сделаем общее дело, а пока ступай в машину. Пора давать ход. Европа уже заждалась.

Осекшись на полуслове, Сиглаф недоуменно посмотрел на главаря. Затем, переступив через мертвых матросов, и пройдя мимо Бенсона, как мимо пустого места, покинул рубку.

Следом за ним покинул рубку и Сейфуддин со своим помощником-палачом. Теперь там помимо Бенсона осталось лишь трое террористов. Один из них стал проверять штурвальное

устройство. Второй джихадист осматривал систему связи, а третий уселся за штурманский компьютер. Все трое были явно профессионалами, так как делали все быстро и молча.

Мир еще не знал, что только что в Эгейском море произошло событие, которое может полностью изменить ход истории человечества. Мир еще не знал, что в эти минуты миллионы и миллионы еще ничего не подозревавших людей уже обрекались на мученическую смерть, так как часы судного дня были уже запущены...

25 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

...Минули еще одни ходовые сутки. Волнение совсем стихло. Выглянуло солнце. Из камбуза вкусно пахло борщом и котлетами.

– Жизнь, товарищи, кажется, налаживается! – объявил сослуживцам посетивший ходовую рубку капитан 3-го ранга Матюшкин.

Возражений на высказанную Матюшкиным сентенцию ни у кого не последовало. Жизнь, после штормов и нервотрепки в проливах, действительно понемногу налаживалась.

Корабельный лаг отщелкивал новые и новые мили, каждые четыре часа неукоснительно менялась вахта. Своим чередом шла и внутрикорабельная жизнь.

Удалось немного и посмеяться. Матюшкин в тот день по трансляции во время завтрака вел очередную радиогазету. Как обычно, вначале он обстоятельно рассказал о кознях НАТО и о турецком ВМФ, потом призвал всех к бдительности. А закончив читать, неожиданно, подражая диктору центрального телевидения, произнес:

– На этом я с вами прощаюсь!

По кораблю сразу взрыв эмоций... Еще бы, зам по работе с личным составом посреди моря попрощался с экипажем!

Прошли мимо буйка с греческим флажком, подпрыгивающим на волнах. Не иначе как рыбаки перемет поставили. Перемет – это длинная, до нескольких километров, толстенная леска с двумя буйками-грузами по краям. На леске – поводки с большими, величиной с куриное яйцо, крючками, на которых наживка: куски рыбы или мясо. Поставят рыбаки такой перемет, через день-два выбирают, снимают попавшуюся рыбу и снова ставят. Для кораблей и судов переметы – опасная штука. Заметить затерявшийся в волнах буюк непросто. Проглядит сигнальщик – наматываешь километры лески на винты. Потом жди, что в любой самый неподходящий момент лишишься хода.

На корабельных часах было 12 часов 45 минут, когда из радиорубки «Костромы» неожиданно прибежал командир боевой части связи капитан-лейтенант Даниил Морозов:

– Товарищ командир! Москва на связи!

Шубин со стоявшим рядом Матюшкиным переглянулись. Если Москва на связи – значит, случилось что-то экстраординарное. Ну, а такие события редко когда бывают хорошими. Значит, случилась какая-то дрянь, причем дрянь большая. Шубин взял в руки трубку телефона спутниковой связи:

– «Металл-217» у аппарата!

– С вами говорит министр обороны! Вы меня слышите?

– Так точно! – непроизвольно вытянулся с трубкой в руках Шубин.

– У меня к вам, товарищ Шубин, и к вашему экипажу огромная просьба! – несколько сдавленным голосом произнес министр, затем уже глухо (скорее всего, повернувшись к кому-то) добавил: – Даже не знаю с чего начать с ним разговор...

Чувствовалось, что слова ему даются с трудом.

– Я слушаю вас, товарищ генерал армии! – еще раз подтвердил Шубин, что он у аппарата и весь во внимании.

– Короче, командир, скажу тебе честно: дела у нас сегодня в мире обстоят хреново! – произнес министр

У Шубина на лбу выступила испарина. Не каждый день тебе по оперативной связи министр обороны доверительно сообщает, что сегодня в мире все хреново.

Затем министр в общих чертах сообщил командиру «Костромы» о только что происшедшем подрыве террористами ИГИЛ американского ракетного фрегата. О захвате американского судна с химическим оружием на борту. О том, что сейчас, судя по всему, террористы собираются направиться то ли к Израилю, то ли к Италии, чтобы рвануть у берега все свои семь тысяч тонн отравляющих веществ.

– Все дело в том, что вы находитесь ближе всех к захваченному судну. На американцев рассчитывать не приходится, они сейчас полностью деморализованы. Турки, греки и израильтяне тоже не успевают перехватить судно, да, похоже, и боятся. Авиация в данном случае также бессильна. Они могут нанести ракетный удар, но в этом случае отравляющие вещества распространятся над морем. Поэтому вся надежда только на вас. Задача – захватить судно и не дать террористам его взорвать. Я понимаю (министр на несколько мгновений замолчал), что ни вы, ни ваш экипаж, ни ваш корабль для таких операций не подготовлены. Но другого выхода у нас сейчас просто нет. Поэтому мы к вам и обратились.

Министр замолчал. Шубин слушал в трубку его тяжелое дыхание, отчего создавалось впечатление, что министр стоит с ним рядом. Больше всего Шубина потрясло слово «мы». Если бы министр сказал «я», это значило, что он говорит о своей просьбе, но «мы»! Кто «мы» – руководство Минобороны, министр с президентом? Нет! Под словом «мы» министр подразумевал всю Россию! От этой мысли у Шубина перехватило дыхание.

– Командир! Нашу просьбу я вам изложил, но окончательное решение принимать только вам. Обещаю, если откажитесь, никаких последствий для вас это иметь не будет. Взвесьте все трезво, сможете ли вы попытаться отбить у террористов захваченное судно или нет?

– Товарищ генерал армии! Я прошу разрешение собрать офицеров! После этого доложу!

– Что ж, это, пожалуй, правильно! – отозвалась трубка. – Только не затягивайте. Я буду ждать у телефона.

– Офицеров корабля срочно в ходовую рубку! – перебросив танкетку на «циркуляр» «каштана», выкрикнул Шубин. – Бегом!

Матюшкин пытался было задать вопрос о том, что говорил министр, но Шубин махнул рукой:

– Все соберутся, тогда узнаешь.

Через минуту, топая ногами по трапу, один за другим в ходовую влетели запыхавшиеся офицеры «Костромы». Шубин пробежал глазами – все как один, даже доктор с Бочаровым.

– Времени мало, – начал он без предисловий. – Ситуация, ребята, такова...

Через пять минут Шубин взял трубку переговорной связи:

– На связи «Металл-217»!

– Слушаю тебя, командир! – отреагировала трубка.

– Товарищ генерал армии, экипаж большого десантного корабля «Кострома» выполнит свой долг перед Отечеством!

– Офицеры одобрили?

– Единогласно!

– Спасибо, ребята! Родина вас не забудет! – голос министра чуть дрогнул. – Вам будут передавать в режиме «он-лайн» координаты, курс и скорость захваченного судна, а также хотя бы в общих чертах проинструктируют, как лучше все организовать. Желаю удачи, командир!

Шубин вытер вспотевший лоб, попытался сглотнуть, но во рту так пересохло, что у него ничего не получилось. С минуту он просто стоял, раздумывая, с чего ему начинать, а потом,

взяв ручку, быстро набросал на листке план подготовки корабля к выполнению того, о чем ни он, ни его подчиненные буквально полчаса назад еще не имели никакого представления.

В эту минуту Шубин почему-то вспомнил отца. Наверное, он бы сейчас одобрил решение сына, который с товарищами взялся за невыполнимое. Сердце невольно сжалось, и Шубин почему-то именно сейчас пронзительно почувствовал, как ему не хватает рядом отца.

...Пока Шубин-старший был жив, он по мере сил участвовал в домодедовском ветеранском движении, выращивал яблони и смородину и каждое лето ждал к себе внуков. Когда бывшие сослуживцы-москвичи удивлялись столь странному выбору отставного контр-адмирала, поменявшего Москву на Домодедово, Шубин-старший говорил им с обезоруживающей улыбкой:

– Где же иметь дом деду трех внуков, как не в Дому-дедове!

Каждый год, перед окончанием детьми школы, Лада ворчала:

– Все летом детей на юг везут, одни мы, наоборот, на север!

– Ты не права! – улыбался ей Шубин. – Не на север, а в Подмосковьё, причем не на все лето, а только на месяц. Пойми, что дети должны не просто знать, но и чувствовать родство с землей своих предков. Пусть в их памяти о детстве останется не только красавец Севастополь, но и маленькое уютное Домодедово, родина их отца и деда.

Впрочем, умница Лада и сама все понимала, а ворчала исключительно по свойственной всем женщинам привычке.

Сейчас дом в Домодедове, после смерти родителей, был заколочен и пуст. Но Шубин знал, что рано или поздно он туда обязательно вернется, так как старость надо обязательно встречать там, где ты появился на свет. Мечтая, он представлял, как откроет старые скрипучие ставни, вымоет дощатый пол, смахнет пыль со стола и сядет у родительского самовара попить чайку с медом. Он будет пить душистый чай на подмосковных травах, вспоминая свою жизнь и тех, с кем довелось идти по этой жизни плечом к плечу, тех, кто еще жив, и тех, кого уже никогда не будет рядом...

25 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

...За Бенсоном пришли примерно через час. Его молча отстегнули от кремальеры, снова заключили руки в наручники и спустили на лифте вниз на палубу. То, что увидел там бывший командир «Кейп Рэя», было в высшей степени трагично.

На верхней палубе в районе вертолетной площадки были собраны оставшиеся в живых члены экипажа и ученые-химики. Все они стояли в один ряд на коленях, со связанными руками, опустив вниз головы. Между ними прохаживались бородастые джихадисты, бряцая оружием и пиная сидевших ногами. Кто-то из стоявших на коленях плакал, кто-то молился, но большинство подавленно молчали. Это значило, что «Кейп Рэй» отныне полностью в руках врагов. Некоторые из террористов были перевязаны какими-то окровавленными тряпками, а вдалеке на палубе лежал ряд тел, спеленатых простынями. Это значило, что захват «Кейп Рэя» все же стоил боевикам крови. При этом Бенсон автоматически отметил, что американский флаг джихадисты не спустили. Звездно-полосатый, как и прежде, реял над мачтой. От этого Бенсону стало еще горше, ибо было очевидно, что большая игра, которую затеял враг, еще только начиналась.

– Ведите сюда капитана! – завидев Бенсона, поманил его рукой Сейфуддин.

Сопровождавший Бенсона боевик сильно пнул его в спину, и Бенсон едва не упал под гогот игиловцев.

– Если ты так плохо стоишь на ногах, как же ты можешь командовать таким большим судном! – рассмеялся Сефуддин.

Бенсон зло глянул на вожака бандитов. С какой радостью он бы сейчас впился ему зубами в горло, если бы только это можно было сделать!

Сейфуддин, словно поняв мысли пленника, усмехнулся:

– Вы, американцы, горазды воевать, когда пускаете ракеты в безоружных, а на равных не способны ни на что. Но я велел тащить тебя сюда не для того, чтобы читать мораль. Как победитель, я хочу оказать тебе милость, показав невиданную постановку, которой позавидует даже ваш хваленый Голливуд. Сейчас ты станешь единственным зрителем на еще небывалом шоу ужасов. Приготовься внимательно смотреть. Поверь мне, это будет захватывающее зрелище! Итак, шоу начинается!

Сейфуддин сел в принесенное для него кресло и картинно хлопнул в ладоши. Затем кивнул стоявшему поодаль уже знакомому Бенсону палачу-арабу с огромным безобразным шрамом через все лицо. Араб вытащил из-за пояса здоровенный нож и подошел сзади к крайнему из стоявших на коленях. Бенсон узнал его – это был матрос из группы снабжения. Выверенным движением бородач резко схватил беднягу за волосы и с силой дернул к себе. Голова мотнулась назад, и в тот же миг араб со всей силы вонзил нож в горло несчастному. Из зияющей раны фонтаном забила кровь, матрос захрипел и забился в агонии. Араб же, располозовав горизонтально горло и шею, затем резко дернул вверх голову, и та, отделившись от рухнувшего на палубу тела, осталась в его руке.

В воздухе слились восторженный рев джихадистов и крики ужаса стоявших на коленях пленников. Палач швырнул отрезанную голову к ногам стоявшего в оцепенении Бенсона и перешел ко второй жертве. Через несколько секунд к ногам бывшего командира «Кейп Рэя» полетела вторая голова, затем третья, четвертая...

Бенсону стало совершенно жутко, когда упавшая рядом с ним голова боцмана Джозефа Кэйбла вдруг открыла глаза, смотревшие прямо на Бенсона.

Бывшего командира «Кейп Рэя» било в судороге от происходившей на его глазах кровавой вакханалии. Приготовленные на закланье люди надрывно кричали и пытались сопротивляться, но их жестоко избивали ногами и прикладами. А страшный араб медленно продвигался вперед, сноровисто и неотвратно творя свой жуткий ритуал. Палуба уже давно стала красной от струящейся по ней крови. А головы все летели, летели, летели...

Вот палач подошел к стоящему на коленях первому помощнику Уильяму Кистлеру. Мгновение, и его голова полетела вслед за остальными к ногам Бенсона. Тот закрыл глаза, чтобы не видеть мертвых глаз своего старого товарища.

– Постой, Али! – неожиданно крикнул палачу дотоле молча наблюдавший за расправой Сейфуддин. – Не все тебе одному трудиться. Пусть поработает и наш новый друг!

Сейфуддин кивнул стоящему рядом с ним лейтенанту-командеру Сиглафу. Тот молча взял из рук араба окровавленный нож и решительно направился к следующему члену экипажа «Кейп Рэя». Этим следующим оказался не кто иной, как лейтенант Келли, с которым Сиглаф еще сегодня утром вместе пил кофе в кают-компании.

Бенсон было дернулся вперед, но тут же был остановлен сильным ударом приклада.

Сиглаф между тем подошел сзади к стоящему на коленях Келли. Тот, скосив глаза, умоляюще закричал:

– Барни! Барни! Что ты делаешь Барни, мы же с тобой друзья?!

В ответ Сиглаф лишь криво усмехнулся:

– Ты ошибся, Кимберли, мы никогда не были с тобой друзьями!

Он схватил Келли сзади за голову и полоснул по шее ножом. Из пульсирующей раны хлынула кровь. Сиглаф пытался, подражая Али, рывком оторвать голову от остального тела, но у него ничего не получилось. Келли бился ногами о палубу и хрипел. Он был все еще жив. Сейфуддин иронично посмотрел на неудачника-палача и кивнул Али. Тот подошел к расте-

рянному Сиглафу, забрал у него нож и в два движения завершил работу над несчастным лейтенантом.

Через четверть часа с экипажем «Кейп Рэя» и прикомандированными было покончено. Живыми на коленях остались лишь двое – представитель международной Организации по запрещению химического оружия Дэрил Кэмбэлл и химик-технолог профессор Джозеф Петерсон. И если бледный как полотно Петерсон еще сохранял разум во взгляде, то Кэмбэлл был совершенно обезумевшим. Он пытался ползти на коленях по окровавленной палубе к сидевшему в кресле Сейфуддину. Умоляя оставить его в живых, Кэмбэлл кричал, что он прекрасный специалист, у него большие связи по всему миру, и он может очень пригодиться.

– Стыдитесь, вы же американец! – крикнул обезумевшему от ужаса коллеге Петерсон и тут же получил удар в спину.

Сейфуддин повернулся к стоявшему в оцепенении Бенсону.

– А ты, капитан, хочешь жить?

Бенсон напряг всю оставшуюся волю, чтобы проигнорировать провокационный вопрос, но голова неожиданно кивнула. «Вот и моя голова уже живет отдельно от моего разума и тела», – мелькнула горькая мысль.

– Это хорошо, что ты еще не потерял вкуса к жизни! – задумчиво произнес Сейфуддин. – Но жизнь, как ты понимаешь, надо заслужить! Тебе понятна моя логика?

Бенсон снова непроизвольно кивнул. В это мгновение он был противен самому себе, но ничего не мог поделать.

– Впрочем, цена твоей жизни не слишком велика! – ободряюще улыбнулся ему Сейфуддин. – Всего две головы!

И он указал рукой на обоих химиков.

– Бери нож и приступай к работе! Что и как следует делать, ты уже, надеюсь, успел изучить! И учти ошибку своего коллеги, режь глубже!

Стоявший сзади охранник снял наручники, освободив бывшему командиру «Кейп Рэя» руки. А подошедший Али, улыбаясь во все свои тридцать два зуба, протянул Бенсону зловещий нож.

Бенсон неотрывно смотрел на орудие убийства и понимал, что, протяни он сейчас руку за ножом, остановиться уже не сможет. Он чувствовал, что теперь не только голова, но и руки готовы были выйти из повиновения и самопроизвольно схватиться за нож. Последними усилиями воли Бенсон боролся с этим страшным искушением.

Пауза затягивалась. Бенсон как замороженный продолжал смотреть на нож, с которого все еще капала кровь. Сейфуддин с нескрываемым удовольствием терпеливо ждал эффектной развязки организованного им кровавого спектакля. Палач Али мрачно смотрел на Бенсона, а международный представитель Кэмбэлл надрывно выл, ползая в кровавой луже.

Бенсон взглянул на все еще стоявшего на коленях профессора Петерсона. Их глаза встретились, и Петерсон неожиданно подмигнул ему, так же как подмигнул вчера вечером в кают-компании. Именно в это мгновение Бенсон понял, что никогда, даже под страхом смерти, он не сможет лишиться жизни своих товарищей. Итак, решение было принято, и Бенсон сделал шаг к Сейфуддину. Тот с явным интересом приподнялся с кресла, полагая, что станет сейчас свидетелем потрясающего финала. Но амир аль-бахра на этот раз ошибся. У Бенсона были совсем иные планы. Он понимал, что жизнь уже отсчитывает свои последние минуты, но последнее слово все же решил оставить за собой.

«Еще пару часов назад он был командиром огромного вспомогательного судна, а теперь он никто, – мысли пронеслись в голове Бенсона быстро, громоздясь друг на друга, но общий ход рассуждения был, с его точки зрения, единственно верным. – Возможно, что эти звери действительно даруют ему жизнь, но что это будет за жизнь, в презрении окружающих, а главное, в презрении самого себя! Все его подчиненные уже приняли мученическую смерть, и теперь

он, их командир, обязан последовать за ними. Как капитан, последним уходящий с гибнущего корабля, он также должен сейчас последним достойно завершить свою жизнь».

Вначале Бенсон хотел напоследок ударить главного джихадиста кулаком в лицо, но рука так дрожала, что он не смог даже сжать пальцы. И тогда он просто плюнул Сейфуддину в лицо. И хотя в пересохшем горле почти не было слюны, свое отношение к предложению главаря бандитов Бенсон высказал вполне определенно.

Сейфуддин вскочил и, утираясь, что-то громко крикнул по-арабски. После чего на Бенсона посыпался град ударов. Он пытался уворачиваться, но у него это плохо получалось. И все же ему удалось еще раз встретиться глазами с Петерсоном. В них он увидел и одобрение, и товарищескую гордость.

Сейфуддин еще что-то крикнул. И Али, подбежав к воюющему Кэмбэллу, одним ударом прекратил его брэнное существование. Затем палач направился к Петерсону, через несколько мгновений покончив и с ним.

– Сиглаф! – окликнул первого механика Сейфуддин. – У тебя есть шанс исправить ошибку! Украти своего капитана!

Сиглаф беспрекословно взял в руки уже знакомый ему нож и решительно направился к Бенсону.

«Ну что ж, – подумал тот, достаточно равнодушно глядя на приближавшегося механика. – Может, моя смерть станет искуплением за те ошибки, которые я совершил во время своего командования... Жаль только, что я так и не свозил своих девочек на Гавайи...»

Больше он ничего уже подумать не успел. Тело пронзила страшная резкая боль. Через мгновение мир в его глазах померк, а душа отлетела вслед за душами его подчиненных.

А «Кейп Рэй» уже сменил курс и, набирая скорость, устремился туда, куда его направил новый капитан. Трупы быстро выкинули за борт, а кровь с палубы смыли шлангами. Спустя какой-то час на борту судна уже ничего не напоминало о недавней трагедии.

25 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Начав погоню за набитым химическим оружием и террористами американском судном, Шубин приказал дать самый полный, выжимая из машин все, что можно. Штурман быстро рассчитал, что если «Кейп Рэй» не изменит курс и скорость, то они встретятся через четыре часа. Это значило, что на всю подготовку к атаке «Кейп Рэя» у Шубина осталось только это время.

Надо было торопиться. Первым делом командир сыграл «большой сбор». Он мог объявить о поступившей боевой задаче по трансляции, но, несмотря на дефицит времени, делать этого не стал. Для Шубина сейчас было важно взглянуть в глаза людей, которых он через каких-то три часа поведет на смерть. На построение вышли все, включая сопровождающих груз и артистов. Шубин в общих чертах обрисовал обстановку. Строй молчал.

– Шансов на победу у нас не так уж и много, но внезапность, дерзость и храбрость могут решить дело в нашу пользу. Поэтому все, кто по каким-то причинам не хочет участвовать в атаке, должны покинуть корабль. Сейчас мы спустим катер. Он уже заправлен топливом. Через восемь-десять часов хода будете у берега. Первыми в катер следуют артисты. Кто еще?

Строй снова ответил молчанием.

– Тогда поступим так, как поступали наши деды на фронте, – сказал Шубин. – Кто остается со мной – шаг вперед!

Строй качнулся и в полном составе сделал шаг вперед. Шубин обвел его глазами и поразился. Вперед сделал шаг не только экипаж и сопровождавшие груз военнослужащие, но и артисты.

Поймав недоуменный взгляд командира корабля, поэт Ян Березкин, заикаясь от волнения, доложил:

– Товарищ капитан 2-го ранга, мы не просто артисты, мы артисты Центрального дома Российской армии, а поэтому воевать для нас так же привычно, как и петь! Мы остаемся с вами. Думаю, что и для нас найдется дело.

На глазах Шубина выступили слезы, но, сдерживая эмоции, он сказал лишь то, что четверть часа назад сам услышал от министра:

– Спасибо, ребята!

После этого Марченко зачитал состав трех групп захвата и группы прикрытия.

– Командиров групп ко мне! – распорядился Шубин. – Остальным получить автоматы и боезапас и с боцманом на корму на учебную стрельбу. И побыстрее, времени у нас в обрез.

Через десять минут перед Шубиным положили полученный по электронной картографической навигационно-информационной системе попалубный чертеж «Кейп Рэя». Разобраться в нем было сложно, но общее представление о размещении внутренних помещений судна домопощенные спецназовцы все же получили. Теперь хотя бы стало понятно, что представляет собой захваченное судно. Чертеж «Кейп Рэя» тут же отксерили, и Шубин раздал копии всем отобранным в группы захвата для изучения.

По старой флотской традиции Шубин собрал офицерский совет, на который пригласил прапорщика Чепижко и полковника-ветерана Сивашева.

Вначале взял слово сам:

– Какие силы мы реально имеем? Группа АТД прапорщика Чепижко. Это, включая его самого, десять морпехов. Группа сопровождения грузов – контрактники, имеющие стрелковую подготовку. Это еще шесть человек. Из экипажа также наберем с полтора десятка, имеющих представление о стрелковом бое. Вот, пожалуй, и все. Итого три десятка активных штыков. Думаю, что было бы правильным разбить всех на три штурмовые группы. Одна – для атаки с бака, вторая – с юта, третья – резервная.

Потом выступали все собравшиеся. Дошла очередь до командира БЧ-2 Витюкова:

– Во-первых, считаю, что в предстоящем бою ракетная установка «Град» будет однозначно бесполезна. Ракеты и запасы ОВ несовместимы! – начал докладывать свои соображения Витюков. – Думаю, что и АК-725 тоже не нужна, т. к. стрельба 57-мм снарядами на минимальной дистанции по большому судну также грозит большими разрушениями и, что самое опасное, серьезным пожаром. Принимая во внимание опять же ОВ, это нам не нужно.

Шубин кивнул.

– Поэтому задействовать следует только АКА-630, да и то с большой осторожностью. Огонь вести короткими очередями по надстройке. Думаю, что не лишним будет и стрельба просто над палубой, для психологического эффекта, – закончил доклад Витюков.

– Спасибо, Игорь Евгеньевич, – еще раз кивнул Шубин. – С этим вопросом разобрались, идем дальше...

К концу совещания в общих чертах план операции по захвату «Кейп Рэя» вырисовался так: Изображая из себя спокойно идущий в Тартус десантный корабль, «Кострома» должна была сманеврировать так, чтобы оказаться на контркурсах с «Кейп Рэем», при этом на минимальной дистанции. Группы захвата при этом уже должны находиться в готовности по захвату судна с террористами. На подходе к захваченному террористами судну Шубин должен был выйти на связь с лжекапитаном «Кейп Рэя» и приветствовать его как союзника, по возможности продолжая разговор на отвлеченные темы. Когда дистанция до захваченного судна станет минимальным, БДК должен был дать самый полный и, изменив курс, идти на навал с захваченным судном. Одновременно артиллерия «Костромы» должна была поразить ходовую рубку, лишив тем самым возможности управления судном. Да и навал судна также лишил «Кейп Рэй» дальнейшего быстрого маневра. При этом и наваливаться, и стрелять надо было ювелирно,

чтобы не задеть находящиеся в грузовых трюмах отравляющие вещества и не вызвать большого пожара. Сразу же после навала на «Кейп Рэй» под прикрытием огня с «Костромы» перебрасывались три группы захвата.

Переброску облегчало то, что, согласно присланному чертежу «Кейп Рэя», высота его борта ненамного превышала высоту борта «Костромы». Первая группа должна была захватить надстройку, и прежде всего ходовую рубку. Для броска десантники первой группы должны были сосредоточиться в офицерском коридоре и по сооруженному на юте трапу перебежать на судно противника. Вторая и третья группы должны были попытаться отбить носовой и кормовой трюмы. Ну а если повезет, то и попытаться найти заложенную взрывчатку, а если повезет уже совсем-совсем, то и разминировать смертоносный груз. Местом их сосредоточения должен был стать камбуз.

При этом и Шубину, и всем остальным было предельно понятно, что все они с самого начала являются фактическими смертниками, так как выполнить столь авантюрный план можно было лишь при стечении такого количества счастливых факторов, что поверить в это было сложно. К тому же противостояли черноморцам не запуганные феллахи, а мотивированные спецназовцы ИГИЛ, причем, скорее всего, являвшиеся шахидами. Конечно, и Шубин, и все остальные понимали, что вряд ли террористы поверят в мирные настроения оказавшегося рядом с ними русского боевого корабля. Надежда была лишь на то, что они знают о «сирийском экспрессе» и появление российского десантного корабля не будет для них неожиданно. Кроме этого заполненный грузами БДК теоретически не представляет особой опасности в открытом море для большого судна. Но это все были лишь предположения, высосанные из пальца. Как все сложится на самом деле, не смог бы спрогнозировать, наверное, никто.

После разговора с министром обороны Шубина еще несколько раз вызывали на связь всевозможные консультанты по антитеррору, дававшие всевозможные советы. При этом каждый из них в конце своего монолога признавал, что он еще никогда не сталкивался с ситуацией, когда бы предстояло с неподготовленными людьми захватить начиненное отравляющими веществами и заминированное судно, причем в открытом море и на ходу. К тому же не имея при этом никакого специального оборудования. Каждый из экспертов в конце своей речи обязательно вздыхал, признавался, что ему сложно что-то конкретно советовать, не имея никакой информации, и говорил ритуальное: «Ну, а в целом, командир, действуй по обстановке». Поняв после третьего разговора, что толку от советчиков никакого не будет, Шубин, сославшись на занятость, больше к переговорному устройству не подходил.

Просил командир «Костромы» переслать ему подробную схему размещения внутренних помещений «Кейп Рэя», чтобы хоть как-то ориентироваться во время захвата. На это получил ответ: «Сейчас мы ведем с американцами переговоры по данному вопросу».

– Ну, и когда этот вопрос решится? – еле сдерживая себя, чтобы не взорваться, спросил он.

– Этого мы вам точно сказать не можем! – было ему ответом.

– Короче, товарищ командир, подставили нас по полной. И сами костыми ляжем, и корабль с людьми погубим. И все, как обычно, из-за проклятущего дяди Сэма, заточку ему под ребро! – взгрустнул Матюшкин.

– Хватит тут нюни разводить! – пресек его Шубин. – Ты что, оробел, что ли?

– Ну, вот еще, – обиделся заместитель по работе с личным составом. – Просто констатирую реальную ситуацию, вляпались по полной.

– Как вляпались, так и разляпаемся! – поставил точку в неприятном разговоре Шубин, но без особой уверенности в голосе.

Главными советниками в деле подготовки групп захвата выступили отставной полковник-бард Стас Сивашев и прапорщик морской пехоты Олег Чепижко. Их же Шубин и назначил командирами самих групп. Две первые ударные штурмовые группы укомплектовали прежде

всего морпехами и контрактниками из сопровождавших грузы, добавив туда и по несколько наиболее подготовленных матросов из экипажа корабля. Третью, резервную, группу укомплектовали уже в основном матросами «Костромы».

Медицинскую помощь обеспечивал доктор Еналеев с санитаром в операционной и фельдшер Теремов с двумя санитарями непосредственно на палубе для оказания первой помощи и доставки раненых в операционную.

Обиженный на недоверие, просился на abordаж и Матюшкин, но Шубин велел ему пока оставаться на корабле.

– Кто знает, какая еще сложится ситуация. Будешь командовать резервной группой, так сказать, резервом главного командования. Думаю, работы хватит всем.

– Есть быть резервом РГК! – козырнул повеселевший Матюшкин. – Я все-таки комиссар, поэтому всегда должен быть в бою рядом со своими бойцами. Иначе какой же он тогда комиссар!

– Кстати, проведи ревизию имеющихся на борту противогазов и обеспечь ими группы захвата.

– Вряд ли удастся всем подобрать по размеру! – развел руками Матюшкин.

– Тут уж не до жиру!

После совещания с командирами групп захвата окончательный план приобрел следующий вид. Первая группа полковника Сивашева должна была высаживаться ближе к баку и брать на себя носовую оконечность судна вместе с носовым трюмом. Вторая группа прапорщика Чепижко должна была захватить кормовую надстройку, машинное отделение и кормовой трюм. Резервная группа капитана 3-го ранга Матюшкина должна была «огнем и маневром» оказывать поддержку на том участке, где ситуация будет складываться не в нашу пользу.

Свежеиспеченные десантники старались не терять времени и хоть немного потренироваться. Сивашев и Чепижко были в поту, стремясь за несколько часов добиться невозможного – превратить рядовых моряков в специалистов антитеррора.

А затем к Шубину явилась целая делегация артистов: певец Панфилов, поэт Березкин, звуковик Зубарев и певица Таня Пахомова. Не было лишь Звездинской.

– Мне сейчас не до вас! – рыкнул на них Шубин. – Не мешайте работать!

Но артисты уходить не собирались.

– Вы сами говорили, что на военном судне не бывает пассажиров, – заявил, откинув театральным жестом со лба волосы, Вадим Панфилов.

– Кстати, и я, и Вадим служили срочную и не понаслышке знаем, что такое АКМ, – продолжил мысль товарища Ян Березкин. – Кроме этого я вырос на Чукотке, с детства бывал с отцом в тундре и знаю, что такое СКС.

– Били белку в глаз? – хмыкнул Шубин.

– Белку не бил, а вот волков доводилось! Мальчишками мы охраняли от них стада оленей.

– А как же ваши очки? – кивнул командир «Костромы» на поэта.

– Я прекрасно стреляю и в очках! – мгновенно отреагировал тот.

– Переубедить вас мне не удастся, поэтому сразу перейду к оскорблениям! – мрачно пошутил Шубин, потом махнул рукой. – Ладно, так тому и быть! Оба войдете в состав резервной группы под командой помощника! Надеюсь, вопросов ко мне больше нет?

– Есть! – сделал шаг вперед звуковик Зубарев. – А имеется ли у вас, товарищ командир, на корабле специалист-химик?

– По штату есть, но в отравляющих веществах он понимает не больше, чем остальные.

– В таком случае могу рекомендовать вам свою особу, так как в свое время имел честь закончить химико-технологический институт и на военной кафедре все пять лет талдычил именно зарины с зоманами.

– Да! – поднял брови Шубин. – Это меняет дело. Тогда, если не возражаете, пойдете с группой захвата.

– Если можно, то я бы со Стасом, все же мы давно знакомы, а в бою чувствовать плечо друга, как известно, не последнее дело.

– Хорошо, идите с Сивашевым!

– А я! – неожиданно вылезла вперед певица Пахомова.

– А что вы? – нетерпеливо передернул плечами Шубин, давая понять, что его ждет масса куда более важных дел, чем разговор с молодой певичкой.

Вместо ответа Таня молча продемонстрировала взятый с камбуза нож и тут же с силой метнула его в висевшую над столом книжную полку. От неожиданности Шубин даже отшатнулся. Нож с хрустом вошел в дерево наполовину лезвия.

– Я не только джигитовкой с саблями занималась, но и ножи метаю так, что любого дорого! – окончательно взяла ситуацию в свои руки Таня. – Вы же сами говорите, что захваченное судно набито химией и если все взорвется, мало не покажется. Стрелять-то там будет опасно. А тут я, вся такая, с ножиками...

Шубин почесал затылок, но возразить не смог.

– А не побоишься? – спросил, все же оставляя певице шанс к отступлению.

– Я-то? – заулыбалась Таня. – Не дождетесь, я ж казачка! У меня дед всю войну в пластунах провоевал!

– Ну, это серьезно меняет дело, – улыбнулся Шубин. – Тогда к Стасу вместе с Зубаревым. Будет у вас такая «концертная группа захвата»!

– Ой, спасибочки! – всплеснула от радости руками Таня.

– Значит так, – посерьезнев, подвел итог разговору Шубин, – двое – в группу Сивашева, двое – в резервную группу капитана 3-го ранга Марченко. А теперь шагом марш к своим командирам на инструктаж и боевое слаживание.

Артисты гурьбой выскочили из каюты. А Шубин, глядя им вслед, вспомнил Танино «ой, спасибочки» и вздохнул. Только что эта хрупкая девчонка напросилась у него почти на верную смерть и при этом еще поблагодарила. Странно, но Танькин энтузиазм и ее детская непосредственность придали Шубину какую-то внутреннюю уверенность, что все завтра будет хорошо.

Вскоре из Москвы поступило сообщение, что «Кейп Рэй» изменил курс. После расчетов Наумова выяснилось, что догнать его можно будет лишь на рассвете следующего дня. Честно говоря, Шубин этому сообщению обрадовался. Несколько часов «форы» можно было использовать на боевое слаживание штурмовых групп и хотя бы небольшой отдых личного состава.

Пока не стемнело, Шубин дал указание Марченко организовать стрельбы из автоматов. Пусть новоиспеченные «спецназовцы» вспомнят былые навыки (те, кто их имел) или хотя бы получат начальное представление, как стрелять (те, кто таких навыков не имел). Корабль был на ходу, поэтому стреляли не по брошенным в воду жестяным ящикам, а по поставленным на планширь бутылкам. В отдалении хмурился боцман Кулаков, с мукой на лице наблюдая, как пущенные мимо пули кромсают недавно покрашенный фальшборт.

Треск автоматов вспугнул дремавших на волнах чаек и те, взлетев, с криками кружили над «Костромой».

Ближе к вечеру Шубин обошел корабль. На верхней палубе командиры групп захвата проводили тренировки новых подчиненных, насколько вообще можно подготовить человека к спецоперации за несколько часов. У 30-миллиметровой артустановки со своими «рогатыми» возился Игорь Витюков. Завтра от ювелирности его стрельбы тоже будет зависеть немало. Спустился вниз. Прошел по кораблю. Заглянул в медблок, где Рустем Еналеев тоже готовился к завтрашнему дню. Проходя мимо операционной, увидел, что там все уже готово к приему раненых. Непроизвольно сбавил шаг. Кто знает, кому из находящихся сегодня на борту «Костромы» придется завтра лечь здесь под скальпель Рустема...

Возле Рустема крутилась певица Элеонора Звездинская. На Шубина она на этот раз даже не обратила внимания. Звездинская перебирала какие-то лекарства и все время заглядывала в глаза доктору. Наконец, она увидела Шубина:

– Не знаю, как у вас, а у нас на борту все о'кей! – с вызовом сказала ему.

У Шубина, вспомнившего знаменитую татуировку доктора, поползли вверх брови. Все понявший Еналеев лишь смущенно пожал плечами: мол, что взять с женщин, которые не умеют хранить секретов.

«Вот ведь как бывает, – подумал Шубин. – Вроде и та, и другая певицы, но одна готова на смерть за общее дело, а у второй только секс на уме!»

Командир поднялся на верхнюю палубу. Вдоль правого борта, которым планировалось навалиться на «Кейп Рэй», уже расставили дымовые шашки – зеленые металлические бочонки с химическим составом. Чтобы поджечь дымшашку, в нее надо было вставить запал, после чего разбить его молотком. Запалы уже были вставлены, а молоток наготове.

А вскоре последовала новая вводная. «Кейп Рэй» изменил курс, и теперь «Костроме», чтобы выйти на захваченное судно на траверзе Крита, надо было не только менять курс, но и форсировать ход.

Командир БЧ-5 Николай Каланов, к удивлению Шубина, предполагавшего, что механик, как обычно, начнет вздыхать, к вводной отнесся философски:

– Дизеля мы, ясное дело, при таком режиме посадим, но ведь на войне как на войне!

Впрочем, изменившаяся обстановка имела и свой плюс. Теперь по расчетам (если террористы снова не изменят свой генеральный курс) встреча БДК и ролкера должна была произойти на рассвете. Дарованную провидением отсрочку надо было использовать с максимальной пользой для дела, ну, а кроме всего прочего, дать еще людям время и на отдых.

Впереди у Шубина была бессонная ночь и масса дел, которые надо было еще успеть переделать. В какой-то момент он даже подумал о том, а не написать ли на всякий случай прощальное письмо с последним признанием в любви жене и отцовским назиданием детям, как он не раз видел в фильмах. Но потом устыдился своего малодушия и передумал. Во-первых, такие письма он писать не умел, а, во-вторых, если «бармалеи» все же рванут свою химию во время захвата, то не только от него, но и от письма мало что останется.

...Над морем спускались сумерки. Вахтенный офицер включил ходовые огни. С юта все еще доносились последние автоматные очереди. Корпус корабля мелко дрожал от работы машин. Высоко в небе плыли облака, и последние отблески уходящего солнца окрашивали волны в багровый цвет.

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

После утреннего намаза в командирской каюте Сейфуддин не торопясь свернул свой молитвенный коврик. Хотел было еще раз посмотреть, насколько надежно установлены взрыватели в трюмах, но неожиданно заверещало переговорное устройство:

– Американские самолеты!

Сейфуддин поднялся в ходовую рубку. Высоко в небе действительно ревели турбинами несколько американских самолетов. Не подходя близко, они описали пару кругов и улетели.

– Кажется, это все, на что способны эти трусливые янки! – посмеялся Сейфуддин. – Пусть летают, сколько хотят, ни бомбить, ни стрелять по нам они не посмеют! Ведь тогда против них ополчится весь мир!

Подали только что сваренный кофе. Выйдя на крыло мостика, Сейфуддин подставил лицо солнцу и, жмурясь от удовольствия, не торопясь отпивал обжигающий напиток маленькими глотками.

Солнце только-только показалось за морским окоемом. Сейфуддин вышел на крыло мостика и вздохнул полной грудью. Ему было хорошо. С морем была связана вся его предыдущая жизнь. В нынешней же жизни постоять на мостике идущего по морю судна, увы, выпадало нечасто. Поэтому дарованными ему мгновениями Сейфуддин дорожил. Как хорошо стоять, облокотившись на фальшборт и, ни о чем не думая, просто глядеть на бесконечную морскую гладь. На душе его было спокойно и благостно, он почти кеффовал! Все пока складывалось именно так, как было спланировано, и никаких неприятностей в ближайшее время Сейфуддин для себя не ожидал.

– Слева по курсу цель идет сближающимся курсом! – доложил помощник по морской части Саид.

– Что еще за цель? – Сейфуддин передал чашку стоявшему рядом верному Али.

Вернулся в рубку, посмотрев на индикатор локатора, успокоился. Цель шла небольшой скоростью и никак не походила на корабль, посланный на перехват «Кейп Рэя». На всякий случай Сейфуддин приказал усилить наблюдение за обстановкой и следить за перемещением цели. Если это все же перехватчик, то он обязательно будет маневрировать, чтобы подскочить поближе. Время шло, а цель по-прежнему вела себя очень мирно.

«Хотя бережного Аллах бережет, но все же нельзя в каждой появляющейся на индикаторе отметке видеть врага. Местные воды пересекает ни один морской маршрут, а потому до точки взрыва таких встреч будет еще немало. К тому же вряд ли американцы уже раззвонили на весь мир о своем вчерашнем позоре», – думал Сейфуддин.

По докладу оператора, «Кейп Рэй» должен был разминуться с встречным судном кабельтовых в шести. Дистанция, конечно, минимальная, но вполне позволительная.

Из состояния блаженства Сейфуддина вызвал доклад радиометриста:

– Дистанция до цели сократилась до восьми миль! – доложил оператор навигационной станции.

Сейфуддин снова вышел на крыло мостика, чтобы самому удостовериться, кто же это посмел нарушить его покой. Он навел окуляры бинокля на появившийся на горизонте темно-шаровый силуэт. Двенадцатикратная оптика давала возможность уже не только разглядеть очертания судна, но даже определить его класс. Опытному Сейфуддину не надо было много времени, чтобы разобраться. Вдалеке, взбивая тупым форштевнем пену, шуровал русский десантный корабль.

Сейфуддин еще раз навел бинокль. Так и есть – русский БДК! Спутать его с кем-то другим было просто невозможно.

Облокотившись на фальшборт, Сейфуддин задумался: «Вообще-то “сирийский экспресс”, с которым ему уже приходилось иметь дело, должен проходить немного восточнее, чем обнаруженный им русский корабль. Но, по последней информации, у русских за последние пару недель в очередной раз обострились отношения с американцами, и, вполне возможно, чтобы избежать нежелательных встреч, они подкорректировали маршрут перехода, отдалив его от побережья. Кстати, может быть, именно по этой причине американцы и не предупредили своих недругов о захвате своего судна. Иначе бы этот десантник не шел мимо нас, так, как будто мы заурядный ролкер».

Сейфуддин еще раз приложил к глазам бинокль и... сердце его учащенно забилося. На борту русского корабля он увидел знакомые цифры – «217». Это был бортовой номер большого десантного корабля «Кострома», того самого, который он так неудачно пытался таранить в Босфоре и командир которого так лихо оставил его тогда в дураках.

Несколько мгновений Сейфуддин раздумывал. Конечно, согласно всех данных ему инструкций, он должен был сейчас подвернуть и, пропустив русского как можно дальше от себя, продолжить путь. Истинный шахид не может руководствоваться ничем иным, кроме

стремления исполнить свой священный долг. Но чувство азарта, осознание того, что сейчас он вполне может взять реванш за прошлое поражение, уже овладело его душой и сердцем.

«А ведь русский командир наверняка не забыл той истории и до сих пор считает себя победителем!» – со злостью думал Сейфуддин.

От мысли, что сейчас совсем рядом находится человек, который одержал верх в противостоянии с ним, Сейфуддину стало не по себе.

Он еще раз поглядел на медленно приближавшийся БДК. Носовое оружие на нем было в походном положении, на палубе безлюдно. Это и понятно, русский командир считает, что после проливов самое трудное осталось позади, и сейчас наверняка расслабляется в каюте. Сейфуддин, разумеется, прекрасно знал, что российские корабли в Тартус ходят не порожняком.

«А ведь через несколько дней оружие с русского корабля будет использовано против его единомышленников! Кто знает, сколько жизней воинов джихада заберет доставленное этим кораблем оружие! А что, если попробовать захватить этого недоумка, – подумал Сейфуддин. – Американцам мы уже всыпали по первое число с их фрегатом. Бочки с отравляющим веществом тоже никуда не денутся. Пусть же теперь и русские почешутся! Да и несколько захваченных посреди моря танков станут настоящей мировой сенсацией. Амир аль-бахр привык возвращать долги. Конечно, он в данном случае поступает своевольно, но победителей не судят. К тому же этот экспромт пойдет халифату только на пользу».

«Рисковать или не рисковать. – Сейфуддин опять задумался, нервно теребя короткую бороду. – Пока расходимся, я вполне могу поболтать по УКВ с русским командиром и понять, что он знает, а чего не знает. Риска особого в этом нет. О последних событиях, связанных с “Кейп Рэм” русский, судя по всему, пока не имеет никакого представления, иначе бы уже давно задергался. К тому же на мачте у меня американский флаг, да и само судно, проверяя хоть по самым дотошным справочникам, американское. Ну и, наконец, когда еще представится возможность попрактиковаться в русском языке с русским моряком», – придумывал Сейфуддин все новые и новые доводы для того, чтобы выйти на контакт с приближавшимся кораблем.

При этом, в глубине души Сейфуддин признался самому себе, что на самом деле сейчас им двигает страстное желание услышать голос командира «Костромы», услышать человека, поставившего под сомнение его репутацию лучшего диверсанта ИГИЛ.

– Соедини меня со встречным судном на УКВ! – велел он радисту.

– Русские на связи! – через пару минут ответил тот.

«Вот и русский язык пригодился», – удовлетворенно подумал Сейфуддин, поднося к уху трубку:

– Я есть капитан американского судна «Кейп Рэй»! Рад приветствовать русского капитана! – начал он разговор, подражая английскому акценту.

– Командир большого десантного корабля российского флота, – не очень дружелюбно отозвалась трубка.

Сейфуддин зажмурился, открыл глаза и снова зажмурился. Потом больно ущипнул себя. Сон или явь? Слуховая память у него была отличная. Поразительно, но он вспомнил этот голос! Это был голос его старого товарища по учебе в Ленинградском военно-морском училище Владимира Шубина. Неужели это тот самый Джахангир! Или совпадение? Нет, слуховая память Сейфуддина еще никогда не подводила. Вот так встреча! Да, он не ошибся. Сейфуддин вспомнил, что давно, еще до начала джихада в Сирии, отец сказал им с братом, что Шубин-младший служит именно на десантных кораблях, и именно на Черноморском флоте. Сейфуддин еще раз прикинул, сколько лет прошло с момента окончания училища, и усмехнулся, что-то не слишком блестящей оказалась карьера у бывшего приятеля.

«Так вот кто, оказывается, был на мостике “Костромы” в Босфоре! Значит, это именно с Шубиным, не имея понятия, кто есть кто, они совсем недавно противостояли друг другу. Ну

что же, Аллах, конечно, не случайно свел их снова сейчас. Судя по всему, Господь предоставил ему уникальную возможность взять реванш за прошлое поражение, и он обязан этим шансом воспользоваться. Что ж, игра становится весьма занятной, причем все козыри сейчас в моих руках», – лихорадочно думал Сейфуддин.

– Дистанция с военным кораблем сокращается! – с озабоченностью посмотрел на него помощник Саид.

В ответ Сейфуддин только мотнул головой.

«А вдруг десантный корабль – это элементарная приманка и имя Шубина – лишь придуманная легенда, чтобы сорвать его миссию? Но нет, так глубоко продумать все нюансы за столь короткое время просто невозможно. Единственное объяснение – перед ним действительно груженный техникой русский корабль из “сирийского экспресса” – безликий ишак несправедливой войны, а на мостике “ишака” действительно его бывший друг и соученик по высшему военно-морскому училищу имени Фрунзе».

Разумеется, Сейфуддин прекрасно отдавал себе отчет в том, что не имеет никакого права отвлекаться на такие пустяки, как этот несчастный БДК. Глава морского спецназа ИГИЛ еще некоторое время терзался сомнениями. Наконец он принял окончательное решение: роль командиром русского корабля является именно Шубин, который опозорил его на весь ИГИЛ, он просто обязан восстановить свое первенство над ним.

Убедив себя в этом, амир аль-бахра почти сразу прикинул и план операции по захвату БДК. Шубин вряд ли знает о его судьбе, как и о судьбе его отца и брата. К тому же он когда-то был влюблен в Марьям, а такое не забывается. На этом можно и сыграть. Дальше так: он объявляет Шубину свое имя, говорит, что на борту Марьям, а на судне проблемы с машиной, попросит помощи. Шубин, разумеется, не откажет. Остальное, как говорится, дело техники. Не шубинским толстозадям офицерам и тупоголовым матросам тягаться с его волками. Захватившую команду он отправит на корм рыбам вслед за америкосами, корабль – на дно, а видео позорного потопления – на телеканал «Аль-Джазира». Сейфуддин представил, как он обставит казнь самого обманутого Джахангира.

«О, это не будет идти ни в какое сравнение с расправой над командиром “Кейп Рэй”, до которого ему, собственно говоря, и не было особо никакого дела. Теперь же у него есть личный интерес, да еще какой! Невозможно даже предположить, как будет себя вести Шубин, когда на его глазах Али начнет рубить головы русским матросам. Как будет вести он себя перед собственной смертью: молить о пощаде, ползать в ногах или, как глупый янки, пытаться плюнуть в лицо своему обидчику? А какой эффект произведет на Джахангира внезапное появление некогда любимой женщины? И это перед самой смертью! И все это будет происходить у него, Сейфуддина, на глазах! О, это будет не повторение вчерашнего реалити-шоу, это будет настоящая русская трагедия с элементами любовной драмы! Ничего подобного не смог придумать ни один писатель, ни один режиссер. Это сделает только он!»

Сейфуддин решительно дернул ручки с машинного телеграфа, поставив стрелки на отметку «Стоп».

Стоявший рядом Саид вопросительно глянул на своего главаря, но тот никак на это не отреагировал. «Кейп Рэй» еще некоторое время шел по инерции. Затем фонтан брызг у его форштевня резко спал.

– Я командир большого десантного корабля российского флота! – донеслось из трубки. – У вас все нормально?

– Я капитан вспомогательного судна «Кейп Рэй» резерва ВМС США Махмуд Шумани. Следую курсом в Неаполь. Имею неисправность главной машины. Нуждаюсь в помощи.

– Вас понял, – отозвалась трубка. – Вы хорошо говорите по-русски!

– Еще бы, ведь я шесть лет учился с тобой в одном училище! – Сейфуддин сделал паузу, представив сейчас изумленное лицо своего визави. – Я-то тебя, Володя, сразу узнал, а вот ты меня, похоже, уже забыл!

– Неужели Самака?! – раздался удивленный возглас в трубке.

– Он самый. Привет, Джахангир!

– Как ты оказался на американском судне! Я знаю только, что вы с братом несколько лет назад ушли с сирийского флота.

– Все правильно, в начале беспорядков мы с Ахмедом уволились из ВМС. Я нанялся штурманом под греческий флаг, затем под штатовский, потом получил «грин карту». Ходил вторым и первым помощником на вспомогательных судах и вот первый рейс иду капитаном!

– А что с Ахмедом, как отец?

В голосе Шубина слышались неподдельное удивление столь неожиданной встречей посреди моря и столь же неподдельная радость.

– Отец умер, а об Ахмеде расскажу потом. Так ты мне с поломкой поможешь?

– Нет проблем, у меня опытный механик, чем можем, поможем. Я пришлю к тебе людей.

– Буду очень благодарен. Ну, а сам не хочешь навестить старого друга, когда еще удастся увидеться.

После этого голос с «Костромы» надолго замолчал...

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Когда Шубин услышал из динамика переговорного устройства, что «Кейп Рэем» командует никто иной, а его старый приятель по ВВМУ имени Фрунзе Махмуд Шумани, то подумал, что его просто разыгрывают. Когда же «Шумани» откликнулся на свое училищное прозвище Самака (т. е. рыба), да еще назвал самого Шубина Джахангиром, тогда как об этом знали лишь трое: сам Шубин и два брата Шумани, ему стало понятно, что Махмуд Шумани действительно находится на борту «Кейп Рэя». О том, в какой роли он там пребывает, можно было только предполагать. Больше всего Шубин склонялся к версии, что Шумани взят в заложники и как человек, разбирающийся в морском деле, насильно используется боевиками.

«В принципе ничего странного в его появлении на захваченном террористами американском судне нет, – рассуждал Шубин. – Махмуд – опытный судоводитель, и игиловцы вполне могли его захватить и заставить под дулами автоматов выполнять обязанности капитана. А может, он вообще заодно с террористами, ведь Махмуд и в юности отличался повышенной религиозностью, в отличие от своего веселого брата-близнеца Ахмеда. Нет, скорее всего, Махмуд все же капитан-заложник. А как же тот факт, что Махмуд говорил с ним по связи вполне спокойно и даже весело? Под автоматным дулом так не говорят. А что вообще я знаю о Махмуде? А ничего! Сколько лет прошло со времени нашего общения, да и с флота Махмуд давно ушел. С тех пор с человеком могло произойти все, что хочешь. Пока ясно было одно: заманивает меня Самака к себе не случайно, и у террористов есть относительно “Костромы” какой-то план». Но зачем террористам понадобилось останавливать его БДК, когда у них есть такое сверхважное дело, как уничтожение половины Европы, Шубин понять не мог. Было совершенно очевидно, что все ответы на свои вопросы он получит, только ступив на палубу «Кейп Рэя».

Когда же в продолжение разговора Шумани заявил, что «Кейп Рэй» потерял (причем только что!) ход из-за поломки машины, попросил помощи и пригласил Шубина прибыть к нему на борт, командир «Костромы» взял паузу. Отжав танкетку, Шубин повернулся к собравшимся в рубке офицерам:

– Что скажете?

С самого начала разговора с «Кейп Рэм» Шубин переключил динамик в положение «громкой связи», и диалог в эфире слушали все бывшие в ходовой рубке.

– Современный балкер имеет серьезные проблемы с машиной посреди Средиземного моря и просит срочной помощи у первого встречного судна – это что-то из раздела ненаучной фантастики! – хмыкнул Каланов и вопросительно посмотрел на Шубина. – Они нас что, принимают за полных болванов?

– Логично! – согласились Матюшкин с Витюковым.

Шубин промолчал. Просьба «капитана американского судна» выглядела действительно более чем странно. Во-первых, выход из строя двигательной установки на современном балкере сама по себе вещь весьма маловероятная. К тому же в Средиземное море – это не Тихий океан, а потому капитану куда логичнее было бы обратиться к вполне конкретным специалистам. Ну, а кроме того, в нынешней непростой ситуации российско-американских отношений обращаться с этой идиотской просьбой именно к российскому военному кораблю было еще более нелогичным. Впрочем, на «терпящем бедствие» судне сейчас верховодили террористы, действия которых и не должны были укладываться в правила обычной логики. Но ведь и террористам зачем-то понадобилось ломать комедию с поломкой? Возможно, что после обнаружения «Костромы» у них появились какие-то виды на нее. И сообщение о поломке (как и явно запоздалая остановка хода!) было очевидным экспромтом.

– Как ни крути, а это явная подстава, – снова обратился к командиру Каланов. – Знать бы, что они там замышляют, ведь не просто так они нас к себе заманивают.

– Может быть, они и принимают нас за болванов, может быть, иначе, но то, что они что-то замыслили, – это точно. Однако в любом случае мы сможем все выяснить только на месте!

– Неужели заглотим этот дешевый крючок? – у командира БЧ-5 поползли вверх брови.

– Коля, предложи мне другой вариант! – в раздражении повысил голос Шубин. – Ведь наша главная задача – отбить судно у террористов. Для этого надо как-то сблизиться с ним, перебросить группы захвата, затем выиграть стрелковый бой с профессионалами, не дав при этом им взорвать свое судно, к подрыву которого все уже они, конечно, давно приготовили. Шансов решить все эти задачи еще несколько минут назад у нас было – кот наплакал. Теперь они резко повысились. Террористы сами приглашают нас к себе. Этим мы, по крайней мере, уже решаем первую из задач – сближаемся вплотную и перебрасываем на борт американца свои боевые группы. А это уже, согласись, немало.

– Но это же явная ловушка! – возразили собравшиеся.

– Конечно, ловушка, – согласился Шубин. – Вся штука в том, что они, скорее всего, считают, что мы не знаем, кто они такие. А мы знаем, и в этом пока наше маленькое преимущество, которое надо использовать.

Он нажал тангетку, чтобы продолжить прерванную беседу.

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

...Затянувшаяся пауза в разговоре насторожила Сейфуддина, вдруг Шубину уже известно, что судно захвачено джихидистами и он просто водит его за нос? Он глянул на российский корабль. Там ничего особенного не происходило. «Кострома» шла той же скоростью, что и ранее, тем же курсом, а на ее палубе было пусто.

Наконец, Сейфуддин услышал голос Шубина:

– Вообще-то, конечно, увидеться было бы здорово. Извини за паузу. Я тут собрал офицеров и советовался с ними. Дело в том, что у нас командиру запрещено покидать корабль, выполняющий боевую задачу. К тому же, сам понимаешь, с вашей Америкой у нас сейчас не самые лучшие отношения...

– Ну, отношения между нашими странами – это одно, а между нами – совсем другое! – облегченно вздохнул Сейфуддин.

Ему понравилась откровенность Шубина о том, что он собрал на совет офицеров. На месте Шубина он, наверное, поступил бы так же. Вполне логичным были и шубинские сомнения относительно посещения им американского судна.

В трубке опять замолчали. Шубин опять держал паузу. Сейфуддин напрягся: «Неужели Джахангир соскочит с его крючка! Что ж, пришла пора дать хорошую наживку!»

– Кстати, ты Марину еще помнишь? – произнес он почти шепотом.

«Ну, как посмотрим, что ты сейчас заговоришь!» – подумал Сейфуддин, прислушиваясь к все еще молчавшей трубке. Ему даже показалось, что он слышит приглушенное дыхание собеседника. Сейфуддин скривил губы: «Разволновался! Значит, не забыл! Это хорошо!»

– Помню... – наконец отозвалась трубка. – У нее... все нормально?

– Более чем... – теперь уже многозначительную паузу сделал Сейфуддин, ибо мяч сейчас был на его стороне. – Вот упростила, чтобы взял с собой в рейс. Сейчас рядом со мной, машет ручкой, шлет тебе привет.

Шубин сразу ничего не ответил, явно переваривая полученную информацию. В том, что русский командир обязательно ответит и ответит так, как надо ему, Сейфуддин больше не сомневался. Довольный произведенным эффектом, он улыбнулся. Что и говорить, Сейфуддин не ожидал, что Шубин так быстро схватит брошенную ему наживку, но, как говорится, в данном случае сошлись все звезды. Теперь надо было только не дать рыбе сорваться!

– От меня тоже привет! – после достаточно продолжительной паузы сдавленно ответил Шубин. – Ну, что делать... Катером я все равно не могу... Только послать механиков... Сам понимаешь (в трубке искренне вздохнули)...

– А может, сойдемся бортами? – предложил Сейфуддин. – И время займет меньше, да и мы хоть как-то пообщаемся. Вот... и Марина просит...

Останавливаться «на стопе» посреди моря во время выполнения миссии, а тем более вступать в какие-либо сношения с проходящими мимо судами Сейфуддину было категорически запрещено. Об этом прекрасно знал и помощник Саид, который все время нервно поглядывал на командира. Понять Саида было можно. Что-то советовать амир аль-бахру он не имел права. Однако в случае неудачи спрос с него был бы такой же, как и с начальника. Но Сейфуддину сейчас было глубоко наплевать на нервы своего помощника. Он начал потрясаяще азартную и к тому же практически беспроегрешную игру, которую был просто обязан довести до логического конца.

Мысленно Сейфуддин уже прокрутил все последующие шаги. Итак, «Кострома» подходит борт в борт к «Кейп Рэю». После этого русские практически не смогут использовать свою артиллерию, т. к. «Кейп Рэй» попадет в «мертвую зону».

После швартовки ничего не подозревающий Шубин, переходит на борт «Кейп Рэя» и его препровождают в командирскую каюту. Сразу захватывать его Сейфуддин не собирался. Для начала хотел немного с ним поговорить, что называется «по душам». Затем по выстрелу в каюте (это будет условным сигналом) готовые к abordажу боевые группы, перепрыгнув через борт, атакуют «Кострому». Атакующие сразу же перебьют всех находящихся на палубе ротозеев. Что могут противопоставить его опытейшим боевикам безоружные русские? После этого на «Костроме», несомненно, начнется паника. Еще бы, на палубе полно трупов, оружия на руках ни у кого нет, а командир исчез! Воспользовавшись паникой, люди Сейфуддина быстро захватывают ходовую рубку, ГКП и ПЭЖ, сгоняют на палубу оставшихся в живых. Затем Сейфуддин лично сопроводит Шубина к месту казни, которым Али будет резать головы его подчиненным так же ловко, как вчера американцам. Пусть смотрит и трепещет! На захват десантного корабля Сейфуддин отводил не более получаса. Еще полчаса на казни. Столько же на закладку взрывчатки и подрыв БДК. Итого каких-то полтора часа. Это время он потом быстро нагонит

в пути. Как говорят русские, овчинка стоит выделки! С самим Шубиным уже потом, никуда не торопясь, можно будет разобраться на борту «Кейп Рэя». Это будет красивый спектакль, в котором свою роль сыграет и Марьям. Казнь униженного и сломленного Шубина Сейфуддин решил совершить самолично. Не отказывать же себе в столь редком удовольствии!

Но Шубин пока молчал...

«Ну, давай же, соглашайся, – мысленно призывал его Сейфуддин. – Огненный Иблис уже отверз тебе двери в ад! Согласится, обязательно согласится. Не может не согласиться!»

Мысленно Сейфуддин похвалил себя за удачный экспромт.

В ходовую рубку поднялся первый механик Сиглаф.

– Насколько я понимаю, мы будем захватывать русских? – спросил он, быстро оценив обстановку.

– Вроде того, – без особого энтузиазма кивнул Сейфуддин.

Несмотря на все оказанные ИГИЛ услуги и личное участие во вчерашней казни своих товарищей, американец Сейфуддину не нравился. Дело было даже не в самом Сиглафе, просто Сейфуддину вообще не нравились янки. Даже приняв ислам и встав на путь джихада, они все равно оставались во многом американцами, и переделать до конца их было просто невозможно. Вот и этот Сиглаф, несмотря на свою приверженность к идеям халифата, совершенно не знает своего места и ведет себя крайне непочтительно. Пока он, конечно, нужен, но, когда миссия будет выполнена и нужда в нем отпадет, Сейфуддин уже решил, что с удовольствием отдаст его на расправу верному Али.

– Если захватим русских, я хотел бы казнить их механика! – неожиданно заявил Сиглаф и, помолчав, добавил: – Как коллега коллегу! Вы не возражаете?

– Не возражаю! – ответил Сейфуддин и отвернулся, давая понять, что разговор между ними закончен.

Глядя в иллюминатор на русский корабль, Сейфуддин подумал, что вкусивший крови зверь уже никогда не может остановиться. Этот путь когда-то прошел он сам, теперь на эту тропу вступил и этот очкастый янки. К дебелимому, слюнявому механику-американцу Сейфуддин испытывал почти физическое отвращение. В другое время он бы давно отправил его на корм рыбам, но Сиглаф – ценный агент и его приказано терпеть.

Сейфуддин не мог объяснить даже самому себе, почему обманул Шубина, представившись именем брата-близнеца Махмуда. Особого смысла в этом не было, но привычка запутывать следы сработала автоматически.

Еще в начале «арабской весны» Ахмед проникся идеями джихада. Тогда же он покинул и сирийский ВМФ. Почти одновременно ушел с флота и брат-близнец Махмуд. Отец, бывший к тому времени в отставке, имел доходный бизнес в Алеппо, но стал прибалывать, и Махмуд отправился ему помогать. Против отца и брата Ахмед не имел ничего личного, пусть живут, как хотят. Но ИГИЛ требовались деньги. Ахмед же только начинал там свою карьеру, и ему во что бы ни стало надо было отличиться. Вначале он просто попросил у отца деньги по-хорошему. Но тот отказался наотрез. Не помогли и угрозы. Тогда пришлось отца с братом убить. Нет, никакого удовольствия от их убийства Ахмед не испытал, но и сожаления тоже. Каждый сам избирает свой путь к Аллаху. Захваченный бизнес он полностью передал эмиру, и тот в долгу не остался. После этого карьера Ахмеда стремительно пошла вверх. Что касается вдовы брата Марьям, то Ахмед убивать ее не стал, какой толк с мертвой женщины! Он просто отправил Марьям в лагерь для подготовки шахидок и надолго забыл о ее существовании. Когда же в ходе планирования операции понадобились как резервный вариант подрыва женщины-шахидки, он вспомнил о никчемной родственнице и очень удивился, узнав, что та еще жива. С еще двумя смертницами Ахмед взял Марьям с собой. И вот надо же, вдова брата весьма кстати пригодилась как приманка для Джахангира!

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

То, что на борту захваченного террористами судна находится и жена Махмуда Марина, еще больше уверило Шубина, что «Кейп Рэй» действительно захвачен террористами, а все разговоры Махмуда не что иное, как уловка. Честно говоря, о своей бывшей первой любви Шубин давным-давно забыл, тем более что та давняя история закончилась со стороны Марины весьма некрасиво. В нынешней жизни для Шубина существовала лишь одна женщина – его Лада. Однако при упоминании Марины он все же здорово расстроился, потому что, несмотря на свое предательство по отношению к Шубину, Марина все же оставалась частью его далекой юности. Теперь же ей, оказавшейся заложницей в руках озверевших бандитов, можно было только посочувствовать. По мнению Шубина, Махмуд, выйдя на связь с ним, действовал под дулами террористов. Игиловцам понадобился грамотный штурман, вот они и схватили Махмуда, а чтобы тот не артачился, и его жену. При этом Махмуд все же оказался молодцом – сумел ловко предупредить его о нахождении на судне своей жены. Конечно, в задачу Шубина не входит освобождение Махмуда и его супруги, однако было бы хорошо, если бы их удалось спасти.

Напоследок он еще раз собрал командиров штурмовых групп для последнего инструктажа:

– Итак, мы идем к борту «Кейп Рэя». План атаки несколько меняется. Боцман со своими ребятами заводит концы. Я в сопровождении пары морпехов иду к террористам. Иначе они сразу все поймут. Личный состав обеих групп захвата сосредоточивается в офицерском коридоре и на камбузе, частично недалеко от борта под видом любопытствующих. Оружие положить на палубу и прикрыть брезентом, чтобы нас не раскусили. Сейчас начнем маневрировать так, чтобы на время скрыть от террористов борт, которым будем подходить. Вдоль борта поставить дымовые шашки. С началом боя сразу же использовать и дымовые шашки, и дымовые гранаты. Дым – это наш шанс перескочить на американца без потерь. Если противник первым не атакует, то сигнал к атаке – первый выстрел с «Кейп Рэя». Возможно, стрелять буду я. Ну а вообще действуйте по обстановке.

Сивашев, Чепижко и Матюшкин рванули с места к своим людям, чтобы успеть проделать все, что приказал командир.

Шубин снова взял в руки банан переговорного устройства:

– Махмуд! Я начинаю маневрировать, чтобы ошвартоваться к твоему правому борту своим левым. Вышли наверх своих боцманят. С собой возьму механиков, может, чем и помогут.

– Отлично! – раздался почти восторженный крик Сейфуддина. – Я буду с нетерпением ждать, когда смогу заключить тебя в свои объятия, мой старый друг!

«То, что Махмуд согласен на наш подход, – это понятно, но почему он при этом столь радостен? Надеется на освобождение? Взятые в заложники обычно так себя не ведут!» Но раздумывать о Махмуде было уже некогда.

– Михалыч, – обратился к Марченко Шубин, – вступай в командование кораблем!

– Есть вступить в командование кораблем! – лаконично отозвался старший помощник.

Взяв ручку, он тут же сделал соответствующую запись в вахтенный журнал.

– А ты, Володя, постарайся ювелирно подойти к американцу, – оборотился он уже к стоящему на руле Пошевелю. – Не забывай, что там тысячи тонн отравляющих веществ!

– Не волнуйтесь, товарищ командир, все сделаю чики-пики! – улыбнулся главстаршина. – Вы же меня знаете!

Тем временем Шубин и Чепижко уже повели своих людей на палубу.

– Я тоже должен идти, – подошел к Шубину механик Каланов. – Для ремонта машины должен прибыть именно старший механик, иначе сразу разоблачат.

– Логично, – без энтузиазма кивнул Шубин. – Пойдешь со мной.

На самом деле идти «ремонтировать» машину без стармеха было бы подозрительным. Каланов тут же засунул за пояс под куртку табельный «макаров» и, расставив по карманам несколько обойм, без всяких эмоций доложил:

– Товарищ командир, я готов!

Он вместе с Калановым, Сивашевым, Чепижко и двумя морпехами спустился на палубу, где уже стоял готовый к швартовке боцман Кулаков с парой матросов. Сивашев присоединился к ним, вроде как тоже из боцкоманды. Поодаль, изображая любопытных, сосредоточилась часть группы захвата, оружие они, как и было приказано, прикрыли брезентом.

– Ну, Господи, благослови! – мысленно перекрестился Шубин и, повернувшись к идущим рядом Каланову, Чепижко и сержанту-морпеху, добавил: – Не суетитесь. За нами сейчас наблюдают. Без моей команды никаких действий не предпринимать. Если меня попробуют изолировать, я выстрелю. Повторяю: мой выстрел – сигнал к началу боя. Дальше по плану. Главная задача – отбить трюмы и лишить их хода.

Он взглянул на небо. Где-то высоко плыли редкие перистые облака. «Как знать, увижу ли я это небо завтра, – подумал Шубин и сразу отогнал плохие мысли. – Все нормально, надо верить в победу, а иначе зачем вообще идти в бой!»

– Как тебя зовут? – спросил он сопровождавшего его высокого и стройного сержанта-морпеха в лихо заломленном черном берете.

– Александр Комендант! – ответил тот с беззаботной улыбкой.

– Комендант чего? – не понял Шубин.

– Комендант – это фамилия!

– Не страшно в пасть к врагу идти, Комендант?

– А чего бояться, раз на свете живем! – еще раз улыбнулся тот. – Я же потомственный военный. Коменданты всегда Родине честно служили!

«Настоящий боец!» – не без уважения подумал Шубин, вслух же сказал:

– Так что Саша, будешь прикрывать нам спину.

...Пока Элеонора Звездинская занималась стерилизацией операционной – тщательно протирала подолок, стены и палубу спиртом, Рустем готовил место непосредственного проведения операций. Вскрыв стерилизованный пакет с бельем, он занавесил простынями операционный стол. Рядом придвинул столик, на который выложил большой хирургический набор и ампулы с анестетиками. Условия на корабле не предполагали операции под общим наркозом из-за отсутствия соответствующей аппаратуры. Поэтому доктор принял решение делать под местной анестезией.

Он еще и еще оглядывал, все ли готово к приему раненых. По кавказскому опыту Рустем знал, что, едва начнется бой, раненые пойдут не по одному, а буквально один за другим, и тогда некогда будет что-то искать и раскладывать. Он искоса поглядывал на Элеонору. Та деловито и даже увлеченно занималась операционной и инструментарием, что-то даже напевая себе под нос.

Задачи операционной сестры во время операции не менее сложны, чем у оперирующего хирурга. Операционная сестра обязана понимать хирурга без слов, по одному жесту, а то и без него. Подавать и забирать хирургические инструменты, считать инструментарий, чтобы ничего не осталось после операции в животе. Хорошая операционная медицинская сестра – это талант не меньший, чем талант хирурга. В идеале они оба должны работать, как единый, хорошо отлаженный механизм, – именно это есть гарантия успешных операций.

Что представляет собой Элеонора как хирургическая сестра, Рустем, разумеется, не знал. Такие вещи проверяются исключительно на практике. По тому, как Эля слушала его инструктаж, по тому, как она готовила помещение и саму себя к операциям, было видно, что она в этом деле не новичок и очень старается. Рустему очень хотелось, чтобы и в деле она показала себя как можно лучше. Почему? Прежде всего потому, что ему сейчас позарез был нужен толковый

помощник, а не матрос-санитар, который в любой момент от вида крови и развороченной раны может завалиться в обморок. Ну, а во-вторых, еще боясь до конца признаться себе, Рустем уже понимал, что эта молодая женщина с меццо-сопрано – не обычный «транзит» в его жизни, а настоящая, большая любовь.

– Ты знаешь, старик Гиппократ в древности говорил, что война – единственная настоящая школа для военного врача, – после долгого молчания сказал вслух Рустем.

– По мне, так уж лучше без такой школы! – передернула плечами Элеонора.

– Наверное, ты права, – задумчиво согласился Рустем. – А у меня уже по второму разу...

– А первый был где? – приподняла брови Звездинская.

– Первый был на Северном Кавказе.

– Там было страшно? – почему-то шепотом спросила певица, и Рустем увидел, как она побледнела.

– Страшно тем, кто сейчас там, – он кивнул головой в сторону верхней палубы, – наше же дело привычное – режь да шей!

– Знаешь, а я была хорошей медсестрой! У меня и в медучилище одни пятерки были. Но сцена, как наркотик. Кто хоть раз на нее вышел, тот с нее уже не уйдет. Ты меня понимаешь? – вздохнула Элеонора.

– Понимаю! – несколько отрешенно ответил доктор. – Это примерно, как для моряка море.

– Ну, ты сравнил! – ударила себя ладонями по коленям и весело рассмеялась Элеонора. – Сцену вообще нельзя ни с чем сравнивать!

– Это я как-то не подумал! – примирительно согласился Рустем.

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

Сейфуддин внимательно смотрел, как «Кострома» медленно описывает полукруг вокруг стоящего «на стопе» «Кейп Рэя».

«Странно, что Шубин так сложно маневрирует, ведь можно было значительно проще. Впрочем, это уже такие детали, на которые не стоит обращать внимания. У каждого командира свои заморочки», – думал он.

На «Кейп Рэе» к приему «гостей» все было уже готово. Люди из абордажных партий в готовности к бою уже сидели под верхней палубой. Рядом с Сейфуддином оставались лишь двое: помощник Саид и верный Али. Все необходимые приказы Сейфуддин уже сделал, и теперь захват русского корабля может происходить без его непосредственного участия. Каждый из воинов джихада опытен и знает, что и как ему делать.

Сейфуддин еще раз посмотрел на «Кострому». На палубе появились люди, но их было немного. Сейфуддин навел бинокль. Оружия ни у кого из стоявших на палубе он не увидел.

«Все идет по моему плану. Это боцманская команда, а за ними любопытные бездельники – овцы, определенные на заклание, но еще не знающие об этом», – подумал он.

Сейфуддин навел оптику на ходовой мостик. Там стоял какой-то молодой офицер с «каштаном» в руке, явно командовавший маневром корабля. «Это, скорее всего, помощник, которому Шубин перепоручил командование в свое отсутствие. А где же господин Джахангир собственной персоной?»

Сейфуддин немного повел биноклем вниз и в сторону и сразу же увидел группу людей, только что вышедших из внутренних помещений. Впереди всех шел Шубин. Сейфуддин его сразу узнал. Старый знакомец, конечно, заматерел со времени их знакомства, но был еще в весьма неплохой форме, и узнать его было еще легко. За Шубиным шел еще какой-то офицер и пара вооруженных матросов.

«Это, судя по всему, корабельные механики». Сейфуддин подозвал к себе палача Али:

– Проследи, чтобы встречающие русских на палубе были переодеты в американскую форму и спрятали оружие, чтобы заранее не вспугнуть русских. Остальным же находиться за надстройками в готовности к abordажу.

Сейфуддин глянул на безмолвно стоявшего рядом Саида.

– Видишь, все складывается именно так, как я рассчитал. Перед нами легкая добыча. Солнце еще не успеет достичь своего зенита, а мы уже будем казнить строптивых москвитов! Любая победа важнее семи правил мудрости!

– Нельзя поразить одной стрелой две мишени! – неожиданно подал голос Саид, потом добавил: – Умный уповает на свой труд, глупец же – лишь на призрачные надежды.

Сейфуддин опешил. Всегда послушный Саид посмел ему дерзить!

– Ты, наверное, забыл, кто ты и кто я! – зло сказал Саиду Сейфуддин. – Берегись, чтобы твой язык не отрезал твою шею!

Саид в знак покорности молча опустил глаза и склонил голову.

– С тобой я разберусь позже! – сказал ему Сейфуддин. – А пока командуй судном, я же пошел готовиться к встрече русского гостя. Как говорит наш халиф, да продлятся его годы, близкий враг лучше, чем далекий друг.

Темно-серый борт транспорта «Кейп Рэй» становился все ближе и ближе. Марченко грамотно сманеврировал и вывел корабль к американцу просто ювелирно. В другой ситуации это стоило бы похвалы. Не подкачал и рулевой Пошевеля, впритирку сблизившийся с огромным ролкером. Кулаков со своими матросами перекинули через борт кранцы, потом подали на «Кейп Рэй» швартовые концы, и находившиеся там бородатые «американцы», быстро их закрепили. Борт «Кейп Рэя», как и ожидалось, оказался незначительно выше, чем у «Костромы», и Шубин сразу отметил, что для штурма захваченного террористами судна разница в высоте бортов не явится серьезным препятствием.

С «Кейп Рэя» перекинули на «Кострому» переносной трап. Стараясь сохранять внешнее спокойствие, Шубин ступил на него и неторопливо перешел на «Кейп Рэй».

Следом за ним, стараясь не отставать, прапорщик Чепижко с мешком-кисой за плечами. В кисе, по «легенде», якобы были сложены инструменты для ремонта. На самом же деле там были автомат, запасные рожки и гранаты. Следом за Чепижко по трапу поднялся механик Каланов с такой же кисой. Замыкал шествие сержант морской пехоты Комендант, который был открыто вооружен автоматом. Едва все четверо оказались на палубе «Кейп Рэя», один из «американцев» протянул руку к кисе, чтобы ее расшнуровать, но Каланов решительно пресек его поползновение:

– В мешке инструмент для ремонта! Не трогать!

Понял террорист или нет слова Каланова, неизвестно, но решительный жест командира БЧ-5 его все же остановил.

По-видимому, не получив никаких конкретных указаний относительно обыска, террористы просто не знали, как себя вести с прибывшими гостями. Что касается самих встречавших, то оружия при них не было, наверное, чтобы, в свою очередь, не вспугнуть доверчивых русских. «Еще один плюс», – подумал Шубин.

– Good day! How are you? Where is your mechanic? (Добрый день! Как ваши дела? Где ваш механик?) – попытался вступить он в беседу с ближайшим из «американцев», но тот отпрянул от него.

– Что-то хозяева диковатые! – хмыкнул механик и скинул на палубу свою кису. Та громынула железом о железо. Следом за ним скинул свою кису и Чепижко. Второй мешок громынул еще больше. Террористы насторожились и опять было подступили к лежащим на палубе мешкам, но Чепижко недвусмысленно показал им свой жилистый кулак:

– На казенное добро хлебало не разевайте, обломаетесь!

– It is a tool for repairing your vehicle. It can not be touched, can break! (Это инструмент для ремонта вашего судна. Трогать его нельзя, можете сломать!) – Шубин доходчиво объяснил содержимое мешков, показав на них пальцем.

Террористы глядели мрачно, но прыти поубавили. Однако, когда наши попытались продвинуться на несколько шагов в глубь палубы, их сразу остановили.

– Do you have some problems? (У вас какие-то проблемы?) – переглянувшись с Чепижко, спросил «американцев» Шубин.

– Харам! – объявил один из находящихся на палубе и решительно преградил дорогу.

Пришлось подчиниться.

Краем глаза Шубин видел, как полковник Сивашев с боцманом Кулаковым и еще двумя морскими пехотинцами потихоньку сместились к самому трапу и, изображая любопытствующих, смеясь, махали руками «американцам». В это время на палубе показался здоровенный бородатый араб со шрамом через всю щеку и злыми прищуренными глазами.

«Так, наверно, выглядел разбойник Али-баба, – подумал Шубин, а, оглянувшись по сторонам, невесело усмехнулся: – Да тут вообще одни “Али-бабы”!»

Встречавший натужно изобразил улыбку, но глаза остались злыми. На плохом английском бородач со шрамом поприветствовал Шубина и жестом пригласил следовать за ним

– Good day! You are waited by the captain. I will accompanу you (Добрый день! Вас ждет капитан. Я буду вас сопровождать).

Взгляд командира «Костромы» профессионально скользнул по палубе судна и наткнулся на большое бурое пятно, которое явно забыли соскоблить. И хотя Шубин понимал, что во время захвата террористами «Кейп Рэя» вряд ли обошлось без жертв, вид огромного пятна крови заставил внутренне содрогнуться. Краем глаза Шубин уловил, что «Али-баба» заметил его взгляд в сторону пятна. В это время пытавшегося было последовать за Шубиным Каланова технично оттеснили два здоровенных боевика. Прапорщик Чепижко, сделав шаг вперед, был готов отстаивать свое право сопровождать командира.

– Спокойно, Олег! – обернулся Шубин. – Оставайтесь с Николаем здесь и работайте по плану!

Он глянул на наручные часы. Было 10.29 по Москве.

Чепижко кивнул головой и уже сам решительно отодвинул плечом одного из террористов, который все норовил подойти поближе к лежащим на палубе мешкам.

...Капитан 2-го ранга Шубин в сопровождении «Али-бабы» поднялся в кормовую надстройку. При этом «Али-баба» держался справа от Шубина, что не ускользнуло от его внимания. Но ведь у арабов принято, чтобы справа шел уважаемый человек. Выходило, что «Али-баба» наглядно демонстрировал свое неуважение к другу капитана. Деталь была мелкая, но характерная.

На входе в каюту капитана бородач со шрамом попытался было его обыскать, но Шубин решительно пресек эту попытку:

– I am a friend and the guest of your captain where your hospitality! (Я друг и гость вашего капитана, где же ваше гостеприимство!)

«Али-баба» задергался, пытаясь преградить строптивцу дальнейший путь, но Шубин, взяв инициативу в свои руки, уже постучал в дверь.

– Ну что стал на пороге? Заходи! – раздалось из-за приоткрытой двери.

Бородатый что-то гортанно выкрикнул хозяину каюты, видимо, жалуясь на своеволие гостя. В ответ раздалась короткая и резкая фраза, после которой «Али-баба» сразу сник и, зло глядя на Шубина, отступил в сторону.

Шубин решительно шагнул через комингс. Он ожидал увидеть избитого и связанного террористами Махмуда. Но навстречу из-за стола поднялся улыбающийся человек. Разумеется, что за те годы, пока они не виделись, старый приятель сильно изменился, однако узнать его еще

было можно. Махмуд заматерел и возмужал, вид его портила только редкая рыжая бороденка, смотревшаяся совершенно нелепо и даже смешно. Шубин, изобразив ответную улыбку, быстро окинул взглядом каюту, в которой, к своему удивлению, никого, кроме Махмуда, больше не обнаружил. Это могло значить только одно – Махмуд не является ни пленником, ни заложником. Это значило, что он даже не просто член террористической банды, он ее предводитель! На то, чтобы оценить изменившуюся ситуацию, у Шубина ушли те несколько секунд, пока хозяин каюты шел от стола к нему.

Подойдя, Махмуд заключил командира «Костромы» в объятия. По арабскому обычаю прикоснувшись своей щекой сначала к одной, а потом к другой его щеке, несколько раз похлопал по спине. Шубин не противился.

– О, мой старый русский друг! Мой старый русский друг, как я рад тебя не только видеть, но и обнять! – приговаривал он.

– Мне тоже приятно так неожиданно тебя встретить! – ответил Шубин, в свою очередь похлопывая старого знакомого по спине и понимая, что у того под мышкой угадывается пистолетная кобура.

– Ты какой-то скованный, не случилось ли чего? – поинтересовался Махмуд, выпуская Шубина из объятий. – Не заболел ли?

– Да устал, как собака, – делано вздохнул Шубин. – Гоняют нас сейчас в Сирию почему зря. Сам понимаешь, война, – он запнулся. – Мне бы глянуть, как там мои ребята.

– Да, брат, война есть война, – обнажив зубы, улыбнулся Махмуд. – Насчет своих не волнуйся, мои о них позаботятся. Скажи лучше, Володя, сколько ж лет мы не виделись. Десять? Пятнадцать?

– Я окончил училище в 1998-м, вы с Ахмедом, соответственно, год спустя. А в последний раз виделись на моем выпуске. Следовательно, не виделись мы с тобой уже восемнадцать лет.

– Да много воды с тех пор утекло, – кивнул Махмуд, – целая жизнь прошла. Другое время...

– Да и мы стали другими, – со значением продолжил Шубин и тут же пожалел о сказанном, увидев, как у капитана «Кейп Рэя» сузились глаза.

– Тогда мы были всего лишь курсантами, а теперь ты – капитан огромного ролкера, я – командир БДК, – начал он спасать ситуацию. – И надо же случайно встретиться посреди моря, да еще в ситуации, когда один может оказать помощь другому.

– Какой груз везешь в Сирию? – резко сменил тему беседы Сейфуддин. – Понимаю, что военная тайна, но другу, по секрету, можно.

– Да, как обычно, кое-какая техника, но, увы, ни одного «кадиллака», – отшутился Шубин.

– А ты точно изменился, – внезапно посерьезнел Сейфуддин.

Он непроизвольно потеревил рукой мочку своего уха...

В это время неожиданно снизу раздался приглушенный выстрел, за ним второй, третий. Сердце Шубина екнуло. Что там произошло? Неужели начался бой? Затем почти сразу прозвучала автоматная очередь, раздался взрыв гранаты, после чего стрельба стала уже непрерывной.

Сейфуддин разом изменился в лице и, сделав шаг к Шубину, быстро протянул руку под джинсовую куртку, намереваясь вытащить из подплечной кобуры пистолет, но Шубин его опередил. Мгновенно выхватив из-за пояса свой табельный ПМ, он без лишних рассуждений вдавил его в лоб лжекапитана. Зловеще щелкнул снятый предохранитель.

– Володя, брат мой, что ты делаешь?! – закричал тот и рванулся было в сторону.

Но Шубин пресек ему дорогу и, грубо толкнув, встал так, чтобы Сейфуддин прикрыв его собой со стороны двери. При этом ствол шубинского «макарова», как и прежде, остался приставленным ко лбу «старого друга».

В это время распахнулась дверь, и в каюту с криком ворвался «Али-баба». Лицо его было раздраженно-злым, в руках он сжимал АКМ. «Али-баба», видимо, хотел одновременно решить две задачи: оповестить главаря о событиях на палубе и помочь обезвредить русского капитана. Но он просчитался. Шубин оказался прикрытым стоящим напротив двери Сейфуддином. Чтобы сориентироваться в ситуации, бородатому не хватило буквально пары мгновений. Тогда, как Шубин отреагировал мгновенно. Ствол «макарова» лишь немного качнулся в сторону. Грянул выстрел, и огромный «Али-баба» с дыркой во лбу рухнул на палубу. Махмуд, воспользовавшись этим, резко дернулся в сторону, опять попытавшись выхватить оружие. Но ствол пэма уже уперся ему в ноздри, заставляя вдыхать пороховые газы только что произведенного выстрела.

– Ахмед, хорош, хватит ломать комедию. Мне все известно и о тебе, и о твоей операции!

Из открытого иллюминатора был хорошо слышен уже всюю шедший стрелковый бой. Одиночные выстрелы перемежались автоматными очередями, то и дело рвались гранаты. Остро пахло дымом дымовых шашек. Вот совсем рядом, заглушая все остальное, прозвучали подряд несколько артиллерийских залпов... Сердце Шубина было готово вырваться из груди. Как там разворачиваются события? Может, кто-то уже ранен или погиб? Где сейчас идет бой? Что сейчас предпринимают лишенные предводителя террористы?

– Почему ты решил, что я Ахмед? – неожиданно для Шубина в истерике выкрикнул Сейфуддин. – У Ахмеда была родинка на шее, помнишь?

Поразительно, но факт того, что Шубин так быстро раскрыл его секрет, затмил сейчас для Сейфуддина все другое.

– Родинку можно убрать. Но восемнадцать лет – это не вся жизнь, и я еще помню твою привычку «Ахмед-оторви-ухо»! – ответил Шубин. – А теперь прикажи по трансляции своим головорезам прекратить сопротивление и сложить оружие, после чего мы вместе с тобой спустимся вниз на палубу.

– Ты был и остался наивным глупцом! – нервно рассмеялся Ахмед. – Неужели ты думаешь, что воина джихада остановит твой пистолет?

– Воина джихада, может, и не остановит, но для Ахмеда Шумани этого будет достаточно. Я слишком давно тебя знаю. Ты не фанатик, а игрок. Ну а игрок всегда оставит за собой возможность отыграться, не так ли?

До каюты продолжали доноситься звуки яростной перестрелки, заглушаемой короткими артиллерийскими очередями АКА-630. Из иллюминатора все больше несло дымом шашек и пороховой гарью. Ситуация была и впрямь нестандартная. Совсем рядом шел яростный бой, а предводители противоборствующих сторон вдали от своих подчиненных наедине выясняли отношения между собой.

– Я не игрок, я профессионал! – с вызовом выкрикнул Шубину Ахмед и, протянув руку к «секвойе», вцепился в микрофон.

– Ну, веселее! – приободрил его Шубин пистолетным стволом.

Ахмед начал что-то кричать в микрофон по-арабски, кричать зло, почти по-волчьи шелкая зубами. Его налитые кровью глаза с ненавистью смотрели на Шубина, словно он пытался испепелить его своим взглядом. Но Шубин оставался внешне совершенно спокойным и собранным.

– Я не слышу, чтобы стихли выстрелы!

Он резко передвинул ствол пистолета и упер его прямо в правый глаз Ахмеда. Тот непроизвольно дернулся и снова начал что-то истерично кричать в микрофон.

Спустя полминуты звуки стрельбы начали стихать. Теперь через раскрытые иллюминаторы доносились лишь отдельные выстрелы.

Шубин надавил стволом в глаз Ахмеда. Одновременно левой рукой он рывком выхватил из подплечной кобуры Ахмеда его пистолет и также наставил его на своего визави.

Ахмед, вконец потеряв самообладание, прошипел Шубину что-то по-арабски, скорее всего какие-то проклятия, и снова начал громко кричать в микрофон.

– Убедительней! Убедительней! – кивнул бывший сокурсник.

Сейфуддин продолжал что-то кричать, но толку от его крика было мало. На «Кейп Рэе» шел настоящий бой, который окриком остановить было уже невозможно.

– Больше я сделать не могу! – развел руками Ахмед и сел на стул. – Теперь я весь в твоей власти. Делай со мной что пожелаешь!

Шубин прикинул, что же ему делать дальше. Сидеть и сторожить Ахмеда, когда там сражаются и погибают его подчиненные, его товарищи, он не мог.

Вообще-то по законам войны надо было сейчас просто-напросто застрелить Ахмеда и бегом отправляться к своим сражающимся товарищам. Но убить безоружного врага Шубин тоже не мог. Да, если бы Ахмед кинулся на него, все было бы просто. Но Ахмед демонстрировал теперь свою полную покорность, даже не пытался его хоть чем-то провоцировать.

Решение, которое принял Шубин, было половинчатым, но единственным, что мог себе сделать командир российского корабля с безоружным пленным врагом.

Шубин выдернул из розетки какой-то длинный шнур. Ахмед, сразу все поняв, безмолвно вытянул перед собой руки, которые Шубин надежно завязал крепким флотским узлом.

– Что ты делаешь, шайтан! – закричал «Ахмед-оторви-ухо». – Мне же больно!

– Ничего, до международного трибунала потерпишь! – ободрил его Шубин.

Еще одним шнуром он связал ноги своему пленнику. Взгляд Шубина остановился на стоявшем на столе портативном приборе с антенной – несколько рычажков и кнопок. Среди них мрачно выделялась большая красная кнопка. Подойдя к пульту, Шубин начал его осматривать и краем глаза увидел, как сразу же напрягся Сейфуддин.

– Насколько я понимаю, коллега, передо мной пульт управления подрыва химоружия! – повернулся он к Сейфуддину.

Тот в бессилии только скрипнул зубами.

– Я, конечно, не минер, но, по-моему, здесь все не так уж сложно! – закусил губу Шубин и решительно выдернул из розетки шнур питания. Вряд ли Ахмед станет держать у себя на рабочем столе прибор с включенной самоликвидацией. Как и ожидал Шубин, кнопки продолжали мерцать.

– Так тут у нас и автономное питание!

Шубин осторожно взял в руки пульт, перевернул его вверх дном и легко снял панель, за которой обнаружился небольшой аккумулятор. Мгновение, и аккумулятор полетел в иллюминатор, а вслед за ним и сам пульт.

– Моменто море! – переиначил он старую латинскую поговорку. – Вот так-то, любезный «Ахмед-оторви-ухо»!

Ответом ему был злобный рык.

Затем несколькими выстрелами из пистолета Шубин вывел из строя внутривидеонаблюдательное устройство, выкинул в иллюминатор стоявшие на столе телефоны и лежавшую там же рацию с мобильником.

Ахмед, закрыв глаза, тихо поскуливал.

– Так-то лучше, господин террорист! Лежи смирно, а то вернусь и вздерну на мачте, как пирата! – сказал ему Шубин, покидая каюту.

...Едва командир «Костромы» в сопровождении жутковатого вида араба скрылись в кормовой надстройке, к стоящим на палубе «Кейп Рэя» нашим морякам подошел первый механик «Кейп Рэя» Барни Сиглаф. Каланов с Чепожко критически оглядели его расплывшуюся, как квашня, фигуру и огромные очки в роговой оправе.

– I am the first mechanic of this vessel Barney Siglaf. Which of you mechanic of the Russian ship? (Я первый механик этого судна Барни Сиглаф. Кто из вас механик русского корабля?) – заявил пришедший.

Из сказанного американцем Каланов понял только слово «механик». Английским он владеет не очень, поэтому просто ткнул себя в грудь и сказал, что помнил из школьного курса, присовокупив туда и «механика»:

– My name is Nikolay Kalanov, mechanic! (Меня зовут Николай Каланов, механик!)

– Oh, mechanic! Go with me, I will show you my mechanisms! (О, механик! Пойдемте со мной, я вам покажу мои механизмы!) – обрадованно схватил Каланова за руку очкастый.

– Никуда он не пойдет! – одернул американца Чепижко.

Имея за спиной немалый боевой опыт, прапорщик прекрасно понимал, что разделяться в настоящей ситуации нельзя, иначе перебьют по одному.

– Коля! Гони очкастого!

– What devil! I have gone away! (Какого дьявола! Пошел прочь!) – накинулся на Чепижко американец.

Он схватил было прапорщика за грудки, но тот с силой ударил его лбом в голову. Сиглаф вскрикнул и стал кулем оседать на палубу. Стоявшие вокруг террористы начали что-то кричать и разбегаться. Краем глаза Чепижко увидел, что из-за надстроек показались фигуры с автоматами. Причем фигур этих было много.

– Ложись! – крикнул он Каланову и на всякий случай дернул его куда сильнее, чем только что это делал Сиглаф. Едва Чепижко, Каланов и бывший рядом с ними сержант морской пехоты бросились на палубу за трап, над их головами пронеслись первые пули. Вспоров ножом ближнюю к нему кису, Чепижко вытащил автомат, передернул затвор и веером дал длинную очередь по выскочившим фигуркам. В ответ раздались истошные вопли и яростная стрельба. Совсем близко дзинькали о палубный металл все новые и новые пули. Рядом грамотно и толково уже вели огонь боцман Кулаков и сержант Александр Комендант. Каланов тоже вытащил из второго мешка свой автомат, готовясь открыть огонь.

«Мы здесь как на ладони и долго так не протянем, а отползать тоже некуда», – с тоской подумал Чепижко, меняя рожок.

В этот момент со стороны «Костромы» начался такой яростный огонь, что террористов как ветром сдуло с палубы. Это вступили в бой наши группы захвата. Одновременно с «Костромы» повалил и густой едкий дым – Марченко запустил дымовые шашки. Огонь по лежавшим у трапа сразу же прекратился, и они смогли перебежать и укрыться за ближайшей горловиной люка.

Дым между тем все прибывал, и вскоре вся палуба «Кейп Рэя» покрылась вонючим туманным маревом.

– Тут не поймешь, хорошо это или плохо! – повернулся к Чепижко Каланов.

– То, что живы остались, это хорошо, ну, что ни черта не видно, так и бармалеи в такой же ситуации, – ответил тот.

Пальба между тем не прекращалась. Более того, в бой вступила артиллерия «Костромы». От непрерывных очередей залпов 30-миллиметровой установки звенело в ушах. Снаряды проносились где-то выше, но грохота от них было предостаточно.

– Куда это он лупит? – старался перекричать вой и грохот Чепижко.

– Думаю, что в никуда! – так же, криком, ответил Каланов. – Помогает нам психологически!

– От такой помощи все барабанные перепонки разорвет к чертовой матери!

Неожиданно из клубов дыма показались несколько террористов. С автоматами наперевес, с платками, закрывавшими носы и рты, они двигались перебежками к борту «Костромы».

Разом вскинулись три автомата... и все бежавшие, как по команде, согнулись пополам, а потом почти одновременно попадали в дым.

Чепижко прислушался. Стрельба переместилась от борта в глубь палубы «Кейп Рэя».

– Кажется, наши пошли вперед, – крикнул он Каланову и Коменданту. – Пора и нам выдвигаться. Давайте перебежками за мной!

Чепижко первым легко оторвал свое тренированное тело от палубы и с автоматом наперевес бросился в дым, следом сержант. Кашляя от едкого дыма, за ними побежал и Каланов. Но продвинуться далеко не удалось. Буквально через десяток метров они лоб в лоб столкнулись с очередной группой террористов, пробирающихся по направлению к «Костроме».

Противники вскинули автоматы и почти одновременно открыли огонь друг в друга.

Разом рухнули на палубу четверо террористов, а рядом с ними повалились Каланов с Комендантом. У первого быстро расплывалось кровавое пятно внизу живота, второй со стоном схватился за ногу.

– Так, Комендант, не распускать нюни! Ты же морпех!

– А я и не распускаю! – с обидой в голосе ответил тот. – Я за товарища офицера испугался!

Достав индивидуальный пакет, сержант разорвал его зубами и ловко перебинтовал простреленную ногу, сделал укол промедола. Чепижко тем временем задрал куртку и тельник Каланова. Ему было достаточно глянуть, чтобы понять: у механика проникающее ранение живота. Что именно там перебито и разнесено в клочья, мог сказать только хирург после вскрытия.

Чепижко на мгновение задумался, как ему быть дальше. Каланов понял его и, морщась от нестерпимой боли, сказал:

– Ты, Олег, давай, помогай нашим. А мы с морпехом как-нибудь сами до «Костромы» доковыляем!

– Так не пойдет! – мотнул головой Чепижко. – Потерпи!

Сделав укол, он подхватил на руки Каланова и быстро побежал в сторону, где была ошвартована «Кострома». Коменданту крикнул:

– Саша! Сжал зубы и за мной!

– Есть! – Сержант вскочил и, опираясь на автомат, поковылял за своим командиром.

Буквально через десяток шагов они споткнулись об два трупа террористов. Рядом с убитым катался клубок человеческих тел. Кто с кем дрался, было непонятно, но дрались насмерть.

Положив на палубу Каланова, Чепижко бросился к дерущимся. Один из них точно свой!

Так оно и оказалось. Дрались боцман Кулаков со здоровенным чернокожим игиловцем. При этом Кулаков был уже тяжело ранен, и, не поспей вовремя прапорщик, все могло бы для него кончиться печально. Теперь же игиловец валялся мертвым, а Кулаков, хоть и перераненный, был жив.

– Я двоих вроде как удачно завалил, а тут третий из-за спины прыгнул, вот и попался, – едва шевеля губами, рассказал он.

Чепижко оглядел Каланова. У боцмана было серьезное ножевое ранение в живот. Его также надо было эвакуировать.

– Потерпишь немного, я вашего механика отволоку и сразу за тобой! – обратился к Кулакову прапорщик.

– Потерплю, конечно! – морщась, медленно произнес Кулаков.

– Прапорщик! Я приказываю вначале нести боцмана, а не меня! – пытался протестовать Каланов. – Я старший по званию!

Но Чепижко, не слушая его, взвалил механика на плечи и бегом побежал к борту «Костромы». Тем временем к боцману доковылял раненый сержант Комендант и, не взирая на протесты того, волоком потащил Кулакова вслед за Чепижко. Если бы кто-нибудь мог видеть

их в те минуты! Раненый сержант, шатаясь из стороны в сторону, тащил за ноги истекающего кровью боцмана. Причем тащил, невзирая на перебитую ногу, так быстро, что скоро догнал своего прапорщика.

У борта «Кейп Рэя» все они опять нос к носу столкнулись с очередным арабом, который сам, видимо, заблудился в дыму. Араб вскинул автомат. Но его опередила очередь Коменданта. Араб вскрикнул и рухнул. Вот, наконец, и трап.

– Эй, кто-нибудь живой есть! – крикнул Чепижко.

– Есть! Есть! – раздался голос, и из дыма, как из преисподней, вынырнул матрос Краморенко из боцманской команды с автоматом. – Мне приказано охранять и оборонять трап.

– Ну, а ты?

– Охраняю и обороняю!

– Принимай вашего механика с боцманом и тащи их в операционную к доктору!

– А трап!

– Трап пока прикроет морская пехота! Да на обратном пути захвати кого-нибудь, чтобы и моего сержанта забрали в лазарет. Понял!

– Понял, товарищ прапорщик!

Краморенко подбежал к Чепижко, перехватил у него Каланова и, сгибаясь под тяжестью тела, потащил механика на «Кострому».

Прапорщик метнулся назад и, забрав у обессиленного Коменданта боцмана, перетащил его на борт «Костромы».

– Сейчас за тобой прибегут! Потерпи еще немного!

– А у меня есть варианты? – разлепил в подобие улыбки обескровленные губы Кулаков.

Почти сразу из дыма как привидение вынырнул фельдшер Теремов с медицинской сумкой через плечо. Ничего не говоря и не спрашивая, он сразу вколол боцману промедол, а два подбежавших санитаров бегом потащили его внутрь корабля.

Вдалеке закричали:

– Санитаров сюда!

– Я побежал! – глянув на перебинтованную ногу сержанта морской пехоты, сказал фельдшер. – Полежи, братишка, немного у трапа, я за тобой пришлю!

Уже убегая, Теремов кинул морпеху противоболевой шприц-тюбик.

Комендант, морщась от боли, облокотился на леерное ограждение.

– Ты, Саша, лучше ложись прямо у трапа, а заодно и пообороняй его, пока штатная охрана обратно не прибежит, – обратился Чепижко к сержанту. – Потерпишь?

– Прорвемся, товарищ прапорщик! – с трудом прошептал тот.

– Ты ногу-то хорошо перебинтовал?

– Как учили!

– Ну, бывай! – Чепижко передернул затвор автомата и исчез в дыму.

Едва за Шубиным закрылась дверь каюты, Сейфуддин сполз со стула на пол и, извиваясь змеей, пополз к столу. Через несколько минут он уже был под ним. Дело в том, что под столом с внутренней стороны столешницы помещалась кнопка вызова рассыльного, которой раньше пользовался покойный Бенсон и которую успел уже освоить и Сейфуддин. Приподнявшись и облокотившись на тумбу стола, Сейфуддин макушкой головы нажал кнопку. Понимая, что в происходящей сейчас неразберихе на судне сигнал на ГКП и в ходовой рубке могут сразу не услышать, он нажимал на нее головой несколько минут подряд. Причем старался делать три коротких нажатия, потом после небольшой паузы три длинных и снова после паузы три коротких. Это был классический «SOS». Расчет Сейфуддина был на то, что находящийся сейчас в ходовой рубке Саид, как профессиональный моряк, быстро сообразит, в чем дело, и пришлет к нему в каюту кого-нибудь из боевиков.

Расчет Сейфуддина оказался верен. Буквально спустя пять минут в каюту вбежал запыхавшийся боевик Рамшан.

– Быстро развяжи меня! – крикнул ему из-под стола Сейфуддин.

Потрясенный увиденным, Рамшан достал из-за пояса нож, перерезал связывавшие Сейфуддина веревки. Тот встал, с трудом размял затекшие руки и ноги.

– Дай мне твой автомат! – приказал Рамшану.

Тот удивленно округлил большие черные глаза, но беспрекословно отдал командиру оружие. Передернув затвор, Сейфуддин тут же выпустил короткую очередь в грудь своего спасителя. Все еще удивленно глядя на Сейфуддина, Рамшан рухнул навзничь, заливая кровью лежащий на полу ковер.

«Что поделать, такова судьба», – Сейфуддин брезгливо перешагнул через еще агонизирующее тело и поспешил к выходу. Свидетель позора был ему ни к чему. Кто знает, чем теперь вообще закончится для него история самовольной остановки русского корабля. Если не удастся переломить русских и выполнить миссию, неизбежно последует пристрастное расследование. Ну, а когда Рабах и халиф узнают обо всех допущенных им ошибках и в особенности о столь странном пленении, то за свою жизнь Сейфуддин не дал бы и ломаного исламского динара.

Выскочив из офицерского жилого коридора, Сейфуддин второпях за дверью наткнулся на распростертый труп палача Али. Тот валялся распростав руки, борода его была в крови. Не удостоив своего недавнего верного помощника даже взглядом, Сейфуддин помчался в ходовую рубку, чтобы понять обстановку и принять командование.

Но ходовой рубки не было. Вместо нее была груда скрученного, чадающего гарью железа, на котором свисали чьи-то оторванные руки и ноги.

– А, шайтаны! – скрипнул зубами Сейфуддин и поспешил в ПЭЖ в надежде хоть там получить какую-то информацию о ситуации на судне.

В ПЭЖе он застал лишь пару боевиков, готовых к обороне доверенного им объекта, и первого механика Сиглафа, который, съжившись, сидел в углу на приставном стульчике.

На вопрос, что сейчас происходит на судне, Сиглаф ничего вразумительного, кроме того, что везде стреляют, сказать не мог.

– Механик! – рявкнул на Сиглафа Сейфуддин. – Заводи свою машину и давай ход!

– Какой ход? Куда? Ходовой рубки нет. Мы слепы и глухи! – чуть не плача, ответил тот. – Все пропало! Мы все погибнем!

– Заткни свою глотку, иначе я тебе ее перережу! – рявкнул на него Сейфуддин. – Мне нужен ход, чтобы оторваться от русского корабля. Иначе не пощажу, ты меня знаешь!

Сиглаф вжал голову в плечи и начал что-то лихорадочно манипулировать на пульте управления. Руки у него тряслись.

Сейфуддин рывком схватил микрофон:

– Кто-нибудь, отзовитесь! Это Сейфуддин!

– На связи Саид! – неожиданно отозвалась трубка.

– Ты где?

– Русские расстреляли ходовую рубку в упор из орудий. Я едва остался жив.

– Знаю! – нетерпеливо перебил его Сейфуддин. – Где ты сейчас?

– Я с несколькими воинами держим оборону в блоке жилых коридоров.

– Доложи общую ситуацию!

– Русские неожиданно атаковали нас по всей верхней палубе, используя дымовые шашки.

Их корабль оказался подстроеной ловушкой. Братья отступили во внутренние помещения. Там сейчас идет бой.

– Какие потери и что сейчас в наших руках?

– Потери большие. О том, что удалось захватить русским за последние минуты, у меня информации нет.

- Меня интересуют трюмы с химией!
- Пока они у нас в руках!
- Где шахидки?
- Не знаю! – развел руками Саид. – Женщины мне не подчинены.

Сейфуддин немедленно отправил двух боевиков разыскать женщин, надеть на них пояса с зарядом, после чего сопроводить в трюмы, где, посадив у бочек с отравляющими веществами, подключить на подрыв.

– Ну, а ты что здесь делаешь! – накинулся он потом на трясущегося Сиглафа. – Бегом в машину, и чтобы через десять минут она была готова к даче хода, хоть сам ее крути!

Сам он в сопровождении нескольких боевиков направился вниз, чтобы возглавить оборону. Настроение у Сейфуддина было хуже не придумаешь. Он понимал, что даже если ему удастся отбиться от русских, то скрыть свое, граничащее с изменой, самоуправство будет все равно невозможно. Закроют глаза на это только в случае выполнения им всей миссии. Но особенно бесило Сейфуддина то, что над ним опять одержал верх именно Шубин! И как! Обвел вокруг пальца, как мальчишку, позволил совершать одну ошибку за другой, легко разоблачил его обман и так же легко захватил в плен, а теперь еще пытается захватить и его судно. Но сражение еще не проиграно! Джахангир допустил непростительную ошибку – оставил его в живых! Уж он-то, когда доберется до Джахангира, не будет жевать сопли, а поступит так, как должен поступить настоящий воин джихада с неверным! Только бы помог Аллах!

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

В операционной все было давно готово к тому, чтобы спасти своих, а если понадобится, то и чужих. В том, что работы сегодня будет много, Рустем не сомневался. Присев рядом на койке, они с Элеонорой молчали.

Певица доверчиво положила голову Рустему на плечо. Тот отрешенно смотрел куда-то вдаль, мысленно настраиваясь на то, что ему вскоре предстояло.

Корабль резко увеличил ход, а через некоторое время ощутимо качнуло.

– Пошли на сближение! – флегматично резюмировал доктор.

Встав, Рустем взял проспиртованную салфетку и тщательно вытер руки.

Элеонора, вскрыв пакет, достала оттуда стерильные перчатки и довольно ловко натянула их ему на руки.

– Молодцом! Значит, еще не забыла!

– У меня хорошая рефлекторная память! – со значением ответила певица.

Через некоторое время корабль дернулся от достаточно сильного удара.

– Сошлись бортами! – прокомментировал Рустем. – Сейчас рванут на абордаж!

Практически сразу раздались автоматные очереди, вначале достаточно близко, затем уже в отдалении. Затем заговорила артиллерия. Несмотря на задраенные иллюминаторы, грохот выстрелов и разрывы снарядов буквально сотрясали операционную.

– Ну, началось! Сейчас пойдут раненые.

– А террористов тоже к нам будут приносить? – с опаской заглянула в глаза Рустему Элеонора.

– Возможно, и принесут?

– Лучше бы не приносили. Я их боюсь!

– Чего их бояться, я же с тобой!

– Ну, тогда я не боюсь! – счастливо заулыбалась Элеонора.

По коридору кто-то тяжело топал ногами...

– Эля! Давай, принимай первого!

Два матроса, отдуваясь, втащили раненого. Рустем глянул и обомлел – это был механик! Черт возьми, почему сразу надо резать лучшего друга. Но раздумывать было некогда.

– Эля, премидикацию. Внутримышечно два миллилитра промедола!

– Ясно! – без лишних расспросов кивнула Элеонора и, разломив ампулу, наполнила разовый шприц, после чего ловко, будто это делала только вчера, ввела обезболивающее.

Санитары по приказу доктора быстро раздели Каланова догола. Тот приоткрыл глаза и, стесняясь Элеоноры, пытался было прикрыться.

– Перестань, мех, Эля сейчас не женщина, а операционная сестра! – поняв его движение, зло одернул сослуживца Рустем. – Чего она там у тебя не видела!

Пока Элеонора готовила зону операции, Рустем быстро дооблачился в стерильное белье, халат, шапочку и бахилы.

– Док! – прошептал Каланов заплетающимся языком. – Ты бы мне для храбрости спиртику-то налил!

– Потом, Коля, обязательно выпьем, и не один раз! А сейчас не отвлекай. Эля, корнцанг!

Элеонора быстро передала жутковатого вида щипцы. Рустем, прихватив корнцангом тампон, начал предварительную обработку раны, дважды тщательно смочив спиртом окружность раны.

– Новокаин!

Получив шприц с новокаином, ввел его в верхнюю часть раны.

– Не переживай, мы отключили всю нижнюю часть тела, поэтому никакой боли не почувствуешь, – сказал Каланову. – Будет, конечно, не очень приятно, но не более того.

Тот лишь молча закусил губу.

– Ну что, поехали! Зажим... Скальпель...

Точными, выверенными движениями Рустем послойно рассекал подкожные мышцы. Операция началась...

Через несколько минут краем глаза он увидел, как санитары положили в углу операционной еще двоих. Один из них (это был боцман), прижимая окровавленные руки к животу, пытался даже шутить, второй же лежал неподвижно (это Рустему сразу не понравилось).

«Вначале на стол недвижимого, а Кулаков пусть еще немного потерпит», – машинально подумал Рустем.

Элеоноре он приказал сделать принесенным по обезболивающему уколу. Самому отвлекаться на это времени не было. Подойдя к лежавшим, Элеонора отпрянула. Лицо ее стало белым, как простыня.

– Он умер! – выдавила она из себя с большим трудом.

– Если один умер, делай укол второму и пошевеливайся! – крикнул на нее Рустем.

Сделав укол Кулакову, Элеонора опрометью вернулась к операционному столу.

– Начинаем ревизию раны! – скомандовал Рустем сквозь защитную маску.

Элеонора быстро развернула на операционном поле стерильную салфетку. Забравшись рукой в рану, хирург начал осторожно вытягивать оттуда кишки, вначале тонкую, потом толстую. Внимательно осмотрел, нет ли на них повреждений. В толстой кишке обнаружил приличную дырку. Извлек пулю. Покачал головой.

– Накладываем анастомоз! – объявил медсестре.

Отрезав поврежденный участок, он соединил между собой неповрежденные концы. Следующий этап – гомеостаз – остановка кровотечения и перевязка сосудов.

– Ну, кажется, все. Зашиваем!

У Элеоноры все было уже готово. Она передала кривую иглу с кетгутом – ниткой из бычьих жил. Кетгутом Рустем зашил мышцы. Затем уже обычной шелковой нитью быстро заштопал и саму рану. Как и положено в таких случаях, наглухо зашивать не стал, оставив

небольшое отверстие, куда вставил турунды из перчатной резины для оттока крови и других внутренних выделений. Крикнул санитарам:

– Забирайте! И поосторожней!

Санитары бережно перенесли прооперированного механика в изолятор.

– Давайте следующего!

На операционный стол положили почти уже бесчувственного боцмана Кулакова. У Рустема в горле встал ком. Даже беглого взгляда на рану было достаточно, чтобы понять: Кулаков очень тяжелый.

Боцман приоткрыл глаза:

– Прости, док, что так получилось. Я вот подставился, а тебе работа!

– Ничего, я привычный! – подмигнул ему Рустем. – Сейчас будет немного больно, а потом нормально. Ты, главное, думай о чем-нибудь хорошем! Лады?

– Я буду думать о цирке, – прошептал Кулаков и закрыл глаза.

«Почему о цирке? – подумал Рустем. – Все мы, однако, не без странностей!»

– Эля, премидикацию. Внутримышечно промедол! – обернулся он к Звездинской.

Совсем рядом над головой гремел бой, автоматная стрельба перемежались с одиночными выстрелами. Периодически короткими очередями вставляла свое веское слово и артустановка. А санитары вносили уже следующего...

– Эля, промокни!

Звездинская, схватив салфетку, вытерла Рустему вспотевший лоб. Вооружившись скальпелем, док начал вторую операцию...

Сколько их еще ждало его сегодня, не знал никто, кроме Господа Бога...

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

Вообще-то Сивашев с большим неодобрением отнесся к идее Шубина отправиться лично в гости к террористам. «Это идиотизм, помноженный на идеализм», – думал он, выслушав план командира «Костромы». Но командир корабля есть командир корабля, а он всего лишь пассажир. К тому же Сивашев, как старый опытный моряк, привык не только командовать, но и подчиняться. Если бы Шубин счел нужным попросить его совета на сей счет, он бы высказался со всей своей солдатской прямоотой, но, коль решение принято, значит, принято. Свою группу Сивашев к бою более-менее подготовил, насколько вообще можно было считать подготовкой людей в течение нескольких отведенных для этого часов. Но в самый последний момент весь ранее составленный план был переигран. Прапорщик Чепижко отправился на борт «американца» с Шубиным, и теперь Сивашев фактически принял команду над обеими группами захвата. Разумеется, Чепижко заявил, что он постарается как можно быстрее присоединиться к своим людям, но как это получится на практике, было неизвестно.

Во время маневра сближения с американским судном Сивашев разместил доморощенных спецназовцев в офицерском коридоре и на камбузе. Сам же, положив автомат и разгрузку с магазинами на палубу так, чтобы их не было видно с мостика американского судна, старательно изображал из себя не слишком обученного контрактника-перестарка боцманской команды.

Фельдшер Терехов раздал определенным в штурмовые группы дополнительные шприц-тюбики с красными колпачками. Шприц-тюбики содержали антидот против фосфорорганических отравляющих веществ.

– Если что, колите сразу все!

– А поможет? – спросили его бойцы, зная, что на «Кейп Рэе» тысячи и тысячи тонн ОВ.

– По крайней мере, хуже не будет! – философски ответил Терехов.

...Сивашев видел, как Чепижко, Каланова и сержанта-морпеха быстро и технично оттерли от командира. Видел, как здоровенный бородатый араб со зверской рожей повел куда-

то Шубина. Он даже хотел было крикнуть командиру «Костромы», чтобы тот никуда не шел, а просто упал на палубу, после чего бы Сивашев начал бой, но побоялся наломать дров.

Затем между тремя нашими, оставшимися стоять на той стороне перекинутого трапа и обступившими их террористами произошел какой-то конфликт. Что именно, Сивашев рассмотреть не смог, так как видимость заслоняли спины стоявших. Ну, а когда прапорщик Чепижко с криком «ложись» рухнул на палубу и стал выхватывать из своего мешка автомат, Сивашев понял, что началось.

– Врубай дымовуху! – крикнул он державшему в руках молоток матросу боцманской команды. – Огонь по террористам!

Матрос кинулся с молотком к дымовым шашкам и начал крушить запалы. Ему мешал висящий на боку противогаз, поэтому матрос его просто отбросил в сторону. Почти сразу все расставленные шашки начали понемногу дымить, с каждой секундой раскошегариваясь все сильнее и сильнее.

Прятавшиеся в офицерском коридоре и на камбузе мгновенно вскочили на палубу и открыли сумасшедший, хотя и довольно бестолковый, огонь по «Кейп Рэю». К большому удивлению Сивашева, ответного огня по ним никто сразу не открыл. Это было более чем странно. На мгновение Сивашева даже посетила мысль, что произошла какая-то чудовищная ошибка и атакуют мирный американский транспорт, но почти сразу откуда-то с надстроек «Кейп Рэя» застучал запоздалый автомат, после чего никаких сомнений у полковника Сивашева уже не возникало. Задержка с ответным огнем была вызвана лишь кратковременным шоком террористов, которые не ожидали такой прыти от русских. Однако бармаlei довольно быстро пришли в себя, и перестрелка стала всеобщей. Дым от шашек был вязок и вонюч. Когда он окутал борта обоих кораблей и пополз дальше и выше, Сивашев громко крикнул:

– Перебежками вперед!

Полковник заранее раздал всем противогазы, но большинство сразу же бросило их у борта и в атаку пошли налегке. Сам он поступил так же. Какой там противогаз, когда надо командовать!

Несколько человек он оставил держать оборону у швартовых концов и у трапа, чтобы в случае, если террористы попробуют обрубить концы, встретить их огнем.

– Не отставать! – кричал Сивашев. – Держаться цепью! Дистанция – предел видимости соседа в дыму! Не теряться! Пробиваемся к люкам трюмов!

К этому времени шашки раздухарились уже вовсю. Дымом все заволочло так, что ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Вокруг шла яростная пальба. Стреляли рядом (скорее всего, свои), стреляли в отдалении (скорее всего, уже чужие).

В какой-то момент около Сивашева немного развиднелось, и он сразу же столкнулся лицом к лицу с одним из террористов. Однако, прежде чем они начали стрелять друг в друга, все снова заволочло дымом. Сивашев слышал, как направленная в него очередь прошла совсем рядом. Он тоже стрелял, но вовсе не был уверен, что не промазал.

Под вертолетной площадкой, куда добрался Сивашев, дыма было уже намного меньше. Бойцы довольно толково сразу же попрятались за ближайший вентиляционный люк. Полковник огляделся, чтобы оценить ситуацию. Из начинавших с ним атаку бойцов теперь осталось чуть больше половины. О судьбе остальных можно было только догадываться. Возможно, они были убиты или ранены, возможно, просто потерялись в дыму и сейчас сражались где-то в одиночку.

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Командир артиллерийской боевой части капитан-лейтенант Витюков спустился в ЦАП. Привычно присел на старое скрипучее кресло за пульт управления стрельбой. Все было вокруг

привычное и родное. Проверил готовность орудия к стрельбе. Бывшие на своих местах два матроса-оператора выжидающе смотрели на своего командира. Витюк задумался. Конечно, по всем инструкциям управлять стрельбой следовало дистанционно-автоматически из ЦАПа. Тут тебе и радиолокационная система управления огнем МР-123 «Вымпел», и экран телевизора со шкалой наводки, а под ногой педаль стрельбы. Нажал – пошла очередь снарядов. Отпустил – прекратилась. Еще нажал – снова очередь. Что еще надо! Но дело в том, что сейчас стрельба предстояла необычная. Предстояло вести огонь не просто на минимальной дистанции, а практически в упор. При этом стрелять надо было в судно, начиненное химическим оружием. Поэтому стрельба должна была быть очень точной, так как неудачное попадание даже одного снаряда могло поставить крест на жизни не только их экипажа, но и сотен, а может, и тысяч людей. Добиться такой точности, находясь в ЦАПе или командуя стрельбой с ГКП, было почти невозможно, т. к., при сумасшедшей скорострельности двух стволов автоматической АКА-630, даже двухсекундное нажатие на педаль стрельбы выбрасывало в сторону противника 10–12 снарядов.

Выход был один – управлять стрельбой резервным способом с выносного поста управления, оснащенного визирными колонками с кольцевыми векторными прицелами. Разумеется, управление с визирной колонки было опасно, т. к. наводчик хоть и прикрыт по шею двумя бронелистами, но не настолько, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. Однако, находясь наверху, он лучше мог ориентироваться в меняющейся обстановке, быстрее реагировать на все изменения мгновенным переносом огня с одной точки на другую.

Витюков крутнулся в кресле:

– Ну, господа комендоры! Слушать мой приказ. Я буду управлять стрельбой с колонки. Вы находитесь здесь на подхвате. Если со мной случится что-то плохое, один тут же бегом к колонке и берет на себя управление стрельбой! Понятно!

– Так точно, товарищ командир! – разом кивнули подчиненные.

– А сейчас отработаем взаимодействие.

Взяв шлемофон, Витюк покинул ЦАП, добрался до колонки, согнувшись, пролез под поручнями и встал на ее узкий помост. Подключил к розетке телефонной связи ларингофон, вызвал ЦАП:

– Передать команду на визирную колонку!

После этого проверил работу приводов горизонтального и вертикального наведения, цепь стрельбы, линию подачи снарядов.

«Ну, кажется, все в ажуре! – удовлетворенно резюмировал Витюков. – Дадим перцу бармалеям!»

Еще раз уточнил и конкретизировал задачи подчиненным, в том числе определил и заместительство. Наконец вызвал на связь ходовую рубку:

– Боевая часть два к бою готова!

В наушниках раздалось лаконичное «есть» старшего помощника.

С возвышения визирной колонки Витюкову было хорошо видно приближавшееся американское судно. Пока «Кострома» шла «нос к носу» с «Кейп Рэем» и правая установка АКА-630, из которой предполагалось стрелять, находилась в «мертвом секторе», Витюков еще раз проверил установку. Повинуясь движению рукояток колонки, артиллерийская установка послушно качнула вверх и вниз своими стволами, а затем с визгом крутнулась из стороны в сторону. Опытным взглядом Витюков оценил, куда лучше целить. Бить следовало прежде всего в ходовую рубку, чтобы сразу же лишить бармалеев возможности управлять своей ядовитой лоханкой. Артиллерийских установок на борту американца Витюков не увидел. Хотя об этом он уже знал из пересланной схемы «Кейп Рэя», но, удостоверившись в их отсутствии лично, вздохнул с облегчением. Артиллерийская дуэль между стоящими борт в борт кораблями не сулила ничего хорошего никому.

Чтобы не привлекать внимания террористов («Они ведь там тоже не пальцем деланные!» – сказал он самому себе), Витюков решил до последней возможности держать артустановку в походном положении, дабы не вызывать ненужных подозрений. Пусть пребывают в счастливом неведении!

Витюков видел, как вышел в сопровождении механика и еще нескольких человек Шубин. Старпом «в притирочку» подвел «Кострому» к борту американца. С него перебросили штормтрап. Шубин и сопровождавшие его перешли на вражескую палубу. Витюков сжал рукоятки управления огнем. Оружие он потихоньку, чтобы не привлекать к себе внимания, уже повернул в сторону кормы американца. И теперь оставалось только ждать команды на открытие огня.

Вот Шубина отделили от остальной группы и куда-то увели. «Почему командир позволил фактически взять себя если не в плен, то уж точно в заложники, – с тоской думал Витюков. – Хотели перехитрить террористов, а получилось, что это они нас обхитрили».

Не теряя времени, развернув визир прицела, он навел его на окна ходовой рубки «Кейп Рэя». Осторожно нажал тангетку синхронизации, и артиллерийская установка тоже синхронно развернулась.

«Интересно, углядели ли вражьи дети, что они уже у меня на мушке, или еще пребывают в счастливом блаженстве?» – подумалось Витюкову.

...А затем раздались первые выстрелы, и тут же все вокруг начала застилать дымовая завеса.

«Кажется, пора начинать и мне!» – прикинул артиллерист.

– Прошу «добро» на открытие огня по кормовой надстройке! – вышел он на связь с ходовой.

– «Добро!» – сразу же откликнулся динамик.

– Ну, понеслась! – сказал сам себе командир БЧ-2 и нажал кнопку стрельбы.

Артиллерийская очередь мгновенно заглушила все остальные звуки боя. Даже сквозь густой дым Витюк видел, как мгновенно полыхнула огнем кормовая надстройка американца. Услышал и истошные вопли с чужого борта. Сделав паузу в десяток секунд, он снова до боли вжал палец в красную кнопку...

– Игорь, сделай небольшой перерывчик, а то разнесешь там все к чертовой матери! – раздался в шлемофоне голос старшего помощника.

– Думаю, что с ходовой я уже вопрос решил, но стрелять надо хотя бы поверх голов, чтобы бармалеям жизнь раем не казалась!

– Добро! – ответил Марченко и отключился.

Теперь Витюков, приподняв стволы, слал небольшие очереди снарядов так, чтобы, пролетая над верхней палубой «Кейп Рэя», они нервировали противника и, следовательно, облегчали нашим захват судна. Вести такой огонь он мог долго. Боекомплект артустановки составлял тысячу осколочно-трассирующих снарядов. Главная проблема состояла в том, чтобы, при стрельбе очередями, не перегреть стволы. Но опытный артиллерист вполне мог справиться и с этим.

Витюков до боли в глазах вглядывался в дым и с тревогой думал о том, что сейчас происходит за этим дымом. Возможно, кого-то из тех, кого он видел сегодня утром, уже нет в живых, а кто-то ранен. С какой радостью он оказался бы сейчас среди них. Но у каждого в бою своя роль и свой боевой пост. Он, капитан-лейтенант Витюков, командир артиллерийской боевой части, а это значит, что его место сейчас именно здесь.

Наконец дым начал понемногу рассеиваться. Стрельба к этому времени переместилась куда-то в глубь американца. Витюков с удовлетворением рассмотрел разбитую кормовую надстройку. Ее передняя часть была практически снесена. Из пробоин валил дым. Огня, слава богу, он не заметил. Зато заметил группу бармалеев, которая пробиралась перебежками по палубе, судя по всему, стараясь зайти нашим в спину.

Витюков крутанул артустановку и буквально на долю секунды нажал кнопку стрельбы. Артустановка откликнулась несколькими снарядами, ювелирно поразившими пиллерс вертолетной площадки и засыпав осколками перебежавших бармалеев. Витюков выдержал паузу – может быть, затаились, гады. Но никто из бармалеев больше так и не пошевелился. Зато с другой стороны по нему неожиданно заработал ручной пулемет. Несколько пуль просвистели прямо над головой, остальные с визгом рикошетили о броневые листы. По тому, как точно и кучно ложились пули, было ясно, что стреляет мастер. Витюков невольно втянул голову в плечи, но это его не спасло. Следующая очередь прошила его насквозь.

– Я, кажется, убит! – успел прохрипеть он в ларингофон и сразу же кулем осел в ограждении колонки.

Больше Витюков уже ничего не видел и не слышал. Он не знал, как уже через несколько минут прибежали к нему его верные «господа комендоры», как, невзирая на все еще продолжавшийся обстрел, стащили вниз его окровавленное тело и, прикрывая собой, доставили в операционную. Он не узнал, как едва сдерживая слезы, Еналеев еще долго не прекращал попыток вернуть его к жизни и только потом, когда пропали дыхание и пульс, приказал унести тело командира БЧ-2 в рефкамеру.

26 АВГУСТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СУДНО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВМС США «КЕЙП РЭЙ»

Артисты Вадим Панфилов и звуковик Алексей Зубарев вначале боя держались следом за Сивашевым, как тот и учил, стараясь не отставать. Пару раз они теряли его из виду, но потом снова находили. А затем Алексей Зубарев обнаружил, что Вадим Панфилов куда-то пропал. Звать его в грохоте пальбы было бесполезно, искать в дыму тоже. Оглянувшийся Сивашев крикнул:

– Зубарев! Прикрывай спину!

Они забежали за какую-то надстройку, где, пригнувшись, уже сидела пара матросов с «Костромы» и морпех. Панфилова среди них не было.

– Пробиваемся к носовому трюму! – объявил Сивашев и показал направление рукой. – Первый – я. Остальные прикрывают огнем. Потом Зубарев. Затем по одному матросы.

Все молча кивнули.

– Ты идешь последним, – сказал Сивашев десантнику, – Всех прикрываешь! Мы тебя тоже прикроем. Ну что, все готовы?

– Готовы! – хрипло ответили все четверо.

– Ну, тогда с Богом!

Сивашев стремительно сорвался с места и бросился вперед. Через несколько секунд он был уже за какой-то переборкой. Махнул оттуда рукой, мол, следующий.

Сердце у Зубарева стучало так, что готово было вырваться из груди. Стрельба к этому времени не только не утихла, но, наоборот, усилилась. Приютившая их надстройка то и дело гудела от попадавших в нее шальных пуль. Покидать это пусть ненадежное, но убежище было страшно, но покидать было необходимо. Увидев сигнал Сивашева, Зубарев без раздумий рванул вслед за ним. Как добежал, не помнил. Помнил только, что Сивашев буквально схватил его за шиворот и притянул к себе

– Эко ты разогнался! – только и сказал.

Бежавший третьим матрос не добежал. На середине дистанции его ноги подкосились, и он упал. Зубарев с надеждой смотрел, что тот, может быть, поднимется, но матрос был недвижим. Следующий матрос за ним и десантник добежали без приключений. Пока Сивашев проводил наскоро рекогносцировку, определяя их местоположение на нарисованной им же схеме «Кейп Рэя», Зубарев неотрывно смотрел на неподвижно лежавшего на палубе мат-

роса. А затем, не отдавая себе отчета, что он делает, неожиданно рванул к нему. Подбежав, подхватил под мышки и потащил, поволок в спасительное убежище за пиллерс.

Первое, что увидел, было злое лицо Сивашева. Тот быстро осмотрел принесенного Зубаревым матроса.

– Он мертвый! Зря рисковал!

Зубарев старался отдышаться, но получалось плохо. В груди что-то хрипело и хлопало.

– Со мной что-то не так! – сказал он сидевшему рядом десантнику.

– Где? – хмуро спросил тот.

– Кажется, грудь! – прошептал Зубарев.

Десантник отцепил бронжилет, разорвал рубашку.

– Пробило бронжилет и зацепило легкое! Входное отверстие будь здоров! Не иначе как тяжелый пулемет!

Десантник вытащил аптечку, вколол что-то Зубареву в руку, а затем быстро и ловко перебинтовал грудь. Сверху снова нацепил бронник.

– Сильно задело? – спросил Сивашев, стараясь не смотреть Зубареву в глаза.

– Прилично! – вздохнул десантник. – Надо на «Кострому», а то здесь долго не протянет.

Сивашев скривился. Он был не то что просто зол, он был в бешенстве, едва сдерживаясь, чтобы не выругаться. Сейчас, когда каждый человек на счету, Зубарев, вытаскивая мертвого матроса, реально подставился, и теперь для его эвакуации надо выделять еще одного человека из их и так уже сильно поредевшего отряда. Хотя в глубине души понимал, что Зубарев поступил так по велению своего доброго сердца, причем рисковал собственной головой вполне сознательно.

– Я сам потихоньку дойду! – слабым голосом пролепетал Алексей.

Перед глазами у него все плыло, он с ужасом чувствовал, как его стремительно покидают последние силы.

Сивашев глянул на сидевшего на корточках матроса, который неотрывно смотрел на своего только что погибшего товарища.

– Как друга звали?

– Женька! – ответил тот, понурившись. – Женька Карпушкин!

– А тебя как зовут?

– Старший матрос Комаров, Сергей!

– Вот что, Серега, – положил ему руку на плечо Сивашев. – Ситуация, сам видишь, у нас аховая. Поэтому твоя задача будет такая – доставить раненного на борт «Костромы». В рост не вставать, передвигайся осторожно на карачках, бери за шиворот и просто тащи. Палуба металлическая, так что бронжилет будет скользить. Задача ясна?

– Так точно! – ответил матрос, потом еще раз глянул на убитого товарища и спросил: – А Женьку когда заберем?

– Вот отобьем корабль у бармалеев и заберем. А теперь давай не задерживайся, вперед!

Матрос схватил рукой за верхнюю часть бронжилета и, встав на карачки, поволок уже теряющего сознание Зубарева по направлению к борту «Костромы».

Добраться невредимыми до «Костромы» этим двоим было, однако, не суждено. Недалеко от борта они попали под пулеметный огонь, которым сразу же тяжело ранило матроса Комарова и вторично в ногу Зубарева. И теперь уже Зубарев последней силой воли (сил у него к этому времени уже не было совсем) волок за собой потерявшего сознание матроса. Сколько длился этот путь, он впоследствии так и не мог вспомнить. Когда ему сказали, что от стойки пиллерса до борта они ползли всего-то максимум каких-то шесть-семь минут, он не поверил, так как эти минуты показались ему вечностью. Но вот наконец и борт «Кейп Рэя», а за ним надстройки уже такой родной «Костромы».

– Мы здесь! – закричал Зубарев, приподнявшись на локте и махнув рукой. – Помогите, со мной раненый!

Больше он ничего уже не успел сказать, так как отключился...

Баритон Вадим Панфилов с первых минут боя старался не отставать от Сивашева. Вместе с Зубаревым они бежали почти локоть к локтю. Но затем в какой-то момент всех накрыл особо густой дым, и Панфилов остался один. Впрочем, вскоре он снова увидел какие-то тени и, решив, что это Сивашев с Зубаревым и остальными, побежал за ними. Сказать, что Панфилову не повезло, значит, не сказать ничего. Дело в том, что в дыму он увидел перебежавших террористов. Приняв игиловцев за своих, он побежал следом. В свою очередь, игиловцы, обнаружив, что за ними перемещается какая-то тень, также не придали этому никакого значения, полагая, что это кто-то из своих. Теперь судьбу невольных попутчиков должен был решить его величество случай...

Совместное путешествие в дыму продолжалось с полминуты, пока Панфилов не услышал, что бежавшие впереди остановились и окликают его по-арабски. Расстояние между ними было не больше десяти метров. Время на раздумья не было, и Вадим мгновенно дал длинную очередь по невольным спутникам. Честно говоря, он очень боялся, что сейчас в ответ раздастся такая же очередь, ведь промазать с такого расстояния было просто невозможно. Поэтому Панфилов всадил в маячившие впереди фигуры весь рожок, а затем рухнул на палубу и отполз, как учили в армии. Судорожно переменял рожок и снова, уже с положения лежа, расстрелял его туда, где находились его попутчики. Сглатывая слюну, тревожно прислушался. Фигур не было видно, и с их стороны было тихо. Снова перезарядив автомат, Панфилов медленно пополз вперед. Вставать и бежать ему было страшно. Быстро подполз к первому телу. Это был только что убитый им террорист. Рядом с ним лежал второй, третий... Он полз между трупами, с ужасом осознавая, что все эти только что убитые люди – дело его рук. Четвертый лежащий еще хрипел и сучил ногами, его на всякий случай Панфилов хотел было обползти подальше. И в это время раздался крик. Кричал пятый, которого он, видимо, только ранил. В крике звучали страдальческие нотки, раненый звал на помощь. И почти сразу совсем рядом снова раздалась арабская речь. Панфилов приткнулся к умирающему, тому, что все еще сучил ногами. Из-под тела быстро расплзлась лужа крови, и Вадим оказался прямо в ней. Но сейчас было не до таких мелочей. Он выставил вперед автомат. К раненому подбежали двое. Они подхватили кричавшего, но далеко уйти им было не суждено. Всадив в троицу весь третий рожок, Вадим перевел дыхание. Снова тревожно прислушался. Поодаль шел бой, но рядом все было тихо. Огляделся. Сучивший ногами террорист уже затих. Панфилов нащупал у него на груди разгрузку. Вытащил два полных рожка от «калашников». «Ну, значит, пока живем!» – сказал сам себе и, разоружив мертвого игиловца, пополз вперед, оставляя позади на палубе мокрый след чужой крови.

Певица Таня Пахомова отстала от своей группы уже в самом начале боя. Виновата в этом она была сама. Ведь предупреждали, что после того, как начнут дымить дымовые шашки, следует прикрыть рот и нос мокрым платком. И хотя платок Таня взяла, намочить его перед боем все-таки забыла. Кашляя и чихая от едкого дыма, она остановилась всего на одну минуточку и сразу осталась одна. В какой-то момент мелькнула мысль о возвращении. Ну отстала, ну заблудилась. Она же ведь девчонка, никто особо и ругать не станет. Такой вариант Таню не устраивал. «А как же я после этого в глаза командиру корабля посмотрю? Я же сама напросилась в бой! Неужели я, казачка, испугаюсь какого-то дыма!» – упрекнула она себя и с шашкой в одной руке и кинжалом в другой рванула вперед в клубящуюся неизвестность.

Там, в почти непроглядной тьме, она и столкнулась лоб в лоб с первым террористом. Это был здоровенный араб с зеленым платком на голове. В одной руке он сжимал висевший на плече автомат, а второй зажимал нос. Тане повезло, и она увидела врага на несколько мгновений раньше, чем он ее. Когда же араб, разглядев девушку, схватился было второй рукой за

автомат, чтобы открыть огонь, было поздно. Прадедовская казачья шашка, описав полукруг, с хрустом опустилась на его голову. В одно мгновение зеленый платок стал красным, а сам араб рухнул к ногам Тани. Она в ужасе несколько мгновений смотрела на дело рук своих. Еще бы, прямо у ног лежал первый убитый ею человек. И хотя это был враг, все равно Тане стало страшно. Но раздумывать о содеянном времени не было. Вокруг по-прежнему гремели выстрелы, и казачка рванула дальше.

Никакого плана в голове у Тани не было. Она понимала, что это плохо, но решила так: пусть по плану воюют мужчины, а она будет, как говорится, свободным охотником, и пусть будет, что будет. Внезапно она почувствовала, как по ее телу пробежала неведомая раньше дрожь, а руки внезапно обрели какую-то неведомую дотоле силу. Она обнаружила, что у нее резко обострились слух и зрение, а мысли в голове стали простыми и краткими. Что именно с ней происходит, она не знала, но понимала, что тело и мозг откликнулись на ее решимость сражаться. Так все и было. Из глубин подсознания внезапно вырвался наружу весь боевой опыт ее прапрадедов, не пропустивших в течение трехсот лет ни одной войны. Сработали какие-то неведомые родовые гены, о которых она не имела ни малейшего представления. Это нахлынувшее разом новое состояние и сознание себя в новом качестве произошли в течение каких-то секунд. И если до этих секунд Таня была обычной девчонкой, то теперь она почувствовала себя настоящим воином, вышедшим на тропу безжалостной войны. Теперь она была готова сразиться с самими подготовленными врагами, будучи твердо уверенной, что внутренний голос предков подскажет ей, как вести себя в бою, и выручит в любой беде.

Второй противник себя тоже ждать долго не заставил. Он вынырнул из дыма и почти сразу пропал. Но этой пары мгновений Тане хватило, чтобы с пяти метров с размаху всадить ему по рукоятку свой кинжал. Террорист упал ничком и, крича что-то на своем тарабарском, пытался вытащить торчавший из спины кинжал. Но сделать этого не успел. Подскочив к игиловцу, Таня сама с силой выдернула кинжал, после чего араб сразу обмяк и уткнулся лицом в палубу.

Теперь впереди у Пахомовой был закрытый люк. Судя по всему, это был вход в трюм. По крайней мере, именно так она запомнила этот люк на схеме. Но люк был закрыт на огромный висячий замок, открыть который у нее никакой возможности не было. В это время сзади раздалась длинная автоматная очередь. Краем глаза Пахомова успела заметить, что стреляли из-за поддерживавшего вертолетную палубу пиллера. Несколько пуль прошли совсем рядом с головой. Раздумывать времени не было, и она спряталась за ближайшую вентиляционную выгородку.

Ни Сивашев, ни кто-либо другой из команды и пассажиров «Костромы» не знали, почему на палубе почти нет террористов. Как оказалось, игиловцы вначале решили, что русские применили против них не просто дым, а какое-то неизвестное химическое оружие. Именно поэтому большинство воинов джихада кинулись в одну из рубок, где хранились противогазы. Кое-как нацепив первые попавшиеся, они поспешили обратно. Но в плотном дыму сквозь неплотности резины пробивался дым, а глаза и окуляры застилал пот. Поэтому одни боевики, с криком «Аллах акбар», срывали с себя противогазы и, к своему удивлению, обнаруживали, что никакого удушающего газа нет и дышать вполне возможно. Эти быстро включались в бой. Другие же, оставаясь некоторое время в противогазах, кое-как стреляли по сторонам, создавая больше суматохи, чем наносили реального вреда. Самым же главным результатом дымовой атаки было то, что, бегая за противогазами, террористы потеряли главного союзника – время. Пока они искали противогазы, надевали их, а потом снова стаскивали, бойцы атакующей группы с «Костромы» успели, практически без потерь, перебраться на борт «Кейп Рэя» и рассосредоточиться по всей задымленной палубе. И хотя свежий морской ветер вскоре начал разносить в стороны клочья дыма, ни о каком захвате «Костромы» речи уже не было. Теперь джихадистам было впору отстоять сам «Кейп Рэй». При этом и здесь они оказались в крайне

невыгодной ситуации. Группы захвата с «Костромы» уже успели занять хорошие оборонительные позиции и теперь, едва в просветах дыма появились характерные бородатые фигуры, их тут же расстреливали на выбор. Потери боевиков росли с каждой минутой, причем без всякой реальной пользы. При этом боевики еще до начала боя оказались без командования – Сейфуддина и его помощника Али. Привыкшие беспрекословно подчиняться главарю, они теперь просто не знали, что делать дальше: оборонять «Кейп Рэй» или же по-прежнему, как было приказано Сейфуддином, стараться захватить русский корабль, а может, и вовсе, пока не поздно, взорвать свое судно со всем химическим оружием? Но команду на взрыв химического оружия мог дать только Сейфуддин, а его нигде не было видно.

Но вот наконец появился на верхней палубе Сейфуддин и вступил в командование. Впрочем, часть «Кейп Рэя» была к этому времени уже в руках Джахангира, какая именно, Сейфуддин еще до конца не знал. Впрочем, он надеялся, что дым от русских дымовых шашек скоро выветрится и тогда его воины покажут этим русским, что значит настоящий гнев воинов джихада.

При этом Сейфуддина все время навязчиво преследовала мысль о том, что, может быть, было бы правильно именно сейчас, не рискуя, взорвать тысячи тонн химических отравляющих веществ. Мысль эту он старался гнать прочь. Во-первых, еще ничего не потеряно и его умения вполне хватит на то, чтобы все же переиграть хитрого Джахангира. Во-вторых, взрыв ОВ посреди моря, хоть и будет иметь негативные последствия для окружающих районов, не произведет никакого эффекта на мировую общественность, так как жертв будет не так уж и много – его люди на «Кейп Рэе», русские на «Костроме» да еще, может быть, население нескольких ближайших греческих островов. Таким образом, все усилия на подготовку и проведение грандиозной операции пойдут прахом. Наконец, было и самое главное «но». Лично он, Сейфуддин, погибать в облаке смертельных газов вовсе не собирался. Он желал смерти другим, но никак не себе. Самоубийство, пусть даже и столь пафосное, в его планы не входило. Поэтому решение могло быть только одно – вышвырнуть русских с «Кейп Рэя», а затем уничтожить их корабль и продолжить выполнение первоначального плана. Других вариантов Сейфуддин просто не видел. Да, ко всему прочему, у него имелась и своя личная задача: поймать и казнить, так ловко обманувшего его Джахангира-Шубина, который отныне и до самой своей смерти будет его заклятым врагом.

А затем он увидел пробирающегося перебежками... Шубина в окружении нескольких бойцов. Это была удача, о которой он мог только мечтать. «Аллах услышал мои мольбы и снизошел до своей милости», – мелькнуло у него в голове.

– За мной! – крикнул Сейфуддин ближайшим боевикам и бросился в сторону обнаруженного врага.

Но боевикам в очередной раз не повезло. Слепленный ненавистью, Сейфуддин пренебрег элементарными правилами тактики ближнего боя и рванул к своему обидчику напрямки. Увы, злость и ярость не всегда лучшие помощники в бою. Увидев бегущих цепью террористов, Шубин приказал бывшим с ним морякам залечь и открыть огонь. Автоматные очереди тут же смели первых бежавших. Отставшие замешкались и начали прятаться за различные механизмы на палубе. Но удалось это далеко не всем. Террористы оказались на отлично простреливаемом пространстве, и даже не слишком хорошо подготовленные в стрелковом отношении матросы спокойно укладывали их одного за другим. Видя, что из его атаки ничего не получилось, Сейфуддин попытался было убраться обратно в надстройку. Но одна из пуль настигла его сзади, поразив в спину. «Великий амир аль-бахр» упал на палубу и ужом пополз за ближайшую швартовую тумбу, но там его настигла вторая пуля.

Сейфуддин был еще жив, когда вся его группа была уже уничтожена. Он приподнял голову и увидел, как к нему с автоматом наперевес подошел Шубин.

– Будь ты проклят, проклятый гяур! – пытался выкрикнуть облокотившийся на кнехт Сейфуддин, но крика не получилось. У него забулькало в горле и изо рта пошла кровавая пена.

– Я же тебя связал, лежал бы себе тихо, чего дергался! – сказал ему Шубин, покачав головой почти примирительно. – Доставили бы тебя, куда полагается, судили, может и срок какой дали. А теперь дышаешь, как собака.

– Еще ничего не кончено! – яростно прошептал амир аль-бахр немеющим ртом. – Мы с тобой еще встретимся!

– Ну, это вряд ли! – передернул плечами Шубин. – Мне в твоём эдеме с гуриями делать нечего. Меня жена дома ждет. Прощай.

Надо было спешить в трюм, где могло ждать немало неприятных сюрпризов.

Уже стекленеющими глазами Сейфуддин видел, как Шубин со своими товарищами устремились к люку кормового трюма. А потом солнце в его глазах навсегда померкло, причем безо всякого рая и гурий...

По пути к трюму Шубин невольно подумал, что по всем канонам настоящего боевика они с Ахмедом должны были в самом конце боя сойтись в личной рукопашной схватке и таким образом решить, сможет ли добро с кулаками победить зло с кулаками. Но, как оказалось, киношные боевики – это одно, а проза реальной жизни – увы, совсем другое.

...Люк, ведущий в трюм, был, разумеется, закрыт. Времени для долгих раздумий не было.

– Подрывай! – приказал Шубин.

Быстро прицепили к дужке замка подрывной заряд.

– Хватит ли? – с сомнением покачал головой Шубин.

– Люк, разумеется, не снесет, а вот замочную дужку перешибет наверняка! – ответил ему, поджигая короткий бикфордов шнур, широкоплечий морпех.

– Всем в укрытие! – крикнул Шубин.

Взрыв получился негромким и глухим. Дужка замка оказалась перебитой. Моряки вшестером с трудом подняли огромную и тяжеленную крышку люка и застопорили ее. Глубоко вниз уходил легкий металлический трап. Внизу была неизвестность.

– Товарищ командир! Давайте я первым, а то мало ли чего! – сунулся было вперед мичман Рубцов.

– Много или мало, это ты потом бабушке расскажешь! – махнул рукой Шубин и первым буквально скатился по ступенькам трапа вниз. Следом за ним как горох посыпались остальные.

В огромном трюме был полумрак. Тускло светили синие плафоны дежурного освещения. Все пространство трюма было заставлено огромными желтыми бочками.

С бочек на наших моряков мрачно взирали набитые трафаретами черные черепа с перекрещенными костями. У каждого черепа красовалась большая литера «Т» со знаком «+» – знаки, обозначающие, что в бочке находится особо токсичное вещество и международный индекс «U+2620», означающий – «отравляющее вещество». Бочки стояли плотными рядами, намертво сцепленные группами между собой, чтобы не разбросало на качке. Между рядами были довольно широкие проходы, в которых стояло несколько закрепленных по-штормовому транспортеров и подъемников.

– Обследовать трюм! Огонь не открывать! – приказал Шубин, хотя прекрасно понимал, что если даже огонь откроют только террористы, то этого вполне хватит для трагического развития событий.

– Товарищ командир! Давайте я первой пойду! – раздался рядом девичий голосок. – Я без автомата управлюсь, по-нашему, по-пластунски!

Шубин повернул голову. Это была неугомонная Пахомова. Переждав за вентиляционной выгородкой, пока стрелявший по ней игиловец куда-то переместился, она, увидев, как Шубин с Панфиловым и остальными подорвали замок и спустились в трюм, сразу же решила последовать за ними.

– А ты как здесь оказалась? – не слишком ласково спросил Таню Шубин.

– Да в дыму от своих отбилась, а потом вот к вам прибилась! – обезоруживающе улыбнулась та.

– Ну, давай действуй, пластуница ты наша! – вздохнул Шубин. – Вариантов у нас сейчас немного.

Таня кошкой скользнула за бочки и сразу же пропала из виду.

– У кого-нибудь есть портативная рация? – спросил он у окружавших его бойцов.

Те отрицательно покачали головами.

«Что ж, делать нечего, придется действовать без связи», – с грустью подумал командир «Костромы».

– Ты, ты и ты! – кивнул Шубин трем морякам. – Прикрывайте верхний люк. Бармалеи наверняка попытаются сюда проникнуть. Задача – любой ценой их в трюм не пустить. Имейте в виду, что они могут бросать вниз гранаты. Согласно нашей схеме, в кормовой трюм есть еще один вход через внутренние помещения. Вон там! – он указал рукой по направлению, где должен был располагаться еще один вход. Туда Шубин отправил двоих матросов во главе с широкоплечим морпехом.

Остальные, рассредоточившись, медленно двинулись между рядами бочек в глубь трюма. К неудовольствию Шубина, как ни он, ни его люди ни старались не шуметь, все равно их шаги гулко отдавались в безмолвии огромного помещения. Впрочем, может, это лишь ему так казалось. Внезапно где-то впереди он уловил какое-то движение, потом даже нечто вроде короткого вскрика. Прислушался. Снова было тихо.

А вскоре идущий слева десантник поднял руку – сигнал внимания! Подошедшему Шубину он молча показал вперед. Там, уткнувшись лицом вниз и разбросав по сторонам руки, лежал в луже крови здоровенный террорист.

«Чистая работа, – с удовлетворением подумал Шубин. – А еще говорили, что она певица! Десяток таких певиц – и никакого спецназа не надо!»

Впереди опять послышался какой-то глухой шум, что-то грузно упало на металлические паелы. Шубин и остальные замерли. Вроде тихо.

«Кажется, Таня сняла очередного бармалея», – подумал Шубин с некоторым облегчением.

Спустя несколько минут шедший левее боец поднял руку и показал Шубину два пальца, предварив это характерным жестом руки поперек горла. Шубин кивнул. Это могло значить, что боец обнаружил второго Таниного «жмура», а может быть, и сразу двух. В любом случае пока что Пахомова более чем профессионально зачищала трюм от террористов.

Группа Шубина уже почти добралась до середины трюма, когда где-то сбоку он услышал негромкие всхлипы. Все замерли, в недоумении переглянувшись.

Чего-чего, а услышать сейчас женский плач Шубин ожидал меньше всего.

«Наверное, у Тани сдали нервы, – с горечью подумал он. – Да и в самом деле, она все же обычная девчонка, а не киборг-терминатор».

Сделав знак соблюдать максимальную осторожность, Шубин двинулся по направлению раздававшихся всхлипов. Неожиданно сбоку мелькнула быстрая тень. Все вскинули автоматы, но из сумрака бесшумно появилась Таня. В руке ее был окровавленный кинжал. Палец другой руки она приложила к своим губам, явно требуя полной тишины.

Затем Пахомова показала головой в направлении небольшого коридора между двух стеллажей бочек и пропустила вперед Шубина.

Тот шагнул в узкий проход и через десяток шагов оказался перед выходом на небольшую свободную площадку. Посреди площадки стояло несколько ящиков, на которых, сгорбившись, сидела фигура в чадре. И человеческая фигура, и ящики были опутаны многочисленными проводами, кроме этого человека опоясывал и массивный пояс. Судя по всему, сидевший на

ящиках не заметил ни ранее обнаружившей ее Тани, ни Шубина. Она (это явно была женщина) горько плакала, обхватив голову руками.

Несколько мгновений Шубин размышлял, как быть дальше. Перед ним была классическая женщина-шахидка, усаженная на ящики со взрывчаткой и ожидающая команды на самоподрыв. Испугать такую даму было бы верхом неосмотрительности. Надо было действовать очень осторожно. «Если она плачет, значит, боится смерти, значит, не хочет умирать, а это дает нам шанс на успех», – подумал Шубин и, приставив к ближайшей бочке свой автомат, подняв руки, решительно выступил вперед.

– I am Russian sailor. I have no weapons! The ship is already under our control! I come in peace to save you and many other people from death! Believe me! (Я русский моряк. У меня нет оружия! Корабль уже под нашим контролем! Я пришел с миром, чтобы спасти вас и многих других людей от смерти! Верьте мне, я не сделаю вам ничего плохого!) – сказал он на корявом английском.

Сидевшая на ящиках женщина подняла голову и внимательно посмотрела на Шубина. Из-под платка-никабе сверкнули заплаканные глаза.

– Я хорошо понимаю по-русски! – неожиданно сказала женщина. – Я и сама была когда-то русской!

Шубин от волнения нервно сглотнул. Скорее всего, перед ним на ящиках с тротилом сидела его первая любовь – Марина! Конечно же это была именно она! Маловероятно, что у Ахмеда кроме нее, есть еще какие-то русские женщины.

– Не подходи, неверный! – внезапно перешла на истеричный крик женщина. – Я исполню волю Аллаха, и никто не сможет мне помешать! Ни шагу вперед!

«Да, обработали бывшую питерскую студентку, кажется, очень серьезно, – подумал с грустью Шубин. – Ну, и что теперь прикажете делать?»

Теперь Шубину предстояло почти невозможное – за какие-то минуты попытаться распропагандировать убежденную шахидку. Верил ли он в это или нет, неизвестно. Скорее всего, ему в тот момент было вовсе не для отвлеченных раздумий. Надо было решать вопрос и решать как можно быстрее.

– Давайте, пока вы будете зубы этой мадам заговаривать, я подберусь к ней сзади. Сделаю все любо-дорого! – горячо зашептала сзади в ухо Таня.

Шубин отрицательно покачал головой.

– Ну, здравствуй, Марина! – сказал он со всей возможной напускной радостью и сделал осторожный шаг вперед.

Сидевшая резко вскинула голову, не обратив внимания на то, что Шубин одновременно с обращением к ней сократил дистанцию. Женщина явно была потрясена услышанным.

– Я не Марина, я Марьям!

– В этой нынешней жизни ты, может быть, и Марьям, но в старой своей жизни в России ты была Мариной! Ты ведь помнишь свое имя, которое тебе дали родители!

– У меня нет родителей! – резко ответила сидевшая на ящиках.

– Родители есть у каждого человека и у правоверных, и у неверных. Кстати, твои родители живы и здоровы и сегодня. Твой отец, Иван Терентьевич, уже давно на пенсии. И хотя последнее время стал прибалывать, все еще занимается вашей дачей в Вырице. Ты помнишь дачу?

– Помню, – сдавленно произнесла женщина. – Кто вы такой?

– Я твой старый друг Володя Шубин. Ты помнишь меня? Мы с тобой хорошо дружили, и я часто бывал у вас в гостях. Помнишь, какие вкусные яблочные пироги готовила Наталья Ивановна?

– Помню! – еще глуше произнесла Марина. – А что с мамой?

– Мама тоже жива и здорова. Насколько я знаю, за последние месяцы ей несколько раз вызывали «скорую», сама понимаешь, возраст есть возраст, а заботиться особо некому. Ты же помнишь, у мамы и раньше были проблемы с сердцем. Я знаю, что она очень переживает за тебя и ждет тебя домой.

Честно говоря, Марининым родителям Шубин звонил последний раз уже пару лет назад, но сейчас было не до сантиментов, и поэтому он сочинял на ходу.

– У меня нет дома! – сквозь зубы произнесла Марина.

– Это неправда! – сделал еще шаг к шахидке Шубин. – У каждого человека должен быть дом, особенно родительский. Если ты помнишь, твой дом находится в Петербурге на Витебском проспекте.

– Ты был у родителей? – уже более спокойным тоном произнесла после некоторого молчания Марина.

Ободренный Шубин сделал было еще шаг вперед.

– Назад! – резко приказала Марина.

Шубин немедленно отступил назад и как ни в чем не бывало продолжил разговор:

– Я был у твоих года три назад, а так перезваниваемся несколько раз в году. Кстати, они всегда очень рады моим звонкам. Поверь, твои родители сейчас очень одиноки, ведь кроме тебя у них никого больше нет.

– Спасибо, что не забываешь. Ты всегда был очень порядочным человеком, намного порядочнее, чем я... – спросила Марина примирительно. – А как ты оказался здесь?

– Я узнал, что ты на этом судне от Ахмеда и пришел, чтобы забрать тебя отсюда и привезти родителям! – сказал Шубин, снова делая осторожный шаг вперед.

На этот раз окрика со стороны Марины не последовало.

– Меня уже поздно и спасать, и забирать!

– Ну, это не так. Если хочешь, мы сегодня же вместе позвоним в Петербург. Вот радости-то будет! – изобразил веселость Шубин, для большего эффекта всплеснув руками.

С этим он явно переборщил. От резкого движения Марина вздрогнула.

– Я никуда отсюда не уйду. Все уже решено. Моя душа принадлежит Аллаху, и все остальное не важно.

«Врешь, голубушка, ой, врешь, – подумал про себя Шубин. – Если бы все было для тебя не важно, ты не расспрашивала бы меня про родителей!»

Было очевидно, что в душе затравленной и зомбированной Марьям что-то шевельнулось. Теперь надо было не упустить момент и продолжать развивать чуть наметившийся успех. Шубин решил, что сейчас перейдет к воспоминаниям о Летнем саде, который, по его памяти, был когда-то ее любимым местом отдыха.

Он уже готовился открыть рот, как вдалеке, в районе люка, донесся приглушенный выстрел. Шубин нервно оглянулся.

Марина нервно трясла головой и кричала:

– Я ничего не желаю вспоминать! Марина умерла! А сейчас умрет и Марьям!

Увы, едва наметившийся диалог был напрочь перечеркнут. Теперь надо было начинать все заново, и кто знает, как все пойдет на этот раз. Время же не ждало, надо было срочно решать затянувшуюся проблему. Выбор при этом был невелик, и Шубин слегка кивнул Тане, одновременно скосив глаза на Марину: мол, обезвредь, но оставь ее в живых. Таня, обрадованно кивнув в ответ, тут же растворилась между бочек.

«Только бы она постаралась решить проблему с Мариной без своего родового кинжала! – подумал Шубин с тоской. – Только бы она правильно поняла мой жест».

Стать палачом своей первой любви ему очень и очень не хотелось. Но, дав команду Паховой, от него теперь уже мало что зависело. Однако теперь Шубин мог, по крайней мере, уже не раздражать Марину своими попытками приблизиться, а сосредоточиться только на разго-

воре. Он начал рассказывать ей о сегодняшнем Питере и ее родителях и, конечно, о Летнем саде. Многие додумывал прямо на ходу. Марина уже не огрызалась, слушала молча, а один раз, вытерев слезы, даже улыбнулась.

Он говорил и говорил, стараясь отвлечь свою старую знакомую от того, что ей предстояло совершить. При этом Шубин понимал, что Марина должна, скорее всего, совершить подрыв по команде Ахмеда. Но ведь мог быть и запасной вариант, когда подрыв мог быть произведен по обычной мобилке. Да, пульт управления подрывом и несколько телефонов он выкинул за борт, но где гарантия, что на судне нет второго пульта и других иницилирующих подрыв телефонов?

Впрочем, пока надо было решить проблему с шахидкой Мариной. У входного люка снова раздалось несколько выстрелов. Стреляли явно сверху. В ответ наши тоже открыли огонь. Затем взорвалась граната. Шубин вздрогнул: а вдруг наши не успели укрыться? Но по тому, что почти сразу снизу началась ответная стрельба, понял: у верхнего люка пока все более-менее под контролем. Затем началась перестрелка и у межотсечной двери. Там она, правда, быстро стихла.

Чем больше говорил Шубин с Мариной, тем больше видел, что она понемногу оттаивает. Но время, время, время...

Наконец, сзади Марины появилась Таня. Она кошкой кинулась на сидевшую на ящиках женщину. Шубин невольно закрыл глаза, чтобы не видеть, как Пахомова перережет шахидке горло. Но Таня лишь ударила ее в затылок зажатой в руке гранатой. Марина начала медленно сползать с ящиков. Шубин кинулся к ней. «Черт возьми, а вдруг смертельный пояс несъемный», – подумал он.

Вместе с подбежавшими бойцами они быстро оборвали соединявшие Марину с ящиками провода. Пояс трогать не стали. Шубин пощупал пульс женщины. Не перестаралась ли Танька? Но все обстояло более-менее нормально. Пульс был. Марина находилась в полной «отключке», но была жива. Двое матросов взвалили бесчувственную шахидку на себя и потащили к стоявшим у люка транспортерам. Марину при этом на всякий случай связали и закрыли в транспортер, чтобы, придя в себя, та не наделала в горячке каких-нибудь глупостей.

– Спасибо, что на этот раз без кинжала! – искренне поблагодарил Шубин Таню.

– Да что я, не понимаю, что ли! – улыбнулась та в ответ. – Может быть, мы только что с вами спасли заблудшую душу.

И тихонько пропела:

Ойся, ты ойся,
Ты меня не бойся,
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся...

С Пахомовой они побежали к верхнему люку. Там все еще шла яростная перестрелка. Бармалеи что есть мочи палили сверху вниз, а наши столь же активно отвечали снизу вверх. К радости Шубина, потерь среди оборонявших люк не было. Только один из матросов получил пулю по касательной, слегка задев плечо, но это уже при сегодняшнем раскладе было не в счет.

Шубин сбегал к межотсечной двери выяснить обстановку там. Оборонявшие ее матросы доложили, что попытка прорыва была, но, потеряв пару человек, боевики отошли, и пока все тихо.

Немного успокоенный, Шубин вернулся обратно к верхнему люку. С одной стороны, он сделал все что мог. Успел занять трюм с отравляющими веществами, ликвидировал охрану и нейтрализовал шахидку-подрывницу, а также пока пресекает все попытки бармалеев про-

биться в трюм. Это плюсы. Минусом же было то, что он отрезан от своего корабля и от сражающихся на верхней палубе и совершенно не знает, что там происходит.

Тем временем бой за носовой трюм был еще в самом разгаре. Там наших возглавляли капитан 3-го ранга Матюшкин и поэт Ян Березкин. Вопреки опасениям Шубина, оставшиеся в живых террористы не стали спускаться в трюм, а пытались отойти в сторону бака, где затем и были быстро уничтожены. Матюшкин, Березкин и матросы спустились в трюм. Он был не столь большой, как кормовой, но все же весьма объемный. Освещения за исключением тусклых дежурных лампочек не было. Когда глаза привыкли к полутьме, двинулись вперед между рядами бочек с ОВ. Но буквально через десять шагов Матюшкин поднял руку вверх. Стоять! Все мгновенно остановились. Алексей Ильич жестом подозвал к себе Березкина. Показал куда-то в сторону рукой: мол, смотри. Березкин глянул в указанном направлении. Вдалеке между рядов снайтованных бочек на поставленных друг на друга ящиках сидели две шахидки с поясами смертниц, опасливо прислушавшиеся к происходящему наверху.

Ситуация была непростая. Вступать в какие-либо переговоры со смертницами, не зная ни слова по-арабски, значило спровоцировать их на самоподрыв, неминуемо бы вызвавший детонацию вначале носового, а затем и кормового трюмов.

– Сможешь, – шепотом спросил поэта заместитель по работе с личным составом.

– Постараюсь, – также шепотом ответил Березкин и жестом показал, чтобы все отошли назад и не мешали ему.

Когда это было выполнено, Ян лег на палубу и, приложившись к выпрошенному перед боем СКСу, начал выцеливать шахидок. Задача у Березкина была не из легких, при плохом освещении на большой дистанции ему было нужно произвести не один, а сразу два точных выстрела, причем сделать их без малейшей паузы, чтобы не дать шансов отреагировать на первый выстрел второй шахидке. «Это не то, что в глаз белке, это как в глаз комару», – подумал бывший охотник и, опустив палец на спусковой крючок, задержал дыхание.

Два выстрела, прозвучавших почти одновременно, слились в одно целое гулким эхом по трюму. Матюшкин выскочил из-за бочек и, срывая дыхание, кинулся вперед. А вдруг хоть одна из смертниц не убита, а ранена и, придя в себя, все же нажмет «красную кнопку».

– Алексей Ильич! – крикнул ему вдогонку Березкин. – Не бегите. Все уже кончено!

Но Матюшкин все же добежал до смертниц. Взору его предстала печальная картина. Головы обеих женщин были разбиты точными выстрелами Яна. Причем все произошло так быстро, что выражения их лиц так и остались отрешенно-спокойными.

Оставив около мертвых женщин часового, Матюшкин на всякий случай приказал дообследовать весь трюм, но больше там никого не оказалось. Уже после, поднявшись наверх, он попросил спуститься в носовой трюм прапорщика Чепижко, который и разминировал убитых смертниц.

Почти одновременно был освобожден и ПЭЖ, который террористы, оставшись без командования, даже не пытались оборонять, так же как и не пытались что-то вывести из строя.

Вскоре последовала еще одна попытка террористов пробиться в трюм. Сразу несколько человек с криками «Аллах акбар» бросились вниз по трапу, поливая впереди себя из автоматов. Это была явно атака отчаяния. И результаты не замедлили сказаться. Все атаковавшие были уничтожены еще на трапе и вниз попали уже в качестве трупов. Больше никаких попыток по прорыву в трюм не было.

А через десяток минут сверху закричали:

– Эй, внизу! Там есть кто-нибудь?

– Я Шубин! – закричал Шубин. – А ты кто?

– Я полковник Сивашев! Пришел, чтобы вызволить вас, Владимир Михайлович, из сей химической бездны! – не утратил юмора ветеран ВДВ и РВСН.

Поднявшись по трапу, Шубин обнял старого полковника.

– Вся верхняя палуба наша! – доложил ему Сивашев. – Кормовая надстройка тоже. Уже провели предварительную зачистку. Где-то в носу в районе брашпиля еще укрываются два-три человека, но там работает Чепижко, а это значит, что в течение получаса он с ними покончит.

– Спасибо, Станислав Николаевич!

– Служим Отечеству! – засмеялся довольный Сивашев.

Увидев Пахомову, он удивленно поднял бровь:

– И ты здесь! Наш пострел везде поспел! Перебинтуй мне лучше руку!

Взяв у ближайшего матроса бинт, Таня кинжалом распорола рукав Сивашеву и ловко перебинтовала простреленное насквозь плечо.

– Вот, подставился, – как-то виновато пояснил Сивашев.

– Давай на «Кострому» к доктору! – велел Шубин.

– Да успеется! Пойду лучше гляну, все ли мои артисты живы.

Сивашев сделал только один шаг, когда краем глаза увидел, как из-за вентиляторной выгородки высунулся ствол автомата, целивший в ничего не подозревавшего Шубина. Все решали какие-то мгновения. И тогда Сивашев просто бросил свое тело между автоматом и командиром «Костромы». Короткая очередь изрешетила его мощное тело, и он, уже умерев, грузно рухнул на палубу. В ответ по выгородке открыли огонь сразу несколько человек, и уже через десяток секунд из-за нее вывалился ничком убитый игиловец.

Опустившись на колени, Шубин смотрел на спасшего его ценою своей жизни Сивашева, и по его щекам текли скупые слезы...

К фальшборту «Кейп Рэя» уже стаскивали убитых террористов, которых скидывали в одну большую кучу. Мертвых бармалеев было много, более четырех десятков.

«Эко это мы намолотили! – удивился про себя Шубин. – И когда только успели!»

К сожалению, у нас также были и убитые, и раненые.

Наших погибших положили на брезент отдельно от убитых врагов. Шубин подошел к лежавшим на брезенте ребятам. Сердце, казалось, вырвется от горя наружу из груди. Еще пару часов назад все они были живы, строили планы и мечтали о будущем...

Немного придя в себя, Шубин подозвал к борту спустившегося с ходового мостика Марченко:

– Михалыч, перенеси ребят к нам на корабль. Пусть их осмотрит Рустем, а потом всех отнесите в рефкамеру. В море хоронить не будем. Повезем домой.

К этому времени стихли выстрелы и на баке «Кейп Рэя». К Шубину подошел перепачканный кровью и копотью прапорщик Чепижко:

– Все командир! – сказал он, устало прислонившись к фальшборту. – Последних зачистили! Трех взяли тепленькими!

Чепижко кивнул в сторону бака, и Шубин увидел, как оттуда два его десантника вели под дулами автоматов пленных бармалеев. Те затравленно озирались по сторонам и скалили зубы.

– Куда их?

Честно говоря, Шубину очень не хотелось забирать на борт «Костромы» этих негодяев.

– Поддержи пока здесь! А там посмотрим!

Игиловцев заставили лечь лицом в палубу и связали руки. Рядом на всякий случай встал матрос с автоматом. Инструктаж был краток:

– Будут дергаться – мочи!

Шубин глянул на часы. Стрелки были на 11.45. «Если бы сам не увидел, никогда бы не поверил, что весь бой занял всего лишь один час пятнадцать минут. А, кажется, длился целую вечность», – подумал командир БДК.

Затем Шубин вместе с Чепижко спустились в трюм, где прапорщик разоружил пояс со взрывчаткой на уже пришедшей в сознание Марине. Пока он снимал пояс, Марина успела его пару раз укусить.

– Вот стерва! – обиделся прапорщик. – И откуда такие только берутся?
– Из Питера! – усмехнулся Шубин.
– Да ну! – не поверил ему Чепижко, внимательно посмотрев на всклокоченную полуседую шахидку. – Питер же культурная столица России!
Марину в сопровождении неутомимой Татьяны отправили на «Кострому».
– Поместить в свободную каюту, и приставь вахтенного, чтобы глаз пока с нее не спускал! – велел передать он Марченко.
Старпом, принимая пленницу, смерив ее взглядом, покачал головой:
– Ни дать ни взять Баба-яга!
– Ты на себя лучше посмотри, гяур недобитый! – чуть было не накинулась та на Марченко в ответ.

Отшатнувшийся старпом был потрясен:
– Еще и по-русски понимает! Воистину чудны дела твои Господи!
Шубин уже было собирался отправиться в разбитую снарядами ходовую рубку «Кейп Рэя», чтобы оценить результат обстрела корабля инициативным Витюком, но неожиданно на палубе из какой-то горловины появилась неизвестная фигура.
– Кажется, одного пропустили! – вскинул автомат Чепижко.
– Я американский офицер! Не стреляйте! Россия хорошо! Путин дружба! – кричал во все горло неизвестный.
– Этот, кажется, встречал нас у трапа! Я еще тогда понял, что американец! – разглядел неизвестного Чепижко. – Ишь, отсиделся где-то!

Неизвестный приблизился, держа руки высоко поднятыми вверх. Автомат у него был закинут за спину.
– Ваше имя и должность! – хмуро спросил Шубин.
– Я первый механик этого судна лейтенант-коммандер Барни Сиглаф! – доложил по-английски трясущийся американец. – Я благодарю вас за то, что спасли меня от этих убийц! Надеюсь, вы всех их убили!
– Почему мы должны всех убить! Вон взяли живыми! – кивнул в сторону смиренно лежавших игиловцев Шубин.

То, что произошло дальше, не мог предусмотреть никто. Мгновенно скинув с плеча автомат, Сиглаф одной длинной очередью буквально вспорол спины всем троим пленным. Те только дернулись и застыли.

Американец, наверное, палил бы и дальше, но бросившийся к нему Чепижко ударом кулака в нос вывел неистового янки из строя.

– Что вы делаете! Это пленные! Пленных убивать нельзя! Вы же не бандит, а офицер!
Из-под тел убитых расплывались по зеленой краске палубы ярко-красные лужи крови...
– Простите, сэр! – разрыдался, бросив на палубу автомат, Сиглаф. – Вы бы только знали, что они вытворяли с моими товарищами! Они выстроили их в ряд и рубили всем по очереди головы! Они резали их ножами, как баранов!

– А почему же они тогда оставили в живых вас? – с неприязнью спросил американца Шубин.

– Им просто был нужен механик, ведь террористы ничего не понимали в двигателях! Только поэтому я и выжил! – уже кричал Сиглаф, размазывая по лицу слезы вперемежку с соплями. – Я американский подданный! Вы не имеете права задавать мне провокационные вопросы!

Кажется, у американца начиналась настоящая истерика. Шубин отвернулся. Смотреть на истеричного американца было неприятно. Он подозвал оказавшегося не у дел охранника пленных:

– Отволоки этого янки к Рустему! Пусть накапает ему какой-нибудь успокоительной микстуры, а еще лучше даст стакан «шила»!

Наскоро оценив повреждения кормовой надстройки «Кейп Рэя», Шубин еще раз удивился ювелирной точности работы Игоря Витюкова, который так удачно положил несколько снарядов, что разнес в клочья только ходовую рубку, практически не задев соседних помещений.

«Как говорится, мастерство не пропьешь!»

Уже переходя на «Кострому», на трапе он столкнулся с начальником службы снабжения Бочаровым, который с баталером тащили на БДК два здоровенных картонных ящика.

– Бочаров! Ты что это мародерствуешь! А ну выбрось!

– Товарищ командир! Это не мародерство! Это боевые трофеи! Хороший виски нам всегда пригодится! Да и у доктора, кстати, спирт уже кончается! А у америкосов в провизионке такого добра хоть залейся! Не обеднеют!

Последний аргумент должно впечатление на командира произвел.

– Ну и ладно! – махнул рукой Шубин. – Трофеи так трофеи!

«Это ж надо, – подумал он, направляясь в радиорубку. – Тут еще не успели толком отбить судно, а он уже все разнюхал, нашел склад продовольствия и начал его потрошить. Что сказать, настоящий тыловик – это не профессия, а состояние души!»

Оглянувшись и увидев, что Шубин исчез из зоны видимости, Бочаров тут же приказал мичману-баталеру:

– Ты бери быстро несколько матросов и вперед, чтобы под шумок успеть еще пять-шесть заходов во вражью провизионку сделать! В море все пригодится!

Командир БЧ-4 Морозов соединил командира с Москвой. Шубин лаконично доложил о завершении операции по захвату «Кейп Рэя», о количестве убитых и своих потерях. Отдельно отметил, что экипаж БДК и находящиеся на нем пассажиры проявили массовый героизм, и он ходатайствует о награждении всех самыми высокими государственными наградами. Спросил, что ему делать с американским судном дальше.

На том конце связи ответили, что сейчас передоложат министру, после чего он получит указания о дальнейших действиях.

Буквально через пару минут вышел на связь сам министр. Он еще раз внимательно выслушал доклад. Отдельно спросил о потерях.

– Семь «двухсотых», двенадцать «трехсотых», из них пять тяжелых! – доложил Шубин.

Министр помолчал. Затем изменившимся голосом сказал:

– Мы никого не забудем!

После чего задал несколько уточняющих вопросов. Затем приказал составить подробный список на награждение отличившихся, который он доложит Верховному главнокомандующему лично. Касательно «Кейп Рэя» министр сказал, что наш Генштаб связался с американцами, и к «Костроме» уже идут американские корабли, которым следует передать захваченный трофей, а самим следовать в Тартус, согласно утвержденному ранее плану.

– Тяжело раненных можете передать американцам! Они выразили готовность помочь нам хоть в этом! – в голосе министра проскользнула печальная ирония.

– Товарищ генерал армии, мы тут отловили одного недобитого американца. Что делать с ним? – задал последний вопрос Шубин.

– Он вам нужен? – раздалось в трубке. – Думаю, что не нужен. Мне тем более! Так что отдайте его своим, пусть между собой разбираются! Желаю дальнейшего успешного плавания. Остальные детали доложите командующему флотом. Благодарю вас за службу. Передайте благодарность Верховного главнокомандующего и мою всему вашему героическому экипажу! Все, конец связи.

Выйдя из радиорубки, Шубин вытер пот со лба. Посмотрел на ладонь, она была черной. Он прислонился спиной к переборке и только тогда понял, как он смертельно устал за эти неполные сутки, казавшиеся ему теперь отдельно прожитой жизнью...

В небе помимо барражирующих самолетов почти сразу откуда-то появились два американских вертолета.

– И как только эти америкосы прознали, что мы их шаланду уже отбили? – удивился стоящий на крыле ходового мостика Марченко.

– Поэтому и полетели присмотреть, чтобы мы их добро не растащили! – в тон ему ответил штурман Наумов.

– Тут такое добро в трюмах, что чем подальше от него, тем лучше! – рассмеялся Марченко.

... На палубу, пошатываясь от усталости, поднялся Рустем.

– Док, что у тебя с «тяжелыми»? – увидев его, подошел Шубин.

– Все прооперированы, – доложил тот.

– Кто именно?

– Каланов с Кулаковым, артист Зубарев, матрос Комаров и один морпех!

Увидев тревогу в глазах командира, Рустем слабо улыбнулся:

– Худшее уже позади. Состояние тяжелое, но стабильное. Жить будут все. Служить, надеюсь, тоже!

– Закончу самые неотложные дела, сразу загляну к ним! – сказал Шубин, уходя.

На палубе «Костромы» у четырех завернутых в плащ-палатки тел сидел, обхватив голову руками, старший прапорщик Чепижко. Шубин хотел было подойти к нему, но потом передумал. Есть момент, когда людям надо побыть в одиночестве. Что и говорить, самые большие потери в бою были среди морпехов. Оно и понятно, эти ребята первыми бросились в бой и последними вышли из него. Уже после боя Шубин с Чепижко узнали о героическом подвиге старшины контрактной службы Владимире Зубенко. Уже будучи тяжелораненым, он смог доползти сзади к одному из игиловцев, свалить на палубу и задушить голыми руками, после чего уже был смертельно ранен. У Чепижко все стоял перед глазами этот веселый, никогда не унывающий «качок», любивший родную Одессу и морскую пехоту. Теперь Олегу Васильевичу предстояло сообщить о смерти Владимира его жене и передать маленькому Костику черный берет отца.

Уже после боя Чепижко узнал, что отправленный им старший сержант Александр Комендант, несмотря на ранение, отказался следовать в медчасть. А вколов себе обезболивающего, снова кинулся в гущу боя. Около кормового трюма Саша в одиночку сошелся в рукопашной сразу с четырьмя «духами». Трех одолел, а вот на последнего, жизни уже не хватило. Мама Саши Коменданта жила в Севастополе рядом с тещей Чепижко. Саша у нее единственный сын, и он не уберег его... Как после этого жить дальше?

Погибли старшие матросы Геннадий Соколов с Сергеем Погореловым. Их так и нашли вместе у кормовой надстройки, куда они пробились в дыму. В автоматах пустые рожки. Вокруг с десятков игиловцев. Ребята, по-видимому, столкнулись в дыму с террористами неожиданно лицо в лицо. Поэтому бой был короток и жесток, а шансов уцелеть в нем просто не было. Тяжело ранен был и заядлый гармонист матрос Дима Ольчев. Впрочем, корабельный врач заверил Чепижко, что с гармонистом все будет в порядке. Глядеть на Чепижко было просто страшно. Он осунулся, под глазами черные круги, а сами глаза будто потухли. Вряд ли бы сейчас кто-то узнал в нем восторженного прапорщика, кричавшего всего день назад «любо» казачке Татьяне. Ведь всего пару часов назад его ребята были живы и здоровы, а теперь из десяти человек четверо убитых и один тяжелораненый.

Рустем облокотился на фальшборт и отрешенно глядел на море и парящих над ним чаек. К нему подошла и молча встала рядом Элеонора.

– Знаешь, – сказал он ей. – А я, по-моему, влюбился!

– В кого? – повернулась она к нему, до конца не поняв сказанного, так как думала сейчас совсем о других вещах.

– В тебя! – ответил он, почему-то сразу испугавшись ее реакции.

– Это что, Рустем Шамиевич, признание! – подбоченилась Элеонора, в одно мгновение перевоплотившись из хирургической сестры в эстрадную диву.

Рустем хотел было отшутиться, но вместо этого смог только выдать из себя «да».

– Ты мне в общем-то тоже понравился! – кокетливо передернула плечиком Элеонора. – Мужчина ты в целом неплохой, да и хирург тоже!

– В общем, Эля, – с трудом подбирая слова, начал Рустем говорить о самом главном. – В общем, я предлагаю тебе свою руку и сердце!

От страха он даже прикрыл глаза, а когда открыл, то увидел взирающую на него с удивлением Элеонору.

«Боже, что я наделал! Сейчас она выставит меня полным дураком», – с ужасом пронеслось в его голове.

Но Элеонора неожиданно опустила глаза и, томно вздохнув, произнесла:

– Я серьезно обдумываю ваше предложение, Рустем Шамиевич...

Как настоящая актриса она умело выдержала паузу. После чего, испытывающе глядя, добавила:

– При этом вероятность того, что я соглашусь на ваше предложение, весьма велика!

– Так ты согласна! – еще до конца не веря в свершившееся, почти закричал Рустем.

– Скорее да, чем нет! – лукаво стрельнула глазами певица. – Кстати, а где положенные по такому случаю цветы и шампанское!

– Увы, – искренне развел руками Рустем. – Всего этого у меня сейчас нет! Но на берегу все это будет, как из-под земли, обещаю!

– Какой ты все же у меня дурачок, – прильнула к нему Эля. – Я ведь просто пошутила. Разве это главное? Главное, что мы просто нашли друг друга посреди этого дурацкого моря!

Несколько минут они так и стояли, обнявшись у фальшборта в своих окровавленных халатах, а потом, взявшись за руки, поспешили вниз, туда, где их ждали спасенные ими люди...

Послесловие

Дальше все было уже без осложнений. Вскоре появились храбрые американцы и взяли «под уздцы» свой химический пароход. «Костроме» они сигнализировали, что восхищены мужеством и храбростью русских. Спрашивали, не нужна ли медицинская помощь. Шубин, посоветовавшись с Еналеевым, отказался. Док доложил, что раненые вполне продержатся до Тартуса. Сразу же по приходе в Тартус все раненые были переправлены на вертолете в Хмеймим в госпиталь. Погибших грузом «двести» отправили на родину. Проводить своих подчиненных в последний путь Шубин отправил помощника. Полетел и прапорщик Чепижко. К удивлению всех, артисты ЦДРА, несмотря на все пережитое и ранения, провели все свои запланированные концерты. Как их принимали в боевых частях, где уже было известно, что перед ними не просто столичные артисты, а настоящие воины, сражавшиеся и победившие лучший игиловский спецназ, можно и не говорить. В Севастополе, куда на обратном пути завернули «Кострому», корабль встречали так, как встречали в годы Великой Отечественной войны пришедших из боевых походов моряков – с оркестром и жареным поросенком.

Министр обороны сдержал свое слово. Вскоре по «Костроме» вышел отдельный указ Президента России. Этим указом командиру БДК капитану 2-го ранга В.М. Шубину, прапорщику морской пехоты О.В. Чепижко было присвоено звание Героев России, посмертно золотыми звездами Героев были награждены полковник в отставке С.Н. Сивашев, капитан-лейтенант И.Е. Витюков и сержант морской пехоты А.Г. Комендант. Все остальные участники боя были удостоены орденов Мужества и медалями «За отвагу». Что касается артистов Центрального дома Российской армии, то все они также получили боевые награды. Чуть позднее американский посол передал участникам боя и награды США.

По телевизору показывали новости. Вначале на экране телевизора появился американский генерал Д. Кирби, который сообщил, что 19 августа 2016 года сирийское химическое оружие было полностью уничтожено на борту американского судна «Кэйп Рэй» в Средиземном море, в связи с чем министр обороны США Чак Хейгел поздравил капитана и экипаж судна с завершением «беспрецедентной работы по нейтрализации в море самых опасных химических веществ из заявленного сирийского арсенала». При этом министр особо подчеркнул, что никаких особых инцидентов в связи с уничтожением оружия не произошло, все прошло планомерно, несмотря на то что террористы пытались организовать нападение. О деталях попытки нападения министр обороны США больше ничего не сообщил.

Затем на сменившейся картинке уже девушка, представительница российского МИДа, озвучивала официальное заявление своего министерства:

– В Российской Федерации с глубоким удовлетворением приветствуют успешное окончание масштабной и беспрецедентной по своему характеру международной операции по вывозу из Сирийской Арабской Республики всех компонентов и прекурсоров химического оружия. Тем самым завершён наиболее важный и сложный этап реализации разработанного Исполнительным советом Организации по запрещению химического оружия и одобренного резолюцией № 2118 Совета Безопасности ООН плана по уничтожению химического оружия за пределами страны. С завершением вывоза из Сирии всех компонентов и прекурсоров химического оружия можно с удовлетворением констатировать, что инициатива президента Российской Федерации о постановке сирийского химического оружия под международный контроль успешно реализована.

...Прошло два года. Время многое изменило в жизни героев этой книги. Бывший командир БДК «Кострома» Герой Российской Федерации капитан 1-го ранга Владимир Михайлович Шубин сейчас успешно командует бригадой десантных кораблей. Время от времени он поднимает свой брейд-вымпел на родной «Костроме», которой теперь командует его бывший стар-

пом – капитан 3-го ранга Михаил Марченко. От перевода на Север бывший старпом отказался, заявив, что ничего лучше, чем «Кострома», для него отныне не существует. Вместе с женой Ладой Шубин растит детей и, как каждый флотский офицер, мечтает, что сыновья пойдут по его стезе. Лада не любит вспоминать август 2016 года, когда, увидев вернувшегося с моря мужа, она упала в обморок. Из того памятного для всех похода Шубин вернулся совершенно седым...

Заместитель командира по работе с личным составом капитан 2-го ранга Матюшкин перевелся служить на Северный флот. Теперь он заместитель командира атомного подводного крейсера стратегического назначения. В Севастополе, со своей женой Валею, они теперь бывают только в отпусках. Выступая перед подчиненными, Алексей Ильич любит вспоминать свой незабываемый поход в Тартус. Сколько бы раз он ни рассказывал о нем, подчиненные всегда слушают, открыв рты. Причем не только из-за того, что каждый раз Ильич вспоминает новые детали, а потому, что искренне гордятся своим героическим начальником.

Вместо Матюшкина заместителем по работе с личным составом на «Костроме» теперь бывший связист капитан 3-го ранга Даниил Морозов, обнаруживший в себе призвание к воспитательной работе.

Бывший штурман «Костромы» Дима Наумов теперь флагманский штурман бригады десантных кораблей. Как и раньше, он прокладывает маршруты переходов в Средиземное море и мечтает приобрести к старости небольшую яхту, чтобы с семьей отправиться в морское путешествие, ну а в свободное время с удовольствием радуется друзьям своим фирменным пловом и тайландским супчиком.

Командир электромеханической боевой части «Костромы» капитан 2-го ранга Николай Каланов после лечения уволился из Вооруженных сил по состоянию здоровья. Но дома не сидит, а возглавляет фирму по экологическим экспертизам. В свободное же время бывший механик не прочь посидеть со старыми друзьями за стаканчиком крымского вина в любимом кафе на берегу Артбухты. Чаще всего компанию ему составляет бывший боцман «Костромы» Владимир Кулаков, ушедший в запас сразу же после того памятного похода. Недавно друзья узнали, что их бывший командир вышел наверх с ходатайством назвать один из новых строящихся для Черноморского флота МРК в честь Игоря Витюкова. Теперь оба жадно ждут новостей по этой теме и надеются, что все сложится так, как надо. Поднимая рюмки в память друга, они всегда вспоминают и его стихи:

Своих привычек вредных не стыдись.
Курение, вино, порывы страсти,
Конечно, укорачивают жизнь —
Но могут продлевать мгновенья счастья!

Подполковник медицинской службы Рустем Еналеев уже год, как трудится ведущим хирургом в московском военном госпитале имени Бурденко. На переводе в Москву настояла Элеонора Звездинская. Рустем пытался мужественно сопротивляться натиску молодой жены, но не устоял под ее напором и сдался, тем более что Элеонора пробила и московскую квартиру в хорошем уютном районе. Не так давно молодые супруги обзавелись сыном, а теперь, по слухам, собираются родить дочь. Нашла себя Элеонора и как композитор, написав лирический цикл «Слово Божье» и клавиры для духовного пения.

Бывший начальник службы снабжения корабля Владимир Бочаров сейчас заведует производственной службой Новороссийской военно-морской базы и на жизнь свою, разумеется, не жалуется.

Старшие мичманы Рубцов и Терехов, старшины контрактной службы Владимир Пошевелия, Сергей Лукашев и Сергей Комаров по-прежнему служат на «Костроме» и по-прежнему

участвуют в «сирийском экспрессе». Как и все остальные ветераны корабля, они частые гости в доме своего бывшего командира.

Вообще чета Шубиных, когда удается, всегда старается собрать у себя на даче на шашлык бывших «костромичей» с их женами и чадами. Кстати, мечты о цирке у боцмана с «Костромы» не пропали даром, и его сын, окончив цирковое училище как жонглер, теперь с успехом выступает по всему миру.

Старший прапорщик морской пехоты Олег Чепижко по возрасту уволился из Вооруженных сил. Получил квартиру в Севастополе. В настоящее время возглавляет военизированную охрану Черноморского арсенала и с женой Натальей помогает сыну воспитывать маленького внука. А в свободное время все так же совершает походы по Крымским горам, как он говорит: «на всякий случай». Иногда он участвует в посиделках Каланова с Кулаковым.

Бывший администратор артистической группы Ян Березкин женился на известной фото-модели Ксении, а совсем недавно возглавил один из молодежных театров Москвы. Говорят, что он собирается поставить поэтический спектакль о событиях на «Костроме», но сам автор пока помалкивает. Однако, зная характер Березкина, все уверены, что спектакль обязательно будет.

Бывший руководитель ансамбля Вадим Панфилов ушел в Большой театр, где исполняет сольные партии и гастролирует по всему миру. В один из своих приездов в Москву Шубины получили от него приглашение в оперу и были потрясены талантом старого знакомого.

Звуковик Алексей Зубарев после лечения вернулся к своей первоначальной профессии драматического артиста. Сейчас он много и успешно снимается не только в сериалах, но и в полном формате, а также выступает со своей авторской программой «Эх, Россеюшка!»

Что касается бывшей солистки концертной бригады Тани Пахомовой, то она воплотила в жизнь свою детскую мечту. Сейчас заслуженная артистка России лейтенант Пахомова руководит клубом Рязанского десантного училища, учит курсантов рукопашному бою с ножами и с удовольствием прыгает с парашютом. Не прекращает она и свою песенную деятельность. Недавно Татьяна выпустила авторский диск с казачьими песнями. В последний отпуск она приезжала в Севастополь уже не одна, а с молодым человеком – майором ВДВ. По конфиденциальной информации Элеоноры, майор уже сделал Татьяне предложение и скоро должна состояться свадьба.

Что касается Марины, то ее по просьбе Шубина переправили в Россию. Вначале против Марины как участницы ИГИЛ было заведено уголовное дело. Ее судили, но потом, приняв во внимание все обстоятельства дела и ходатайство Шубина, который (несколько покрывив душой) сообщил, что гражданка М.Н. Игнатьева оказала активное содействие в разминировании американского судна, амнистировали. После этого Марина долго приходила в себя от пережитого в одном из реабилитационных центров. И только после этого наконец вернулась в родной Петербург к родителям. Сейчас Марина трудится в Салтыковской библиотеке, в отделе восточной литературы. Остальное время посвящает родителям. Ведет замкнутый образ жизни и почти ни с кем не общается. Единственное исключение она делает Шубину. Владимир Михайлович иногда звонит ей, и тогда они беседуют на отвлеченные темы. Вспоминать свое недавнее прошлое Марина категорически не хочет.

Погибших при выполнении воинского долга командира «Кейп Рэя» командера Брайса Бенсона и командира фрегата «Элрод» Джека Китона посмертно наградили высшей наградой Соединенных Штатов Америки – медалью Почета. Их именами решено назвать новые корабли ВМС США. Медали Почета был удостоен и единственный оставшийся в живых член экипажа «Кейп Рэя» Барни Сиглаф, показавший себя в непростой ситуации настоящим героем. Именно он, чудом оставленный в живых террористами, сделал вид, что готов обслуживать двигательную установку судна, но, когда на горизонте показался русский корабль, храбрый Сиглаф, рискуя жизнью, вывел двигатель из строя. Именно поэтому русские смогли взять на бордаж захваченный террористами «Кейп Рэй». «Подвиг одного нашего героя-моряка перекрывает все

подвиги русских при освобождении судна с химическим оружием. Барни Сиглаф – гордость американской нации и пример для каждого из нас!» – так прокомментировал в своем твиттере заслуги механика «Кейп Рэя» президент США.

Вскоре бывший первый механик написал о событиях на «Кейп Рэе» книгу воспоминаний «Наедине с ИГИЛ», которая мгновенно стала бестселлером. В настоящее время в Голливуде уже полным ходом идут съемки масштабного блокбастера о подвиге скромного механика, который должен переплюнуть схожий по сюжету боевик «В осаде» со Стивеном Сигалом. А совсем недавно Барни Сиглаф публично объявил, что собирается начать политическую карьеру, и выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии. По последнему опросу общественного мнения, у героя-моряка есть все шансы возглавить этот штат.

Командующий 6-м флотом вице-адмирал Джеймс Фогго после событий с «Элродом» и «Кейп Рэем» был тихо отправлен на береговую должность. Что касается бывшего офицера его штаба Билли Уоррена, то он, наоборот, пошел в гору и уже служит на адмиральской должности в штаб-квартире НАТО.

Идеолог операции по захвату «Кейп Рэя» глава совета разведки ИГИЛ Керим Рабах, по прозвищу Убар Каид, был убит осенью 2017 года в ходе антитеррористической операции под Дэйр-эз-Зором. Там же бесследно исчез и бывший халиф террористического государства.

Домодедово – Севастополь

2017–2018 гг.

Истории, описанной в настоящей книге, в действительности не было. Она от начала до конца придумана автором. Все возможные совпадения с реальностью и имена героев являются случайностью.

Список терминов и сокращений

Аврал – от голландского Overal (повсюду) – морское повелительное: «все наверх!», спешная работа на судне всей командой или большей частью команды. Аврал объявляется при постановке (съемке) корабля на якорь (швартовы), производстве погрузо-разгрузочных работ, приемке и сдаче боеприпасов, работах по уборке корабля (судна) и др.

АТД – антитеррористическая деятельность.

БДК – большой десантный корабль.

БП – боевой пост.

БЧ – боевая часть корабля (БЧ-1 – штурманская боевая часть, БЧ-2 – артиллерийская боевая часть, БЧ-3 – минно-торпедная боевая часть, БЧ-4 – боевая часть связи, БЧ-5 – электромеханическая боевая часть).

ВПС – выносной пост связи.

«Гарсунка» (морск. жаргон) от франц. «гарсон» (мальчик) – отдельная выгородка в кают-компании, где вестовой содержит посуду для сервировки стола, кипятит чай, разливает и раскладывает доставленную с камбуза пищу по тарелкам для подачи к столу.

ГАС – гидроакустическая станция.

ГКП – главный командный пост корабля.

Киса – морской парусиновый мешок.

КМП (амер. жаргон) – корпус морской пехоты США.

Кранец швартовый (судовой) – устройство, которое используется для амортизации ударов корпуса судна о причал или другое судно в процессе швартовки или буксировки.

КП – командный пункт.

МРК – малый ракетный корабль.

МППСС – международные правила предупреждения столкновения судов.

ОВ – отравляющие вещества.

Паёл – настил в трюме корабля (судна), предохраняющий днище от повреждений. На катерах и шлюпках паёлы обычно деревянные и решетчатые.

ПДСС – противодиверсионные силы и средства.

ПЗРК – переносной зенитный ракетный комплекс.

Пелорус (лат. Pelorus, по имени кормчего, убитого Ганнибалом) – высокая колонка в виде металлической трубы, на которую в кардановом подвесе устанавливается репитер компаса корабля. Пелорус позволяет сделать независимым от изменений своего положения установленный на нем прибор. Пелорус является обязательным элементом навигационного оборудования судна. Обычно размещается на крыльях мостика и у постов управления рулем.

ППДО – противоподводно-диверсионная оборона.

ПЭЖ – пост энергоживучести корабля.

РЛС – радиолокационная станция.

«Рогатые» (морск. жаргон) – прозвище корабельных артиллеристов.

РЭБ – радиоэлектронная борьба.

Слеминг – явление удара днищевой части носовой оконечности о воду в процессе продольной качки корабля при движении на встречных волнах. Удар сопровождается содроганием корпуса вследствие внезапного нарастания нагрузки на днище и медленно затухающей вибрации. Гидродинамические давления на днище при слеминге и общая вибрация корпуса могут быть причинами нарушения прочности судна.

«Черви», «личинки» – жаргонное прозвище морских пехотинцев США в американском флоте (англ. The maggot).

УКВ – ультракороткие волны метрового, дециметрового и частично сантиметрового диапазона.

«Шило» (морск. жаргон) – этиловый спирт.

ЮСМП – Корпус морской пехоты США (United States Marine Corps).

ЦАП – центральный артиллерийский пост корабля.

ЦДРА – Центральный Дом Российской Армии.

GPS – спутниковая система навигации, обеспечивающая измерение расстояния, времени и определяющая местоположение во всемирной системе координат. Позволяет в любом месте Земли (исключая приполярные области), почти при любой погоде определять местоположение и скорость объектов.

KDGM – отдел общественного порядка и безопасности (Kamu Düzeni ve Güvenliği Müsteşarlığı или сокращенно KDGM) – подразделение министерства внутренних дел Турции, выполняющее функции контрразведки и координационного центра по борьбе с терроризмом.

МІТ – национальная разведывательная организация (Milli İstihbarat Teşkilatı или сокращенно МІТ) – спецслужба Турции, решающая как внутренние, так и внешние задачи.

Владимир Виленович Шигин

Сирийский экспресс

Роман

Вёрстка – Игорь Витюк

Дизайн обложки – Александр Кабин

Сдано в набор 09.01.2022

Подписано к печати 12.02.2022

Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman. Условных печ. л. 19,5

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации
129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1